

21 1976

К. А. ПАЖИТНОВ

ИЗ ИСТОРИИ РАБОЧИХ АРТЕЛЕЙ

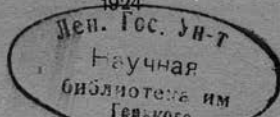
на Западе и в России

От утопистов до наших дней

ИЗДАНИЕ

Культурно-Просветительного Отдела
Петр. Губ. Совета Професс. Союзов

1924

1956
1956

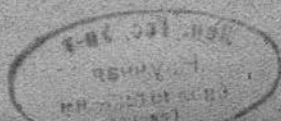
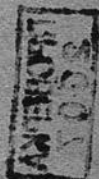
1956
1956

ПРОВЕРКА
20.07

Петролит № 11570.

ТИПОГРАФИЯ
культ-отдела
ПЕТРОГУВПРОФСОВЕТА
Красная, 24.

Тираж 3500.

Несколько замечаний к настоящей книге.

„Утописты—говорит Энгельс в „Антидюринге“—были утопистами потому, что они не могли быть ничем иным в такую эпоху, когда капиталистическое производство было еще так слабо развито. Они принуждены были конструировать элементы нового общества из своей головы, ибо эти элементы еще не вырисовались ясно для всех в недрах самого старого общества.

Дюринг называет Оуэна и Фурье социальными алхимиками.

„Пусть так,—отвечает на это Энгельс.—Алхимия была в свое время необходима. Но с тех пор крупная промышленность развила скрывающиеся в капиталистическом способе производства противоречия в столь вопиющие антагонизмы, что приближающийся крах этого способа производства может быть, так сказать, нащупан руками. Новые производительные силы могут сохраниться и развиваться далее лишь при введении соответствующего их нынешней стадии развития нового способа производства. *Постоянная борьба между двумя классами, созданными существующим способом производства, порождающим все большее и большее обострение классовых отношений, охватила все цивилизованные страны и разгорается с каждым днем, так что, наконец, уже достигнуто понимание этого исторического процесса и условий ставшей благодаря ему необходимой социальной революции, а*

также и главных характерных свойств последней (курсив мой). Если г. Дюринг и теперь фабрикует „утопию“ нового общественного строя не из наличного экономического материала, а извлекает ее просто из своего высочайшего черепа, то далеко недостаточно сказать, что он занимается „социальной алхимией“. Нет, он поступает хуже, чем тот, кто после открытия законов современной химии вздумал бы воскресить старую алхимию и пожелал бы воспользоваться атомным весом, молекулярными формулами, валентностью атомов, кристаллографией и спектральным анализом для открытия... *философского камня*“ (Отдел III, Исторический очерк, конец).

Мне пришли на память эти слова Энгельса после прочтения оглавления книги К. А. Пажитнова с подзаголовком „от утопистов до наших дней“. Изложение начинается Плзкбоем и Беллерсом, захватывает великих утопистов, Маркса и заканчивается В. В., Туганом и Е. Максимовым-Слобожаниным. Очень хорошо. К. Пажитнов покажет нам, кого и почему надо считать утопистом, кого — научно разрешающим вопросы кооперации и кого отнести в группу открывателей философского камня.

После Октябрьской пролетарской революции кооперативная практика стала для нас чрезвычайно близкой. Строительство диктатуры пролетариата отнимает так много сил, что нет времени углубляться в историю. К. Пажитнов специально занимается историей кооперации. Кому же, как не ему, показать нам, как неизбежный на заре капиталистического общества утопический взгляд на кооперацию с дальнейшим развитием этого общества превратился в научный; как рабочий класс, изжив суеверия прошлого, вместо того, чтобы набрасываться на доктринерские эксперименты и заводить меновые банки и рабочие ассоциации, т. е. вместо того, чтобы входить в такое движение, в котором он отказывается от мысли преобразовать старый

мир, пользуясь его собственными великими общественными силами, и старается осуществить свое освобождение путем частных мероприятий в рамках закона, ограниченных условий своего существования и, конечно, неизбежной мерой крушения (Маркс—18 брюмера),—организуется в политическую рабочую партию, чтобы, преобразовав старый мир, создать действительные условия для рабочей кооперации; как, наконец, став в СССР у власти, он эту кооперацию строит.

К. Пажитнов следит по своей специальности за кооперативной литературой. Ему и книги в руки. В книге есть отдельная глава—„Литературные течения“. В ней он покажет нам, что и в области кооперативной мысли имеются и социальные алхимики на манер Дюринга, и буржуазные и мелкобуржуазные „подозрительные фигуры“, стремящиеся отвлечь рабочих от общих революционных мероприятий в болото частных мещанских интересов, чтобы, ослабляя таким образом натиск пролетариата, сохранить дорогую их сердцу собственность. Он покажет, почему к кооперированию при диктатуре пролетариата надо относиться иначе, чем при строе капиталистическом. Он нарисует нам, какие необъятные горизонты открываются для кооперации в СССР. Он объяснит нам, почему кооперирование крестьян, кустарей и ремесленников стало очередной задачей победивших рабочих.

Так как это не теория, а история кооперации, то вопросы освещены в исторической перспективе. А так как это очерки из истории, то внимание наше будет сосредоточено на главнейшем. Уже беглое ознакомление с оглавлением книги поставило меня в тупик. Ленину не только не отведено особой главы, но нет даже упоминания о нем в главе „Литературные течения“. В. В. есть, Туган есть, а Ленина нет.

Еще в больший тупик я встал после прочтения книги.

Только прочитав ее несколько раз, я пришел к заключению, что для внимательного читателя она, против воли К. Пажитнова, служит доказательством правильности взглядов ортодоксальных марксистов на кооперацию.

Сам К. Пажитнов свои взгляды высказывает осторожно. При беглом чтении они могут и не выявиться перед читателем с достаточной ясностью. Считаю поэтому, небесполезным их несколько больше вскрыть, чтобы читатель-работчий знал, как надо читать работы Пажитнова и чего от него ждать.

Возьмем главу 8—Карл Маркс.

По Пажитнову выходит, что Маркс в Коммунистическом Манифесте в 1848 году только потому „очень резко“ отозвался о последователях великих утопистов („реакционная секта“), что при соприкосновении с „горькой действительностью“ потерпели очевидное крушение попытки Оуэна и Фурье посредством своих замкнутых и самодовлеющих коммун и фаланстеров в несколько лет обновить жизнь человечества (стр. 100).

Прав ли был Маркс, так резко отзываясь об „этих карманных изданиях Нового Иерусалима“? Может быть, он отозвался не только „очень“ резко, но и *слишком* резко? Мы-то думаем, что не слишком резко, ну а К. Пажитнов, кажется, с нами не согласен. Он говорит дальше: „Однако, неудача фаланстеров вовсе не означала еще несостоятельности принципа кооперации“ (100). Как это понять? Уж не выплеснул ли Маркс своим отзывом из ванны вместе с водою и ребенка? Маркс пишет, а жизнь идет мимо него: „на место утопических форм ее (кооперации) стали уже в тридцатых и сороковых годах возникать новые, более *реалистические* (курсив мой) образования, которым впоследствии удалось завоевать прочное положение в жизни—как, например, потребительские общества, кредитные кооперативы, товарищества по совместному сбыту, за-

купке или переработке и, наконец, производительные артели" (100—101). К. Пажитнов справедлив к Марксу. Он считает своим долгом отметить, что в том же самом Коммунистическом Манифесте Маркс „допускает, что со временем, когда уничтожатся различия классов, все производство может сосредоточиться в руках ассоциаций, под которыми он разумел, очевидно (очевидно только для Пажитнова), рабочие товарищества, выдвинутые незадолго перед тем Луи Бланом". Вот это место:

„Вместо старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями, возникнет ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех" (Коммунистич. Манифест, вторая глава, конец).

Всем должно быть очевидно, что речь идет не о рабочих товариществах Луи Блана, а о бесклассовом обществе будущего.

„Таким образом эта форма ассоциации находит себе уже *иную* (курсив наш), более положительную оценку". К. Пажитнов считает, что он нашел противоречие у Маркса, мы же считаем, что он видел не то, что читал.

Чтобы ни у кого не было сомнения в том, что он не понял, о чем говорит Маркс, он продолжает: „но все же она (ассоциация) относится на довольно отдаленное будущее, и в перечне мер, составляющих программу-минимум рабочего движения, они не упоминаются". Маркс был бы не Марксом — глубочайшим ученым и величайшим вождем рабочего класса, если бы он установление коммунистического строя считал мерою, которая может быть осуществлена в пределах капиталистического общества (программа-минимум). Ну как не сердиться Пажитнову на Маркса? „Реалистическим образованиям удалось завоевать прочное положение в жизни", а Маркс зовет рабочих к захвату власти, после чего он только считает, что наступит, и то не сразу, ассоциация.

„Реалистические же образования“ он так мало считает „средством обновить жизнь человечества“, что в „18 брюмера“ „весьма сдержанно и *даже* отрицательно относится к движению в пользу организации рабочих ассоциаций“ (стр. 101). Подчеркнутое нами слово „даже“ показывает, что К. Пажитнов этим недоволен. Чтобы читатель видел, насколько „сдержанно“ относится к ним Маркс, начнем цитату несколько выше того места, с которого начинается К. Пажитнов.

Июньское восстание рабочих разбито. „Наиболее значительные вожди пролетариата в национальном собрании и в прессе один за другим падают жертвой судебных приговоров, и во главе его становятся все более и более *двусмысленные фигуры* (курс. наш). Часть его набрасывается на доктринерские эксперименты“. Дальше смотри у Пажитнова—стр. 101—102. Вся цитата, приведенная у Пажитнова, Марксом подчеркнута. Только представители „реалистических образований“ могут считать эту характеристику „весьма сдержанной“.

Маркс объясняет причину своего резко отрицательного отношения. Увлечение рабочих кооперацией есть показатель упадка революционного настроения у них, явившегося результатом июньского поражения пролетариата. Этот упадок настроения дает доступ в рабочую массу двусмысленным фигурам с их проповедью „реалистических принципов“, копейка на рубль, забота о своем групповом освобождении путем частных мероприятий. Отсюда „весьма сдержанное“ отношение к кооператорам со стороны Маркса и его учеников.

К. Пажитнов ошибается, когда объясняет „весьма сдержанное“ отношение Маркса понятным, по его словам, в 1852 г. увлечением Маркса революционными тенденциями рабочего класса. Увлекается Пажитнов, объясняя такое отношение увлечением Маркса. Ошибается также Пажитнов, видя в

увлечении рабочих кооперацией показатель пробуждающегося рабочего движения (102), а не результат поражения его в июньские дни. Ошибается Пажитнов, утверждая, что в кооперации „можно даже видеть очень важную экономическую, т. е. не словесную, а реальную подготовку к преобразованию“ старого мира.

Видеть можно разное. Мы видим в диктатуре пролетариата исходную точку для мощного развития культуры, а буржуазия видит ее гибель.

Цитата из адреса Генерального Совета Международного Общества Рабочих (стр. 103—104) говорит не за, а против Пажитнова. Что говорится в этом адресе?

1) Рабочие эксперименты в области кооперативного движения были результатом теорий, проповедывавшихся в 1848 г.

2) Опыт „подтвердил ту несомненную истину, что как ни превосходит в принципе и ни полезен на практике кооперативный труд, он не в состоянии, если ограничиваться случайными попытками отдельных рабочих, задержать происходящее в геометрической прогрессии возрастание монополий, освободить массы или хотя бы облегчить скольконибудь заметным образом тяжесть их нищеты.

3) Случайные попытки отдельных рабочих перестанут быть попытками отдельных рабочих, а станут действием масс только тогда, когда у власти будет стоять пролетариат. Ведь для того, чтобы освободить рабочие массы, кооперативная система нуждается: а) в развитии до национальных размеров, что невозможно при капиталистическом строе; б) в оказании поддержки из национальных средств. Располагается национальными средствами буржуазия, а она не унтер-офицерская вдова.

4) Так как увлечение кооперацией является отказом со стороны отдельных групп рабочих от мысли преобразовать старый мир, является только на словах экономической под-

готовкой к этому преобразованию, а на деле льет воду на мельницу врагов рабочего класса, то это и служит причиной того, почему лорды, буржуазно-филантропические болтуны и несколько трезвых, т. е. понимающих интересы буржуазии политико-экономов *), заигрывают теперь с той самой кооперацией, которую раньше они пытались задуть в зародыше.

5) Хотя это только эксперимент, на который никак нельзя смотреть как на орудие уничтожения противоречий капиталистического строя, ни как на средство преобразования старого мира, но эксперимент, который на деле доказывает, что производство может идти в крупном масштабе и в согласии с завоеваниями современной науки без особого класса предпринимателей.

6) Являясь доказательством возможности обойтись без буржуазии, эксперимент этот больше, чем завоевание 10-часового рабочего дня, подтверждает огромное теоретическое превосходство политической экономии труда над политической экономией капитала.

7) Нельзя валить в одну кучу теоретиков, которых Маркс „весьма сдержанно“ характеризует подобающими им эпитетами, и смелых пролетариев, делающих под влиянием этих горе-теоретиков эксперименты. Он отдает им должное, как мы отдаем должное героям Народной Воли, несмотря на всю несостоятельность их теорий. Одно дело рабочие, смело отдающиеся осуществлению безнадежных теорий, другое дело — открыватели философского камня.

Пажитнов утверждает, что работы Маркса кишат противоречиями. От 1848 года, через 1852 г., к 1864 году он пришел через различные отношения к кооперации. Вначале оценивает „очень резко“, затем „весьма сдержанно“, нако-

*) Политико-экономами Маркс и Энгельс называют в отличие от социалистов буржуазных экономистов.

нец, „очень высоко—выше, чем завоевание 10-часового рабочего дня“.

Думается мне, что моего краткого разбора вполне достаточно, чтобы вместе с читателем сказать: и в целом и в частях утверждения Пажитнова требуют внимательной критики. Предлагаю читателям вдуматься в приводимые Пажитновым резолюции Женевского конгресса, в места из Готской программы и III тома „Капитала“. Читатель убедится, что к данной нами оценке Пажитновской критики Маркса и его ортодоксальных учеников прибавить будет нечего.

То, что хочет приписать Марксу Пажитнов,—не заветы Маркса, а заветные мечтания Пажитнова.

Пажитнов ни словом не упомянул о Ленине, не показал разницы между ролью кооперации при буржуазном и пролетарском строе и проч.

Прилагаю статью Ленина о кооперации, напечатанную в „Петроградской Правде“ (26 мая 1923 года). Эта маленькая статья даст читателю правильный подход к вопросу о кооперации.

Э. Эссен.

20/II-24.

О КООПЕРАЦИИ.

Статья тов. ЛЕНИНА *).

У нас, мне кажется, недостаточно обращается внимания на кооперацию. Едва ли все понимают, что теперь, со времени Октябрьской революции и независимо от Нэпа (напротив, в этом отношении приходится сказать—именно благодаря Нэпу), кооперация получает у нас совершенно исключительное значение. В мечтаниях старых кооператоров много фантазии. Они смешны часто своей фантастичностью. Но в чем состоит их фантастичность? В том, что люди не понимают основного, коренного значения политической борьбы рабочего класса за свержение господства эксплуататоров. Теперь у нас это свержение состоялось и теперь многое из того, что было фантастического, даже романтического, даже пошлого в мечтаниях старых кооператоров, становится самой неподкрашенной действительностью.

У нас, действительно, раз государственная власть в руках рабочего класса, раз этой государственной власти принадлежат все средства производства, у нас, действительно, задачей осталось только кооперирование населения. При условии максимального кооперирования населения само собой достигает цели тот социализм, который ранее вызывал законные насмешки, улыбку, пренебрежительное отношение

*) Статья доставлена в редакцию „Петрогр. Правды“. Н. К. Крупской.

к себе со стороны людей, справедливо убежденных в необходимости классовой борьбы, борьбы за политическую власть и т. д. И вот не все товарищи дают себе отчет в том, какое теперь гигантское, необъятное значение приобретает для нас кооперирование России. В Нэпе мы сделали уступку крестьянину, как торговцу, принципу частной торговли; именно из этого вытекает (обратно тому, что думают) гигантское значение кооперации. В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве Нэпа есть все, что нам нужно, потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степени подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов. В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую, с известной стороны имеем право третировать теперь при Нэпе также, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения.

Вот это-то обстоятельство недооценено многими нашими практическими работниками. На кооперацию у нас смотрят пренебрежительно, не понимая того, какое исключительное значение имеет эта кооперация, во-первых, с принципиальной стороны (собственность на средства производства в руках государства), во-вторых, со стороны перехода к но-

вым порядкам путем возможно более простым, легким и доступным для крестьянина.

А ведь в этом, опять-таки, главное. Одно дело фантазировать насчет всяких рабочих объединений для построения социализма, другое дело научиться практически строить этот социализм так, чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении. Этой-то ступени мы и достигли теперь. И несомненно то, что, достигнув ее, мы пользуемся ею непомерно мало.

Мы перегнули палку, переходя к Нэпу, не в том отношении, что слишком много места уделили принципу свободной промышленности и торговли, но мы перегнули палку, переходя к Нэпу, в том отношении, что забыли думать о кооперации, что недооцениваем теперь кооперацию, что начали забывать уже гигантское значение кооперации в указанных выше двух сторонах этого значения.

Я намерен теперь поговорить с читателем о том, что практически можно и должно сделать сейчас же, исходя из этого „кооперативного“ принципа. Какими средствами можно и должно сейчас же начать развивать этот „кооперативный“ принцип так, чтобы всякому и каждому было ясно его социалистическое значение?

Надо поставить кооперацию политически так, чтобы не только кооперация вообще и всегда имела известную льготу, но чтобы эта льгота была чисто имущественной льготой (высота банкового процента и т. п.). Надо ссужать кооперацию такими государственными средствами, которые хотя бы на немного, но превышали те средства, которые мы ссужаем частным предприятиям, вплоть хотя бы до тяжелой промышленности и т. д.

Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса. Нечего напоминать о тех сотнях и сотнях миллионов рублей, которые стоило рождение „свободного“ капитализма. Теперь мы должны

сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный. Но поддерживать его надо в настоящем смысле этого слова, т. е. под этой поддержкой недостаточно понимать поддержку любого кооперативного оборота; под этой поддержкой надо понимать поддержку такого кооперативного оборота, в котором действительно участвуют действительные массы населения. Давать премию тому крестьянину, который участвует в кооперативном обороте—это форма безусловно верная, но при этом проверять это участие и проверять его сознательность и его доброкачественность,— вот в чем гвоздь вопроса. Когда кооператор приезжает в деревню и устраивает там кооперативную лавочку, население, строго говоря, никак в этом не участвует, но в то же время оно, руководствуясь собственной выгодой, поторопится попробовать в ней участвовать.

Это дело имеет также другую сторону. Нам нужно сделать еще очень немного с точки зрения „цивилизованного“ (прежде всего грамотного) европейца для того, чтобы заставить всех поголовно участвовать и участвовать не пассивно, а активно в кооперативных операциях. Собственно говоря, нам осталось „только“ одно: сделать наше население настолько „цивилизованным“, чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. „Только“ это. Никакие другие мудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму. Но для того, чтобы совершить это „только“, нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы. Поэтому нашим правилом должно быть как можно меньше мудрствования и как можно меньше выкрутас. Неп в этом случае представляет из себя в том отношении прогресс, что он приравнивается к уровню самого обыкновенного крестьянина, что он не требует от него ничего

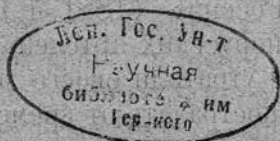
высшего. Но чтобы достигнуть через Нэп участия в кооперации поголовно всего населения—вот для этого требуется целая историческая эпоха. Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно-два десятилетия. Но все-таки это будет особая историческая эпоха, и без этой исторической эпохи, без поголовной грамотности, без достаточной степени толковости, без достаточной степени приучения населения к тому, чтобы пользоваться книжками, и без материальной основы этого, без известной обеспеченности, скажем, от неурожая, от голода и т. д.,—без этого нам своей цели не достигнуть. Все дело теперь в том, чтобы уметь соединить тот революционный размах, тот революционный энтузиазм, который мы уже проявили и проявили в достаточном количестве, и увенчали полным успехом, уметь соединить его (тут я почти готов сказать) с умением быть толковым и грамотным торгашем, какое вполне достаточно для хорошего кооператора. Под умением быть торгашем я понимаю умение быть культурным торгашем. Это пусть намотают себе на ус русские люди или просто крестьяне, которые думают: раз он торгует, значит, умеет быть торгашем. Это совсем неверно. Он торгует, но от этого до умения быть культурным торгашем еще очень далеко. Он торгует сейчас по-азиатски, а для того, чтобы уметь быть торгашем, надо торговать по-европейски. От этого его отделяет целая эпоха.

Кончаю: ряд привилегий экономических, финансовых и банковских—кооперации; в этом должна состоять поддержка нашим социалистическим государством нового принципа организации населения. Но этим задача только еще поставлена в общих чертах, потому что тут еще остается неопределенным, неописанным детально все содержание задачи практически, т. е. надо уметь отыскать ту форму „премий“ (и те условия выдачи их), которую мы даем за кооперирование, ту форму премий, при которой мы доста-

точно помогаем при кооперации, ту форму премий, при которой мы достигаем цивилизованного кооператора. А строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией—это есть строй социализма.

4-го января 1923 г.

С 1767

Под именем рабочих артелей понимаются такие добровольные объединения рабочих одной профессии, которые ставят себе задачей содействовать материальному и духовному благосостоянию своих членов.

Среди этих объединений можно различить две формы: **производительные** артели, организующие то или иное коллективное предприятие, в котором находят себе занятие члены артели, и **трудовые** артели, объединяющие своих членов в интересах наиболее рациональной продажи их рабочей силы. Последние артели всегда работают на какого-нибудь хозяина или заказчика, имея в виду добиться наиболее льготных условий труда, первые же сами являются хозяином, самостоятельно выступают со своими изделиями на рынке и стремятся получить не только хорошую заработную плату, но и предпринимательскую прибыль, а также известную независимость и свободу. Производительные ассоциации являются продуктом более позднего происхождения, трудовые же артели представляют собою древнейшую форму.

Литература по вопросу о рабочих артелях насчитывает не мало имен и исследований, но тем не менее он отнюдь не может считаться исчерпанным. Работы **Н. Калачова** — «Артели в древней и нынешней России» (1864 г.), **Н. Аристова** — «Про-

мышленность древней Руси» (1866 г.), **А. Исаева** — «Артели в России» (1881 г.) и **Ф. Щербины** — «Очерки южнорусских артелей» (1881 г.) до сих пор еще не утратили своего значения, но все же не могли не пострадать от времени. Обширное сочинение **Г. Петрова** — «Промысловая кооперация и кустарь» (1917 г.) отличается редким обилием и разнообразием материала, свежего и интересного. Но, с одной стороны, в него все же не вошел революционный период, а с другой, благодаря отсутствию систематичности в изложении, читателю, интересующемуся вопросом именно о рабочих артелях, трудно составить себе на основании его надлежащее представление.

Что касается рабочих товариществ на Западе, то посвященные им книги **А. Михайлова** — «Ассоциации» (1870 г.) и **А. Исаева** — «Промышленные товарищества во Франции и Германии» (1879 г.) нуждаются уже в значительном освежении материала; брошюра же **Э. Дюфур'а** — «Производительные товарищества на Западе» (1919 г.), хотя и вышла сравнительно недавно, слишком слаба, чтобы удовлетворить сколько-нибудь требовательного читателя.

Таким образом, вышеперечисленные сочинения даже в своей совокупности не охватывают всего поставленного здесь вопроса с его идеологической и исторической стороны, оставляя ряд существенных пробелов; тем менее можно говорить об этом по отношению к какой-нибудь из них в частности. Между тем революция в России, выдвинувшая своим лозунгом освобождение труда от эксплуатации капитала, действительно требует выявления тех форм, в которых это освобождение может получить себе

надлежащее разрешение на практике. И среди этих форм рабочим артелям принадлежит видное место.

Отсюда возникает потребность в сочинении, которое охватывало бы вопрос в целом, давая возможность читателю ориентироваться в наиболее важных его моментах. Удовлетворение ее—цель настоящей работы. Если читатель, ознакомившись с книгой, вынесет хотя бы смутное ощущение, что отзыв Маркса о производительных товариществах, как об одной из наиболее значительных побед политической экономии труда над политической экономией капитала, отнюдь не является уже устаревшим, а сохраняет свою силу и теперь, и что рабочие артели служат необходимыми лабораториями, вырабатывающими те навыки и душевные свойства и тот подход к хозяйственной деятельности, без которых построение действительно нового общества вряд ли возможно, — то затраченный автором труд не будет пропавшим напрасно.

Петроград, ноябрь 1923 г.

Петр Плокбой и Джон Беллерс.

В 1659 г. в Лондоне появился памфлет, принадлежащий перу голландца Петра - Корнелиуса Плокбоя и носящий пространное заглавие: «Средство сделать счастливыми бедняков всех наций путем объединения некоторого числа подходящих и хорошо приспособленных людей в общее хозяйство или небольшую республику, в которой каждый сохраняет свою собственность и может, без всякого притеснения, заниматься тем трудом, к которому он более всего приспособлен. Средство избавить человечество не только от ленивых, порочных и испорченных людей, но и от таких людей, которые искали и нашли способы жить на счет труда других. С предложением вступить в это общество или маленькую республику».

Это длинное заглавие понадобилось автору для того, чтобы сделать для читателей более понятной основную мысль автора об устройстве своеобразных трудовых колоний или товариществ. В обращении к публике о поддержке этого начинания денежными взносами, составленном друзьями Плокбоя, выражается уверенность, что оно скоро наладится, ибо по достоверным свидетельствам многих лиц «многие сотни людей в Семиградии, Венгрии и Коральне, начав с малого, не только устроили

себя комфортабельно в своей собственной общине, но и сделали много добра людям, не принадлежавшим к их обществу».

Эта ссылка на сделанные уже опыты относится к деятельности моравских анабаптистских общин, но ближайшее знакомство с сочинением Плокбоя показывает, что предлагаемое им общее хозяйство или маленькая республика существенно отличается от религиозных коммун, да и в мотивировке автора религиозная сторона отступает далеко на задний план сравнительно с социально-экономической. «Увидев, — так начинает он, — какая великая несправедливость и беспорядочность царит среди людей в мире; увидев, как не только злые правители или короли, жадные торговцы, забывшие свой долг учителя и другие обращают людей в рабство и кабалу, но и как большое число обыкновенных ремесленников и рабочих, пытаясь освободиться от гнета, вносят повсюду ложь и обман, ведущие к угнетению честных и добрых людей, совесть которых не мирится с подобным образом действий, — увидев все это, я вместе с другими, одушевленными желанием всеобщего блага, пришел к выводу, что необходимо попытаться слить в одну семью или в одно общее хозяйство четыре главные категории, из которых состоит человечество, а именно: земледельцев, ремесленников, моряков и знатоков наук и искусств. Цель этой попытки — сбросить иго светских и духовных фараонов, слишком долго господствовавших над телом и душою человека; восстановить справедливость, любовь и братское единение, которые существовали прежде, но теперь почти нигде не встречаются, и, наконец, убедить в нашей истине тех, которые видят величие только

в господстве, а не в добрых делах, вопреки примеру и учению Христа, явившегося в мир не для того, чтобы ему служили, а для того, чтобы самому служить, и отдавшего жизнь свою за ближних».

Средством для осуществления этой цели и должно было служить предлагаемое автором устройство общества на новых основаниях. В отличие от религиозных коммунистических общин в общих хозяйствах или небольших республиках. Плокбоа частная собственность не устраняется, — уничтожается только ее способность приносить нетрудовой доход своим владельцам.

Земля, деньги и движимое имущество, вносимые членом общины при вступлении в нее, считаются его собственностью и в действительности закрепляются за ним, но только он не получает никаких процентов на них. В случае его смерти имущество наследуют дети или родственники, если только он не завещал его общине. Если кто желает уйти из последней, то может получить обратно все свое имущество.

Приступая к делу, учредители или «отцы общины» должны собрать определенный фонд, достаточный для того, чтобы купить или выстроить два дома: один в Лондонском Сити — настолько обширный, чтобы в нем могло поместиться от двадцати до тридцати семейств, и вместе с тем могущий служить складом и помещением для всевозможных магазинов, другой же, больший — в деревне, в непосредственной близости к реке; здесь должен находиться центр производства, общее жилище и местопребывание земледельцев, ремесленников, моряков и т. д.

Устройство домашнего хозяйства на совместных товарищеских началах должно, по мнению автора, дать большие выгоды и существенно облегчить труд в нем. «Каждый получит возможность выполнять свою работу совершенно спокойно. Если будет введено правильное разделение труда, то двадцать пять женщин будут иметь меньше хлопот, чем одна в своем отдельном хозяйстве. Если сто семейств живут вместе, то двадцать пять женщин могут выполнять всю работу, которую обыкновенно делают сто, а остальные семьдесят пять женщин могли бы заняться производительным трудом, что многие из них предпочли бы. Экономия получилась бы во всем: вместо ста печей потребовалось бы вероятно только четыре или пять — одна в кухне, другая в столовой, третья в детской и т. д. Кроме того, поскольку потребление не покрывалось бы продуктами собственного производства, можно было бы приобретать продукты по более дешевым ценам, закупая их оптом.

Что касается производства, то все члены общины работают по шести часов в день, при чем каждому предоставляется работать либо три часа до обеда и три часа после него, либо все шесть часов после обеда. В субботу все работы прекращаются. Для рабочих же, занятых по найму, устанавливается двенадцатичасовой рабочий день, пока «они не сделаются способными и не выразят желания вступить в нашу общину». Лучшие рабочие избираются в мастера, которые работают на общих основаниях. Члены общины, занятые в городских магазинах, поочередно участвуют в процессе производства в течение определенной части года, для расширения своих технических познаний и ради

других выгод, связанных с участием в производстве.

Руководители и должностные лица избираются членами общины и всегда только на один год, дабы не могло возникнуть чиновной иерархии. Заведующие складами переизбираются даже каждые шесть месяцев; касса находится под тремя замками под охраной трех лиц, каждое из которых имеет отдельный ключ. Вообще же твердо установленных постоянных правил должно быть как можно меньше; каждому предоставляется полная свобода, поскольку она не расходится с общим благом; каждый в праве делать все, что не противоречит «царству божьему» и разуму.

Каждое полугодие производится расчет и распределение части прибыли, чтобы каждый член был в состоянии помогать бедным, делать подарки друзьям и т. д.

Подобно тому, как товарищество ведет торговлю с внешним миром, а школы его открыты за вознаграждение посторонним лицам, так его врачи пользуют и посторонних лиц — богатых за плату, а бедных даром. И в то время, как одни посещают пациентов, другие остаются в определенные часы дома, чтобы давать советы приходящим больным.

Богатые люди, желающие пользоваться выгодами совместной жизни, могут нанимать у товарищества помещение, оплачивая расходы по содержанию. Если же, увлекаемые добрым примером, они пожелают работать вместе с другими, то должны получать за это квартиру и одежду бесплатно. Община должна выстроить большое помещение для собраний с расположенными в виде амфитеатра сидениями. В этой зале устраиваются лекции, дискуссии

и т. д., в которых могут принимать участие и не члены и где каждый может свободно выражать свое мнение. Во время обеда за столом царит бодрый, веселый дух и отсутствуют всякие церемонии. Прислуживают за столом молодые люди — поочередно, дабы никто не мог предаться ложной гордости.

Устроенная на таких основаниях, община будет — по убеждению автора — экономически процветать и постоянно расширять свое производство, ибо 1) она не будет запрашивать, а наоборот — будет продавать по дешевым ценам, вопреки установившемуся в мире обычаю, 2) члены его пользуются дешевым жилищем и содержание обходится им дешевле, чем другим людям и 3) за те же цены продукты изготавливаются лучшего качества. Таким образом, общественное устройство домашнего хозяйства и соединение земледелия с ремеслом должно дать огромные выгоды, которые пойдут на пользу всем членам общины — как богатым, так и бедным. «В то время как промышленники угнетают своих рабских тяжелым трудом и нищенской платой, у нас, напротив, прибыль предпринимателя пойдет на пользу рабочего и для улучшения его положения». Предприниматели, не участвующие в товариществе, «постоянно колеблются между страхом и надеждой»; в товариществе же, напротив, «каждый выполняет свою работу с полным душевным спокойствием».

Перечисляя в заключение 72 ремесла, которыми могут заниматься члены новой организации, автор далее указывает, что «как только в окрестностях Лондона будет устроено, в виде рассадника новых идей, товарищество для доставления работы бедным, мы можем основать другое вблизи Бристоля,

а затем и третье — в Ирландии, где за небольшие деньги можно приобрести землю и лес для постройки домов, кораблей и т. п.»¹⁾).

Как видно отсюда, проект Плокбоя был рассчитан несомненно на непосредственное осуществление, о чем свидетельствует также то предложение о вступлении в члены нового общества, которое было помещено в конце памфлета и написано людьми, сочувствовавшими плану автора и подписавшимися каждый на сумму в сто фунтов стерлингов. Правда, означенное предложение не увенчалось успехом — частью, может быть, вследствие наступившей вскоре политической реакции, главным же образом вследствие своей новизны. Но коллективные подписи и денежные взносы, собранные для реализации проекта Плокбоя, все же показывают, что выраженные в нем идеи произвели известное впечатление и нашли себе некоторую почву в Англии. А через тридцать пять лет здесь появляется другое подобное же произведение, принадлежащее перу Джона Беллерса.

Будучи состоятельным человеком и принадлежа к религиозной секте квакеров, сделавшей для него недоступной политическую карьеру, он посвятил себя научным исследованиям и филантропической деятельности. В 1695 г. под впечатлением тяжелых бедствий, обрушившихся на страну, когда семь лет подряд население страдало от острого экономического кризиса, он выпустил книгу, содержащую в себе «Проект устройства промышленного колледжа всех полезных ремесл и сельского хозяйства, который дает прибыль богатым, обеспеченное суще-

¹⁾ Эд. Бернштейн. Общественное движение в Англии XVII в. (1899 г.). Из истории общественных течений, т. II (1907 г.).

ствование беднякам, хорошее воспитание юношеству и который принесет пользу правительству, благодаря увеличению населения и богатства».

Под именем колледжа автор разумеет трудовую колонию или товарищество, рассчитанное на 300 работоспособных человек. Необходимый для осуществления его капитал в 15000 фунтов стерлингов (10.000 ф. ст. на приобретение земли, 2000 ф. ст. на постройки для скота и другой инвентарь и 3000 ф. ст. на мастерские и инструменты для ремесленников) должен быть собран на паевых началах, при чем размер определяется в 25 ф. ст.; каждые 50 ф. ст. дают их обладателю право голоса при обсуждении вопросов, но никто не имеет больше пяти голосов, сколько бы денег он ни внес. Рабочее население колледжа делится на следующие категории: 44 промышленных рабочих или ремесленников, включая сюда заведующего и его помощника, 82 женщины и девушки, выполняющие все домашние работы, и 24 сельских рабочих и чернорабочих — итого 150 человек, производящих все продукты, необходимые для собственного потребления в колледже. Кроме того 10 мужчин покрывают своей работой расход на топливо, железные предметы и т. п., 5 человек — расход по найму квартир и 35 человек вырабатывают арендную плату. Если же аренды платить не придется, то изготовленные последними продукты прибавляются к остальным 100 рабочим силам, составляющим излишек или чистую прибыль товарищества. В основу этого расчета положено общее соображение автора, что «не более двух третей и не менее половины нации производят полезную работу, между тем как средства к существованию имеет вся нация»,

Организация хозяйственной жизни на совместных началах должна дать массу выгод. Исчезнут расходы на содержание лавок, посредников, адвокатов и другие бесполезные виды деятельности. Сократятся издержки на квартиры, отопление, изготовление пищи и закупку пищевых продуктов. Многие женщины и дети перейдут к производительному труду и можно будет избежать потери времени вследствие периодического отсутствия работ. Принадлежащая колледжу земля будет обрабатываться лучше, нежели обыкновенно обрабатываются пашни ремесленников, ибо в нем будет больше скота, а, следовательно, и навозу, и вообще обработка земли будет более рациональной. Большая польза получится также от того, что в страдную пору к земледелию будут привлечены не только сельскохозяйственные рабочие, но и ремесленники, и вообще рабочие силы можно будет распределять смотря по надобности.

Наряду с уничтожением посредничества и убытков, вызванных отделением земледелия от промышленности, положительной стороной колледжа является устранение спекуляции. Производство в нем будет вестись главным образом для собственного потребления, а то, что не может быть потреблено, должно оставаться на запас или идти на расширение и усовершенствование предприятия. Доход исчисляется ежегодно и записывается на счет каждого пайщика, сообразно его вкладу; пайщики могут взять прибыль или оставить ее в предприятии, присоединив к своему паевому взносу. Но никаких спекуляций с акциями не должно допускаться, ибо спекуляция «губит всякое доброе дело».

Члены колледжа в цветущие годы жизни должны работать положенное для всех количество часов, но с наступлением более зрелого возраста рабочее время постепенно сокращается, уменьшаясь через определенный промежуток на один час в день. Достигнув шестидесятилетнего возраста, они могут (если только их обязанности не призвали их к этому еще раньше) перейти на должность надсмотрщиков, которая в смысле легкости труда и приятности жизни представляет то же, что «накопленные богатства частного лица».

Распорядок труда устанавливается по тому же образцу, который существует в Лондоне для лучших оплачиваемых учеников. Управляющий и другие должностные лица (надсмотрщики) в колледже, наравне с рабочими, не получают денежного вознаграждения, а лишь приличное содержание и обстановку. Жилое помещение должно состоять из четырех флигелей: один для женатых, другой — для холостых мужчин и мальчиков, третий — для незамужних женщин и девочек и четвертый — для больных и инвалидов. За обедом, который должен быть общим, прислуживает молодежь (мальчики и девочки) поочередно.

Приступая к устройству колледжа, нужно прежде всего — по мнению автора — озаботиться подбором известного количества опытных и дельных работников, которые могли бы служить хорошим примером для других; остальные же могут быть учениками, ибо начало должно быть положено с молодыми людьми. «Старые люди — подобны глиняной посуде, — ее не легко переделать заново. Дети же подобны необожженной глине, только что добытой из земли». Если бедняки вначале и выкажут из-

вестное равнодушие, то богатые члены, дающие деньги для устройства колледжа, все же не должны терять терпения. «В течение семи или четырнадцати лет можно воспитать молодежь, для которой эта жизнь будет более естественной».

Придавая большое значение в деле обеспечения успеха своему опыту подготовке молодежи, Беллерс отводит видное место в своей книге вопросу о воспитании: последнее должно соединять в себе труд и обучение, при чем наглядный метод должен предпочитаться заучиванию, а практические упражнения к оным — зазубриванию установленных правил. И то, что дети читают для обогащения своих познаний, они должны читать совместно, ибо при таких условиях читаемое производит более глубокое впечатление и лучше запоминается, чем чтение про себя.

Лица состоятельные за известную плату и при условии соблюдения установленных правил могут поступать в колледж пансионерами. Точно так же колледж может принимать за плату и детей состоятельных родителей на содержание и воспитание, и для таких детей соединение труда и обучения будет чрезвычайно полезным. «Когда они будут видеть, что другие работают, то и сами они в свободное время, вместо того, чтобы играть, будут изучать какое-нибудь ремесло, ибо труд утомляет не более, чем игра. Когда дети видят других за работою, то подражание доставляет им столько же удовольствия, как и игра». А развитие физической силы и ловкости столь же важно для богатых, как и для бедных, и для ученых в той же мере, как и для ремесленников. «Не связанное с физическим трудом ученье немногим лучше, чем привычка к ничто не-

деланию... Физический труд установлен богом... Труд столь же необходим для поддержания здоровья организма, как питание — для поддержания его жизни; страдания, которых человек избегает, уклоняясь от работы, переживаются им впоследствии, благодаря хилости... Физический труд дает светильнику жизни новое масло, когда мысль зажигает его», одна только умственная работа скоро бы истощила его. И работа должна быть целесообразной, а не бессмысленным утомлением тела. Ребячески глупое занятие притупляет ум ребенка. Исходя в своих вычислениях из числа 300 работников, Беллерс отмечает, что эта цифра взята им примерно, чтобы сделать более наглядным пропорциональное отношение между необходимым и прибавочным трудом. Колледж может быть и значительно больше: в нем могут жить 3000 членов, особенно в тех округах, где производятся предметы вывоза. Нет также надобности ограничивать себя перечисленными ремеслами; в колледже могут участвовать и пользоваться его выгодами даже моряки, если они согласятся передавать ему свои товары, или рыбаки, среди которых колледж может явиться рассадником наилучших способов рыбной ловли. Словом, последний должен олицетворять собою мир в миниатюре.

Опубликовывая свое сочинение, Беллерс посвятил его своим единоверцам — «детям света, в насмешку называемым квакерами. Зная вашу чрезвычайную восприимчивость и энергичное участие во всех общественных делах, вашу щедрость при поддержке своих, а также и других — если представится к тому случай — бедных, зная вашу общепризнанную нравственность и вашу религиозную искренность..., я посвящаю эти предложения вам и

отдаю их на ваше серьезное рассмотрение: ибо я считаю вас хорошо организованной корпорацией, имеющей необходимые для подобного предприятия решимость и способности. Я часто думал о нищете бедных в Англии и считаю их сокровищницей английской нации, так как труд бедных является золотым рудником для богатых — гораздо более ценным, чем рудники, которыми владеет Испания. И многие мысли обуревали меня: я спрашивал себя, почему бедные являются такою обузою, почему они так несчастны и как помочь им; ибо по моему мнению дать бедным возможность добывать себе пропитание честным трудом является значительно большим благодеянием, чем держать их в бездеятельности, подобно тому, как гораздо благодетельнее вылечить сломанную ногу человека, чтобы он сам мог ходить, чем постоянно носить его на руках».

Идея трудовых колледжей и явилась результатом этих размышлений автора над бедственным положением трудящихся масс в Англии, заключая в себе ответ на вопрос о том, как помочь им справиться с нуждою. По существу своему эти организации имеют в виду интересы бедных или рабочих слоев населения, ставя себе целью дать им возможность, с одной стороны, добывать средства к существованию, а с другой — обеспечить себе известную свободу и независимость, которая недоступна им при существующих условиях, когда получение работы связано с известным подчинением тем, кто ее предлагает, т. е. собственникам средств и орудий производства.

Самым естественным поэтому было бы опереться при практических попытках осуществления данной цели на тех, кто ближайшим образом заинтересо-

ван в этом, т. е. самих трудящихся. Однако принцип самодеятельности и самопомощи остается еще совершенно незатронутым как в производстве Плокбоя, так и у Беллерса. Трудящиеся массы были так «несчастливы и беспомощны», что легче было создавать планы новых, совершенно не похожих на окружающую действительность хозяйственных республик или промышленных колледжей для трудящихся, чем высказать мысль о том, что осуществлять их должны эти последние. Доказывая необходимость поставить бедные, т. е. нуждающиеся в работе слои населения на собственные ноги, Беллерс вместе с тем всецело проникнут взглядом, что инициатива этого и необходимые первоначально средства должны быть даны лицами состоятельных классов. Одних из них он старается привлечь на свою сторону, апеллируя к их нравственному и религиозному чувству, для других выдвигает соображение о необходимости позаботиться об обеспечении положения своих наследников в будущем, наконец, третьих соблазняет перспективой больших барышей от колледжа.

Поэтому в товариществе Беллерса, в отличие от коммунистических религиозных общин и хозяйственных республик Плокбоя, известная часть общей прибыли отчисляется на удовлетворение интересов капитала. Ибо «для дела, которое дает прибыль, легче достать 1000 фунтов стерлингов, чем для благотворительной цели 100 фунтов».

Предприятие, приносящее хорошие барыши, может привлечь к себе больше капиталов, может дольше просуществовать и принести поэтому больше пользы. Во всяком предприятии прибыль является тем же, чем сок является для дерева: она

способствует его росту и поддерживает в нем жизнь. Поэтому колледж — как правильно замечает автор — «является скорее гражданским, чем религиозным товариществом».

Однако, расчеты на поддержку и инициативу «детей света» не оправдались — по крайней мере в том размере, как ожидал автор. В приложении к одному сочинению Беллеса, вышедшему в 1697 г., имеется, правда, воззвание, подписанное 45 единомышленниками и приглашающее сделать попытку устройства колледжа, но оно, повидимому, не увенчалось успехом.

Поэтому второе издание своего проекта, вышедшее через год, Беллес посвящает уже не квакерам, а палатам лордов и общин и, вообще, всем «мыслящим людям, заботящимся о благе общества». В нем предлагается парламенту испытать его предложения и осуществить их для блага нации. Было бы желательно, чтобы тем обществам, которые бы возникли для осуществления проекта, были предоставлены необходимые привилегии. Но автор не настаивает на предоставлении им монополии. Если бы другие выступили с подобными или несколько видоизмененными предложениями, то их следует только поощрять в этом направлении. Мыслящим же людям автор предлагает делать денежные взносы для основания проектируемого товарищества, направляя их двум жителям Сити — купцу и адвокату. В остальном второе издание мало чем отличается от первого. Рассматривается новое возражение, что колледж будет поощрять леность и монашеское тушевание¹⁾.

1) Из истории общественных течений, т. II, гл. XII.

Как видно из вышеизложенного, Плокбой и Беллере в своих сочинениях намечают устройство своеобразных трудовых колоний или производительных товариществ смешанного типа. В основу их положены некоторые элементы уже существовавших в то время коллективных хозяйственных образований в виде религиозных коммун, с одной стороны, и торговых компаний или акционерных обществ — с другой. Но авторы не довольствуются ни той, ни другой формой и стремятся создать новый тип, который мог бы рассчитывать на широкое распространение. Эти новые товарищества предназначаются для того, чтобы дать возможность недостаточным слоям населения, живущим трудом своих рук, вести обеспеченное и независимое существование, удовлетворять совместными силами свои материальные и духовные потребности. Религиозные коммуны не удовлетворяют авторов тем, что они требуют от своих членов общности имущества, отречения от мирских помыслов и подавления индивидуалистических запросов — все это придает им узко сектантский характер, ограничивая область их применения тесным кругом лиц, связанных общностью религиозного чувства. Плокбой и, в особенности, Беллере определенно отказываются от этого; они хотят объединить не членов той или иной религиозной секты, а широкие массы трудящихся — такими, какими они есть, и сообразно с этим стремятся обеспечить более широкий простор индивидуальным запросам и интересам. Поэтому членам их ассоциаций предоставляется возможность выхода из них в любое время без потери имущественных прав; затем — сохраняется индивидуальная собственность и, наконец, допускается получение прибыли на паевые взносы.

Как подчеркивает сам Беллерс, его колледж «является скорее гражданским, чем религиозным товариществом». Но и от торговой компании или акционерного общества, явившихся в то время примерами гражданских товариществ, они отличаются не менее резко. Ибо в последних мы имеем дело лишь с соединением капиталов, здесь же объединяются лица для совместных хозяйственных функций и защиты своих трудовых интересов.

Своеобразный характер выдвигаемых Плокбоем и Беллерсом организаций виден также и из того, что они не могли окрестить их каким-либо вошедшим уже во всеобщее употребление термином и вынуждены были выдумывать его. Объясняя в своем сочинении, почему он остановился на названии промышленного колледжа (*College of Industry*), Беллерс указывает, что слово «рабочий дом» (*Workhouse*) является малоподходящим, так как слишком напоминает «*Bridewell*» — тогдашний смиренный дом в Лондоне. «Пусть лучше будет колледж, чем рабочий дом, потому что это название более благозвучное и потому, что в нем будут преподаваться всякого рода полезные знания». Но и слово коммуна (*Community*) также отвергается им, так как название колледжа кажется ему более соответствующим характеру свободного объединения и в нем не все будет общее...

Плокбоем и Беллерсу не удалось вызвать своими проектами широкого движения в обществе; не сохранились также и те названия, которые были придуманы ими для характеристики новых организаций, — и то, и другое выпало уже на долю их более счастливых продолжателей в начале 19 века.

Роберт Оуэн и Шарль Фурье.

Вопросы борьбы с безработицей и разумной организации труда, волновавшие Плокбоя и Беллеса, не только не утратили своей остроты в последующее время, но, напротив, приобрели особенно важное значение, когда развитие крупного производства в связи с переворотом в промышленной технике вызвало на сцену, с одной стороны — концентрацию огромных масс наемных рабочих, а с другой — периодически повторяющиеся кризисы, выбрасывающие на мостовую многие тысячи безработных. В 1817 г. английским парламентом была образована особая комиссия для выработки мер борьбы с безработицей, явившейся результатом незадолго перед тем разразившегося промышленного кризиса. К участию в этой комиссии был привлечен, между прочим, и Роберт Оуэн, известный широкой филантропической деятельностью в интересах рабочих на своей фабрике в Нью-Ланарке. Здесь он выдвигает в качестве наиболее рационального средства для борьбы с безработицей и пауперизмом устройство «земледельческих и мануфактурных поселений единства и взаимной кооперации» или — как он их называет еще — кооперативных коммун. На средства, получаемые от налога в пользу бедных, приходы должны приобретать пустующие

земельные участки от 1000 до 1200 акров (370—445 дес.) и устраивать для своих недостаточных членов указанные общины, рассчитанные каждая на 1200—1500 человек. На каждом участке должна быть устроена ферма и ряд мастерских, где члены общины получают применение своему труду и будут добывать все необходимое для удовлетворения их потребностей. На чертеже, который Оуэн представил комиссии, постройки общины располагались в виде замкнутого четырехугольника с большим внутренним двором. Три стороны его назначались под квартиры, а четвертая отводилась для детей, которые с самого раннего возраста должны воспитываться отдельно от своих семей, вдали от всяких вредных влияний. Посреди внутреннего двора находилось огромное здание, в котором помещались общественная кухня, столовая, библиотека, зал для чтения, школы, детские сады и т. п.

В этой общине не должно быть ни хозяев, ни наемных рабочих, ни богатых, ни бедных: все будут свободными и равноправными членами и будут трудиться не для обогащения отдельного лица, а ради общего блага.

Однако, парламентская комиссия отнеслась весьма сдержанно к его предложению — так же как и Аахенский конгресс государей, которому он представил в 1818 г. докладную записку. Тогда Оуэн обратился с воззванием к рабочему классу, давая ему указания, как поступать в том случае, когда к ним на помощь придут — как он надеялся — богатые люди. Однако, ему не удалось собрать необходимые для устройства коммуны средства, и в 1825 г. он отправился в Америку, чтобы там сделать попытку осуществления своей заветной мысли.

Здесь, в штате Индиана, им была основана «Новая Гармония», которая просуществовала около трех лет, но затем распалась, поглотив половину его состояния.

Принципы, положенные в ее основу, заключались в следующем:

1) Цель общины состоит не в том, чтобы богатых сравнивать с бедными, а в том, чтобы всем обеспечить наибольшую сумму истинного богатства — материального и духовного.

2) Кооперативная община должна быть устроена на началах полной свободы. Никто не может быть принуждаем вступать в нее или оставаться в ней.

3) Труд добровольный. Каждый член общины работает, согласно со своими влечениями, способностями и опытностью, а также в согласии с интересами всех остальных членов. Вместе с тем принимаются все меры к тому, чтобы сделать занятия по возможности привлекательными; будут употребляться все механические приспособления для выполнения необходимых, но неприятных, нездоровых или слишком тяжелых работ.

4) Все продукты физического или умственного труда изготавливаются на началах совместности.

5) Все земли, дома и другое недвижимое имущество, а также инструменты, сырые материалы, предназначенные для производства, и всякие другие предметы, известные под именем капитала в самом широком смысле слова, т. е. всего того, что не предназначается для непосредственного потребления, — должны находиться в общей собственности.

6) Предметы, предназначенные для непосредственного потребления, будут получаться из обще-

ственных магазинов и могут сделаться собственностью только в момент потребления. Что же касается предметов, которые потребляются не сразу, как, напр., жилые помещения или мебель, то они могут принадлежать отдельным лицам только на время пользования ими.

7) Община сама управляет своими делами или непосредственно или через сменяемых во всякое время уполномоченных.

8) Права и обязанности всех взрослых членов совершенно равны; права женщин вполне равны правам мужчин.

9) Несогласия между членами общины разрешаются внутри ее самой посредством дружеского соглашения, без употребления каких бы то ни было мер строгости, кроме удаления из общины.

10) Воспитание детей будет общее с того времени, когда для них не будут нужны заботы матерей; но при этом родители не лишаются возможности наблюдать за детьми и оказывать им ласки.

Как видно отсюда, необходимые для общины предметы должны были изготовляться совместным трудом всех членов ее; но участие каждого в этом процессе производства всецело предоставлялось на личное усмотрение — единственным сдерживающим началом служила лишь угроза возможного исключения из общины. Что же касается распределения продуктов, то по мысли Оуэна в этом отношении должно было соблюдаться полное равенство. «Все члены общины имеют право на одинаковую пищу, одежду, жилище и воспитание независимо от того, кто сколько работает. Все они получают право на одни и те же выгоды».

Это обстоятельство в связи с пестрым и случайным составом членов общины послужило одной из главных причин ее распада.

Жизнь в «Новой Гармонии» протекала весело и шумно, много места уделялось всякого рода развлечением, но в отношении внутреннего согласия и дружного напряженного труда на общую пользу она оставляла желать много лучшего.

Постыдная лень продолжала существовать в колонии совершенного равенства так же, как и в старом мире, и находилось не мало членов, которые предпочитали проводить время в праздности и жить на даровой счет. Это обстоятельство, в свою очередь, охлаждало рвение тех, кто добросовестно относился к своим обязанностям; поля оставались невозделанными, сады и виноградники запускались.

Чтобы ввести больший порядок в свои дела, общине пришлось несколько раз (в течение двух лет до семи раз) изменять свою конституцию — в смысле главным образом ограничения прав самоуправления и предоставления более широких, а в заключение — даже диктаторских, полномочий Роберту Оуэну. Однако, и это не спасло общину от внутренних несогласий и неустройств. Возникло стремление к выделению, и в конце концов «Новая Гармония» распалась на четыре более мелких коммуны.

Все они также не могли оправдать себя экономически, требовали постоянно доплаты из средств Оуэна, и через два года он должен был ликвидировать свой опыт.

Его последователи, оставшиеся в Америке, пытались еще несколько раз осуществить мечту своего учителя, и в разных местах был основан целый ряд

коммун. Однако, все они в конце концов распались, не достигнув прочных результатов¹⁾.

Почти одновременно с Оуэном выступил во Франции Шарль Фурье, который в своих произведениях — «Теория четырех движений и всеобщих судеб» (1808 г.), «Трактат о домашней и земледельческой ассоциации» (1822 г.) и «Новый промышленный и социетарный мир» (1828 г.) — не только подверг существующий общественный строй резкой критике за то, что он держит трудящиеся массы в невежестве и нищете, но и наметил путь для превращения его в царство гармонии, свободы и изобилия. Средством для этого служит создание особых ассоциаций, именуемых им «фалангами».

В современном обществе имеются два типа хозяйственных единиц: крупные предприятия, работающие с помощью наемного труда, и мелкие, основанные на труде собственника. Хозяйства первого типа стоят значительно выше в техническом отношении, но они имеют тот коренной недостаток, что в них рабочие суть наемники, не заинтересованные в результатах производства и выполняющие свое дело кое-как.

В мелком хозяйстве работа выполняется собственниками — поэтому она несравненно более интенсивна, но зато техника здесь чрезвычайно отстала.

Нужно создать новый тип хозяйства, который бы совмещал достоинства предшествующих двух

¹⁾ Д. Щеглов, История социальных систем, т. I (1870 г.). Эд. Доллеан, Роберт Оуэн (1907 г.). Е. Волкова, Пророк "разумного общества" (1908 г.). К. Пажитнов, История кооперативной мысли (1918 г.).

форм, не имея их недостатков. Такой высшей хозяйственной единицей и является так назыв. фаланга, обнимающая площадь земли приблизительно в одну квадратную милю. В центре участка должно находиться помещение для жилья с необходимыми принадлежностями (фаланстер) — роскошными залами для чтален, концертов и балов, зимними садами, стеклянными галлереями, ваннами и т. п. В этом дворце все устроено просто, но изящно и удобно, и простые труженики будут пользоваться здесь таким комфортом, какой сейчас доступен только для богачей.

Каждая семья может выбрать себе в фаланстере ту квартиру, какая ей нравится, и обставлять ее собственной мебелью или получать последнюю за известную плату от общины. В домашнем хозяйстве также должен быть проведен принцип крупного производства: центральная кухня и столовая, снабженные всеми усовершенствованиями техники, будут снабжать членов фаланстера всем необходимым гораздо лучше и дешевле, чем это делается теперь. В земледелии и промышленности получают всеобщее применение машины и различные усовершенствования техники, введение которых в настоящее время тормозится частью сопротивлением рабочих, частью низкой заработной платой, делающей ручную работу более дешевой, чем машинная.

Что касается торговли, то она примет совсем другой вид. Так как каждая фаланга, заключающая в себе 1600—1800 человек мужчин, женщин и детей, будет представлять самодовлеющую хозяйственную единицу, удовлетворяющую собственным трудом членов все или почти все свои потребности, то обмен в том виде, как он существует теперь, пре-

кратится и вместе с ним исчезнет все то зло, которое несет с собой торговля.

Результаты труда всех членов фаланги будут стекаться в общественные магазины, откуда они и могут получать все необходимое; таким образом, не будет надобности в особом классе посредников при обмене продуктов, и внутренняя торговля исчезнет сама собой.

Касаясь вопроса об организации труда, Фурье указывает далее, что лень и отвращение к труду, взгляд на него, как на какое-то наказание божие, вытекают не из природы вещей, а из неправильной постановки дела. Сам по себе труд привлекателен и является источником внутреннего удовлетворения; нужно лишь обставить его так, чтобы не нарушалась потребность в разнообразии, соперничестве и творчестве. Для этого необходимо, чтобы он не был слишком продолжителен и выражался не в выполнении беспрерывно какой-нибудь одной функции, а в целом ряде занятий, которые бы чередовались одна после другой; затем труд должен производиться совместно, группами, чтобы пример товарищей побуждал к возможно более интенсивной работе, и наконец — он должен допускать проявление творческих способностей человека. Тогда каждый найдет применение своим склонностям и не нужно будет строгого надзора для поддержания дисциплины, — любители цветов сделаются садовниками, лакомки и обжоры — займутся кухней, любители животных — конюшней и скотным двором, а детям, любящим возиться в грязи, поручена будет очистка жилищ от грязи и нечистот...

Все члены общины, не исключая детей от 4½ лет, разобьются на группы от 7 до 9 человек

в каждой; ряд таких групп (от 24 до 32) составляет серию и каждая серия занимается какой-нибудь одной отраслью производства. Каждый трудящийся должен состоять одновременно в двадцати или более группах, переходя поочередно из одной в другую, при чем продолжительность работы не должна превышать 2 часов для смены.

Вот, напр., расписание дня, составленное Фурье применительно к июню месяцу: 3½ ч. (утра) — вставать и одеваться; 4 часа (утра) — группа конюхов; 5 ч. (утра) — садовников; 7 ч. (утра) — завтрак; 7½ ч. (утра) — группа косарей; 9½ ч. (утра) — культура овощей в парниках; 11 ч. (утра) — группа полевых работ; 1 ч. (дня) — обед; 2 ч. (дня) — группа дровосеков; 4 ч. (дня) группа промышленных работ; 6 ч. (дня) — группа работ по орошению; 8 ч. (вечера) — заседание биржи; 8⅓ ч. (вечера) — ужин; 9 ч. (вечера) — развлечения; 10 ч. (вечера) — спать.

Так как земля, постройки, машины и орудия производства принадлежат фаланге, то и все продукты труда ее членов поступают в общественные магазины. Но в противоположность коммунам Оуэна — в фаланге Фурье продукты должны распределяться между членами не поровну, а в зависимости от той доли, которую каждый из них играет в процессе производства. В этом последнем он различает три главных фактора: труд, капитал и талант. На долю лиц, занятых физическим трудом, уделяется $\frac{3}{12}$ всей общественной прибыли, классу капиталистов — $\frac{4}{12}$ и представителям таланта, т. е. лицам занимающим должности по управлению — $\frac{5}{12}$. Капиталисты делят между собою причитающуюся им долю продуктов пропорционально раз-

меру вложенных средств, а представители труда — в зависимости от свойства последнего, при чем труд разделяется на необходимый, полезный и приятный. Самое большое вознаграждение получает первый, а самое меньшее — последний; занятия же, относимые к разряду полезных, вознаграждаются по средней между ними норме. Наконец, что касается той доли общественной прибыли, которая предназначена таланту, то она распределяется между отдельными лицами смотря по должности или степени, занимаемой ими в группе; но так как все эти места занимаются по выборам, то, следовательно, вознаграждение таланту производится на основании уже признанных заслуг.

«Когда все три общественных класса образуют одну ассоциацию, интересы их окажутся объединенными, ненависть будет забыта — тем более, что привлекательный труд не будет в тягость народу, а богатые, трудясь совместно с бедными, не будут их больше презирать... не будет больше ни праздных, ни бедных, и общественные антипатии прекратятся, ибо исчезнут причины, их вызывающие».

Как видим, между системами Фурье и Оуэна есть некоторые черты сходства: и тот и другой в основу социального преобразования кладут образование новой хозяйственной единицы в составе нескольких сот семейств, которая бы удовлетворяла все свои потребности трудом своих членов, не прибегая к внешнему обмену, и в которой земля, мастерские и орудия производства были бы общей собственностью. Но есть и существенная разница. Оуэн был коммунистом и в его общине все члены имели право на одинаковое удовлетворение своих потребностей при помощи продуктов, получаемых бесплатно из

общественных складов. В фаланстере же Фурье имущественные различия между членами хотя и сглаживаются значительно против современного положения, но не уничтожаются совсем: доходы их остаются неодинаковыми в зависимости от роли, которая выполняется в процессе производства, и неодинаково также удовлетворение потребностей, ибо каждому предоставляется тратить получаемый им доход по своему усмотрению¹⁾.

¹⁾ Д. Щеглов, История социальных систем, т. II. А. Бебель Ш. Фурье. Его жизнь и учение (1906 г.). Ш. Фурье, избранные сочинения (1918 г.).

Филипп Бюше.

К концу жизни Фурье вокруг него сгруппировался кружок лиц во главе с талантливым В. Консидераном, которые энергично принялись за пропаганду его учения. Недалеко от Парижа был сделан опыт постройки фаланстера, но вследствие недостатка средств и непрактичности распорядителей его так и не удалось довести до конца. Однако эта неудача не могла остановить стремления к отысканию новых форм применения идеи ассоциации.

Последователи Фурье, остановившиеся на неопределенной формуле добровольного соединения труда, капитала и таланта и математическом исчислении в распределении барышей, не сумели вызвать к жизни сколько-нибудь заметного движения. Ученики Сен-Симона — Родриг, Анфантен и другие также проповедывали ассоциацию в журнале «Le Globe», на основе формулы «каждому по его способности, каждой способности — по ее труду». Однако, проект Родрига об учреждении рабочих ассоциаций в соединении с акционерами-капиталистами и распределением прибыли между рабочими и капиталистами на смешанных общих собраниях, с участием правительственного комис-

сара, не получил практического применения. Выработка надлежащей формы рабочей ассоциации принадлежит также Бюше и его последователям¹⁾.

Филипп Бюше (род. в 1796 г.) получил естественно - историческое образование в Париже. Сблизившись здесь с известным основателем школы сен-симонистов Базаром, он принимал деятельное участие в организации тайного общества карбонариев. За участие в восстании, подготовленном последним, привлекался к суду, но был оправдан. Совместно с Базаром и Анфантенон Бюше работал первое время над созданием сен-симонистской секты и участвовал в издании еженедельника «Producteur». Но затем, разойдясь с ними в понимании учения Сен-Симона, он основывает свой небольшой философско - богословский кружок нео - католиков. Разочаровавшись в материализме, Бюше приходит теперь к убеждению, которое неизменно проводит во всей своей последующей литературной деятельности до самой смерти в 1865 г., застигнувшей его над неоконченным трактатом по политической и социальной науке, — что главным источником и движущей силой прогресса в каждую эпоху служит моральная идеология, получающая обязательный характер благодаря ее связи с религией.

Бюше подвергает анализу современное общество и находит в нем две разные противоположности. С одной стороны — люди, пользующиеся богатством и получающие с самого раннего детства надлежащее воспитание, открывающее перед ними

¹⁾ Traité de politique et de science sociale (1866).

возможность выбора своего жизненного пути. Они имеют тысячу случаев делать добро и редко подвергаются искушениям делать зло. Другие же лишены самого необходимого и не имеют свободы выбора; вся жизнь их занята трудом для добывания средств к существованию. На каждом шагу встречаются они искушения зла и путь к добру для них полон затруднений. Такое положение вещей должно быть изменено. Но это изменение невозможно, пока люди будут проникнуты эгоистическими интересами и будут считать наслаждение целью своего земного существования. Нужно понять, что счастье не есть цель нашей земной жизни. «Ошибается тот, кто думает, что мы можем быть счастливы в этой жизни; мы живем на земле для того, чтобы трудиться над делом общественного преуспевания и следовательно переносить все трудности борьбы». Отсюда следует, что двигателем началом в деле общественного переустройства может быть только самопожертвование, готовность отречения от земных благ и служения другим. Бюше набрасывает картину новых общественных отношений, при которых не будет частной собственности на средства и орудия производства и последние будут принадлежать всем. Весь мир будет состоять из земледельческих и промышленных общин, занимающихся каждая своим специальным делом. Пользуясь общим капиталом, люди будут находиться в тесной связи между собою, как сотрудники. Каждый будет получать вознаграждение, соразмерное своему труду. Мерилом же последнего будет не важность дела, а степень усердия, которую проявляет человек в своей деятельности. Поэтому, кто может заниматься только физическим трудом, но проявляет такое же усердие, как и тот, кто при-

носит на пользу ближним свою умственную деятельность—имеет право на одинаковое вознаграждение. Во главе общин будут стоять особые лица, обязанные руководить производством, но их положение не будет отличаться от положения всех остальных рабочих. Доля общего дохода, причитающаяся каждому, будет составлять его полную собственность, которою он может располагать по своему усмотрению.

Однако, Бюше не считает возможным предсказывать скорое наступление такого порядка вещей. Ограничиваясь общими приблизительными очертаниями будущего строя, он не только не касается подробностей, но даже воздерживается от выражения уверенности, что последний будет вполне соответствовать нарисованной им картине.

Относя осуществление вышеуказанного общественно - экономического строя к очень отдаленному будущему, Бюше рекомендует для облегчения перехода к нему устройство особого рода производительных товариществ, которые могут уже теперь заменить во многих отраслях частно - капиталистические предприятия и содействовать существенному улучшению бедственного положения рабочего класса. Эта идея была внушена ему повидимому средневековыми цехами, деятельность которых он хотел бы восстановить, но только в новом виде сообразно с изменившимися условиями жизни. Прежние корпорации состояли из одних лишь мастеров и считали рабочего простым орудием производства; теперь же он должен быть равноправным членом и пользоваться соответственной долей барыша. Как ремесленники освобождались прежде через ассоциации от господства феодалов, так и рабочие должны освободиться теперь посредством них от гнета капиталистов.

При этом автор делит все производства на две большие группы — 1) ремесленные, где орудия не сложны и главную роль играет искусство рабочих рук, и 2) фабричные, где применяется значительный капитал. В последних условия для применения производительных товариществ гораздо менее благоприятны, чем в первых. Значительность капиталов, затраченных в крупных предприятиях фабрично - заводского типа, и сложность ведения дела в них заставляют на некоторое время отказаться от мысли о переходе их из рук частных предпринимателей в руки рабочих. Поэтому прежде всего нужно начать с ремесла. Служа первой переходной ступенью к коренному переустройству хозяйственной жизни, производительные товарищества имеют целью сделать рабочих владельцами орудий труда и тем содействовать устранению общественных неравенств, являющихся следствием сосредоточения орудий производства в немногих руках.

Для осуществления этого они должны удовлетворять следующим условиям: 1) быть вечными или точнее — бессрочными, 2) число их членов не должно быть ограничено и 3) капитал их должен быть неделим и неотчуждаем.

Предназначенные служить делу освобождения всего рабочего класса, производительные товарищества не должны ограничивать свою деятельность каким - либо сроком, ибо иначе их цель останется недостигнутой: закрывшись, они оставили бы обществу несколько лишних обеспеченных и праздных лиц, но прошли бы бесследно для общего дела. С той же целью они не должны ограничивать число своих членов, ибо в противном случае они будут иметь частный характер и только увеличат число

предпринимателей. Нужно, чтобы доступ к ним и пользование их выгодами были открыты для каждого трудолюбивого и честного работника.

Наконец, товарищества должны обладать неделимым и неотчуждаемым капиталом, что обеспечивает их постоянное существование и даст возможность непрерывно увеличивать число своих членов. Предназначенные служить освобождению всего рабочего класса, товарищества должны крепнуть из года в год и увеличивать свой запас орудий труда. Чем больше будет орудий, тем больше членов будут они в состоянии принимать и тем быстрее свершится освобождение рабочих. Если же прибыль пойдет не на образование неделимого фонда, а будет целиком распределяться между членами, то товарищества смогут быть полезными только немногим избранным, а не всему классу. Этот неделимый фонд должен возрастать из года в год.

Озабочиваясь проведением своих идей в жизнь, Бюше выработал образцовый устав для производительных товариществ, в котором содержатся, между прочим, следующие положения: 1) $\frac{1}{5}$ чистой прибыли причисляется ежегодно к неделимому фонду; 2) товарищество обязано принимать в члены всякого рабочего соответствующей отрасли производства, изъявившего желание вступить в него; в виде испытания оно может держать его у себя, как наемного рабочего, в течение не более одного года. Что касается способа вознаграждения, то из практических соображений им удерживается существующий в современном обществе, т. е. повременная или сдельная плата, соразмерная с искусством рабочего.

По мнению автора, производительные товарищества могут рассчитывать на то, чтобы стать господствующей или даже исключительной формой производства. Но это не значит, что все производство будет сосредоточено в одном товариществе. Нет, в каждой отрасли предполагается существование нескольких или даже многих организаций. Если между ними и будет соперничество, подобное существующему в современном обществе, то оно будет свободно от многих недостатков, как, напр., нездоровой спекуляции и т. д.

Для учреждения производительных товариществ в области ремесленной промышленности потребуется капитал, едва ли превышающий на первое время сумму в 5000 фр. Эти деньги могут быть доставлены или самими участниками или пожертвованиями благотворителей или, наконец, государством. Наибольшее значение в деле составления необходимого капитала Бюше отводит принципу самопомощи, считая, что всякое учреждение прочно только тогда, когда оно не привито искусственно, вызвано не извне для лиц, которым оно призвано служить, а создано ими самими. Велики или малы заработки лиц, желающих вступить в ряды товарищества, но они должны доказать на деле свою готовность к жертвам в пользу переустройства существующего хозяйственного строя. Так как капиталы, необходимые для устройства товариществ в ремесленных отраслях производства, не велики, то в большинстве случаев они вполне доступны для всех желающих. Если же лица, непосредственно заинтересованные, не в состоянии создать товарищество на излишек от своих скромных заработков, то на помощь им должны прийти благотворители или государство.

Благотворители должны содействовать образованию производительных товариществ потому, что они полезны всему обществу. Бюше не отвергает и участия государства. Вмешательство последнего он признает потому, что «при всяком сочетании, которое по своей природе может влиять на судьбу общества, только одно государство может и должно взять на себя почин и только оно одно сосредоточивает в своих руках нужные начала для разрешения великих общественных задач».

Однако в дальнейшем он изменяет свое отношение к этому вопросу. Государственное вмешательство представляется ему уже опасным для развития гражданской свободы, и главнейшую обязанность его он стал усматривать в содействии развитию производительных товариществ путем издания надлежащих законов.

В 1848 г. Бюше выработал между прочим сам законопроект о товариществах (*des sociétés anonymes de travailleurs*), согласно которому последние освобождаются от необходимости испрашивать разрешение правительства на их учреждение и подвоятся под общий закон. Проект позволяет учреждение товариществ на вечные времена, устанавливает неделимый фонд и запрещает иметь наемных рабочих, за исключением случаев крайней необходимости. Но и в этих случаях наемные рабочие должны оставаться только для испытания — до тех пор, пока товарищество не узнает их достаточно и не найдет достойными для принятия в члены. Чтобы не дать капиталистам возможности достигнуть преобладания в товариществе и захватить его в свои руки, последнему предоставляется право выкупать свои акции по собственному усмотрению. Если члены

постановят единогласно о закрытии товарищества, то неделимый фонд поступает в распоряжение казны.

Свои идеи Бюше развивал первоначально в издаваемом им журнале *Ешгорéen*, выходившем в течение 1831—32 г.г. Он распространялся частью даром, частью — за невысокую плату преимущественно среди рабочего люда. Число его читателей не превышало 600, но зато среди них было не мало людей, которые стремились проводить в жизнь усваивавшиеся ими взгляды. В конце 1831 г. в Париже образовался кружок столяров, выработавший устав производительного товарищества в духе начал, развивавшихся в журнале.

Как говорится в уставе этой первой производительной ассоциации, «мы, нижеподписавшиеся, соединились в ассоциацию по причине недостаточности капитала и по нежеланию подчиняться предпринимателям. Эти последние, не имея другого труда, кроме доставления капитала, положительно эксплуатируют рабочих, обращая в свою пользу несравненно большую часть результатов труда, чем какая им могла бы следовать. Раз'единение труда больше всего вредит интересам рабочих, оно ведет их к подчинению всем требованиям хозяина. Такое раз'единение увеличивает конкуренцию рабочих рук и, следовательно, все более и более понижает заработную плату, и нет никакой надежды на улучшение, на обеспечение рабочего в старости и болезни. И мы, нижеподписавшиеся, решились освободиться от подобного порабощения и соединиться в общество для производства работ сообща, чтобы таким образом создать себе капитал, с которым мы и другие рабочие, вступившие в нашу ассоциацию, будем в

состоянии самостоятельно вести предприятие в случае временного прекращения работ, станем воспитывать и образовывать детей, поддерживать неспособных к работе; словом, этот капитал должен служить к исполнению священнейших обязанностей людей, в силу которых они должны любить и поддерживать друг друга».

Капитал товарищества образуется из паев, вносимых членами натурой — орудиями труда столяров. Прием членов производится общим собранием и происходит один раз в год. Лицо, желающее вступить в товарищество, должно удовлетворять строгим требованиям нравственности и в случае предосудительных деяний подлежит исключению. Исключенный член не имеет права требовать от товарищества возвращения ему его орудий труда, но может быть принят вновь по истечении года. Ставя себе целью охватить со временем всех столяров Парижа, товарищество заботится о непрерывном возрастании капитала, для чего ежегодно должно отчисляться в неделимый фонд 20% чистой прибыли. Внося в товарищеское имущество свои орудия труда, член имеет право заявить о своем желании взять их обратно при выходе. Но товариществу предоставляется право определить, выдать ли выходящему члену его орудия труда натурой или деньгами. Исполнительная власть принадлежит правлению, состоящему из пяти человек, избранных общим собранием. Стремясь к устранению эксплуатации, товарищество не допускает сдельной платы и вводит исключительно поденную. Принимая к себе наемных рабочих только на короткий срок, для испытания, оно выдает им заработную плату, равную плате членов. Но кроме того они участвуют и в распределе-

нии прибыли. Часть прибыли, подлежащая разделу между членами, распределяется соразмерно числу дней, проведенных каждым из них в течение года на работе. То же мерило принято и по отношению к наемным рабочим, но только их рабочий день считается за $\frac{1}{3}$ дня члена. Но между членами и наемными рабочими распределяется лишь та часть прибыли, которая остается после отчисления 20% в неделимый фонд и доли, предназначенной на разного рода пособия.

Устав производительного товарищества столяров весь проникнут духом Бюше и составлялся, вероятно, при его ближайшем участии; но практического осуществления оно не получило.

В 1834 г. возникло в Париже товарищество ювелиров, основанное также при непосредственном участии Бюше, который состоял в близких сношениях с его членами и обсуждал с ними подробности нового учреждения. Сохранилось предание, что по распоряжению Бюше нумера Еугорéen разбрасывались по многим домам в рабочих кварталах. Несколько номеров журнала попало случайно в руки одного золотых дел мастера, который настолько увлекся новыми идеями, что стал распространять их между товарищами и они решили осуществить их на деле.

Устав этого товарищества очень близко подходит к тому, который был выработан столярами. Он также обращал внимание на нравственные качества членов и не делал для них обязательными денежные взносы. В неделимый фонд отчислялась $\frac{1}{7}$ чистой прибыли; наемные рабочие допускались лишь на короткий срок для испытания и затем должны приниматься в члены. Над дверью мастерской по-

мещалась надпись: «Труд дает человеку вторую жизнь; он служит пищей нравственной природы человека».

Располагая вначале ничтожным капиталом в 200 фр., четыре учредителя благодаря необыкновенному трудолюбию сумели наладить дело и оно стало постепенно расширяться. В 1843 г. между членами товарищества произошло резкое разногласие, окончившееся выходом многих из них. Оставшиеся внесли в устав требование, чтобы каждый, вступающий в товарищество, отказывался на всю жизнь от заведения самостоятельного дела. В 1865 г. капитал товарищества вырос уже до 100.000 фр. и оно продавало изделий на 200.000 фр. в год в четырех магазинах. Однако несколько лет спустя товарищество закрылось, так как немногие оставшиеся в живых члены утратили уже интерес к делу. При этом неделимый фонд, несмотря на запрещение устава, был распределен между последними шестью членами, получившими по несколько тысяч франков.

В 1840 г. в Париже возникает для пропаганды производительных товариществ новый журнал *L'Atelier*, издававшийся до 1850 г. и руководимый кружком рабочих во главе с талантливым Корбоном. Хотя имя Бюше не встречается на страницах журнала (в сотрудники его принимались только лица, зарабатывавшие себе средства к существованию ручным трудом), но содержание последнего явственно отражает его дух. Руководимый самими рабочими, *L'Atelier* имел много читателей и пользовался большим влиянием в их среде. Вводя в круг своего рассмотрения все вообще вопросы, соприкасающиеся с жизнью рабочих, журнал всего более места отводил вопросу о реорганизации существую-

щего экономического строя. Главным средством для этого в его глазах служат производительные товарищества на основе следующих принципов: 1) вечность товарищества, 2) неограниченность числа его членов, 3) неотчуждаемость известной части капитала и 4) постоянное возрастание его членов через отчисление 20% чистой прибыли.

Стараясь не только распространять новое учение, но и содействовать достижению того, чтобы «идея была осуществлена немедленно, а не принадлежала к области слова», журнал подробно останавливается как на тех препятствиях, которые встречаются при этом на практике, так и на средствах, могущих их преодолеть.

Первым препятствием является недостаток капитала у тех элементов населения, для которых предназначаются производительные товарищества. Устранить это можно путем частных пожертвований со стороны лиц, сочувствующих новой идее; но главным источником журнал считает собственные сбережения рабочих и потому усиленно настаивает на немедленном образовании сберегательных касс. Второе препятствие состоит в недостатке необходимых нравственных качеств и прежде всего — готовности к самопожертвованию. Качества эти могут быть постепенно привиты людям лучшим воспитанием. И, наконец, третьим существенным затруднением является отсутствие благоприятных законодательных норм. Так, напр., вечность товарищества есть одно из основных принципиальных требований нового движения; между тем законодательство не признает бессрочных договоров. Чтобы восполнить этот пробел, журналом был выработан проект примерного или образцового устава для вновь возни-

кающих производительных товариществ. Согласно этому проекту, последние учреждаются на тридцать лет. В течение этого времени законодательство — можно надеяться — изменится и тогда товарищества смогут продолжить свое существование. Далее в уставе говорится о неделимом фонде, неограниченности числа членов, доступности товарищества для всех добропорядочных рабочих и т. д. Служа средством для освобождения всего рабочего класса, неделимый фонд в случае закрытия товарищества должен быть передан в собственность другому однородному товариществу, если оно возникнет не позже двух лет по закрытии первого. Если же через два года подобное учреждение не будет основано, то он передается в распоряжение местных властей для какого-либо общепольного дела.

В «Трактате о политике и социальной науке», написанном Бюше незадолго до смерти, его взгляды на рабочие ассоциации представляются в следующем виде.

Касаясь вопроса об обеспечении всех граждан средствами к существованию, он отмечает, что одни из них имеют переходный характер и могут быть осуществлены теперь же, другие же принадлежат к числу окончательных (*définitifs*), могущих быть достигнутыми только в более или менее отдаленном будущем.

К первым относятся: установление минимума заработной платы, организация общественных работ на основе особого контрагента, обеспечивающего интересы обеих сторон, и широкая постановка общественной благотворительности. Мероприятия же окончательного характера состоят во всеобщем рас-

пространении рабочих ассоциаций (*la généralisation ou l'universalité de l'association ouvrière*).

Эти ассоциации «совершенно не похожи на коммерческие или промышленные, которые распространены повсюду. В ассоциации, которую я предлагаю, люди объединяют свой труд, а не капиталы. Это контракт, которым на рабочих налагается двойное обязательство: 1) составить общий капитал, который будет служить орудием труда, но останется неотчуждаемым, неделимым и должен будет постоянно возрастать путем ежегодных отчислений из прибыли, и 2) объединить свои силы для использования этого капитала посредством собственного труда под руководством правления, назначаемого ими самими и в интересах всех.

«Этим обязанностям членов товарищества соответствуют их права, заключающиеся в получении: 1) обычной для данной профессии и местности заработной платы и 2) некоторой доли прибыли пропорциональной труду, совершенному каждым из них. Эта прибыль принадлежит целиком рабочим за исключением части, присвояемой общему капиталу и предназначенной для его возрастания. Действительно, образование, сохранение и увеличение общественного капитала является необходимым условием существования этого рода ассоциаций. Он служит для них связью и центром. Право на использование его и преимущества, вытекающие отсюда, составляют тот интерес, который имеет своим назначением поддержание ассоциации даже независимо от состава членов, ее основавших. Последний может изменяться без вреда для существования ассоциации. Кроме того, возрастание капитала является силой, побуждающей членов ассоциации увеличивать

их число соответственно той силе, которую он ей дает. Возможность и — это нужно сказать — превосходство рабочих ассоциаций доказаны практическим опытом. Одна из них, послужившая образцом для всех остальных, существует и процветает вот уже тридцать лет; другие поддерживают с успехом свое существование более двенадцати лет. Но, конечно, этого очень мало, если подумать о том, что нужно сделать.

«Мы еще очень далеки от эпохи, когда эта система может быть осуществлена полностью. Для того, чтобы измерить расстояние, которое отделяет нас от этой желанной цели, нужно принять во внимание, что она предполагает революцию в материальных условиях и нравах — более важную, чем революция коммун, революцию столь же великую, как та, какою является переход от крепостного состояния к индивидуальной свободе».

В своих первых статьях, помещенных в *Europeen* за 1832 г., Бюше проводил резкое различие между мелкой (ремесленной) и крупной промышленностью, считая ассоциацию подходящей только для первой. Теперь об этом ничего уже не упоминается, — речь идет о промышленности вообще. Отсюда можно вывести заключение, что Бюше считал устройство рабочих товариществ применимым также для крупных фабрик и заводов. «В отношении промышленности (*l'industrie*) — говорит он — проблема кажется почти разрешенной и способ разрешения — почти усвоенным. Впрочем, в работах этого рода ассоциация более легка и может основываться довольно быстро. Здесь это — только вопрос кредита». Другое дело — земледелие; тут в этом отношении не сделано еще ничего. Но Бюше был

вполне уверен, что предлагаемое им средство вполне применимо также и для сельского хозяйства. При этом в качестве подготовительной меры он рекомендует восстановление общинных земель. Обращение их в частную собственность путем раздела или продажи представляется ему «большой ошибкой», и в противовес экономической школе, видящей в индивидуальном землевладении средство к повышению производительности, он выдвигает пример Бельгии, где в области, населенной валлонами, имеется большое количество общинных земель, обрабатываемых жителями поочередно с таким успехом, что она считается житницей страны. Впрочем, общинные земли ценятся Бюше не сами по себе, а как зародыш будущей системы ассоциированного земледелия (*les noyaux du domaine futur des associations agricoles*).

Распространение принципа трудовой ассоциации должно, по мнению Бюше, повести к ликвидации существующего социального строя и к замене его более совершенным, где труд уже не будет служить предметом эксплуатации со стороны капитала. «Наша цель в области материальной заключается в том, чтобы всем людям одинаково обеспечить наилучшую жизнь. Средством для этого служит труд и производство. ...Ассоциация в труде есть не только единственная система, наиболее полно обеспечивающая рабочему собственность на продукты (труда), но вместе с тем она есть и наилучшая система производства как в земледелии, так и в промышленности».

Эта ассоциационная или кооперативная система представляет собою в известном смысле полную противоположность системе государственного со-

циализма, которая развивалась в это же самое время учениками Сен-Симона и заключалась в требовании передачи всех средств и орудий производства в руки государства. Бюше не отрицал необходимости сильной и деятельной государственной власти; но он высказывался против того, чтобы она непосредственно заведывала хозяйственной жизнью страны. Сообразно с этим он отвергает лозунг права на труд, который в то время пользовался большой популярностью в демократических кругах.

Если бы государство установило право на труд, то оно должно было бы взять на себя и обязанность предоставлять гражданам работу, определять ее форму, количество и продолжительность.

Начав с некоторых отраслей, оно самым ходом дел было бы вынуждено расширять сферу своей экономической деятельности и, в конце концов, стало бы хозяином всей промышленности. Но тогда «ни у кого не осталось бы свободы ни в отношении места, ни времени, ни рода труда. Каждый должен был бы находиться в распоряжении администрации, каждый сделался бы солдатом промышленности. Одним словом, все стали бы военнослужащими (*enrégimentés*). Вместо обеспечения индивидуальной свободы, получают все обязательства и тирании, свойственные регламентарной системе. Это заключение не есть продукт воображения; оно неизбежно и необходимо. Все те, кто изыскивал какую бы то ни было систему, обеспечивающую работу для всех, единодушно приходили к этой системе всеобщей обязательной повинности, несогласной со свободой. ...В отношении прав человека и гражданина несчастные, подчиненные этому режиму, находились бы в положении негров на сахар-

ных плантациях. И между тем эту безумную мечту выставляли как последнее слово цивилизации, дальше которого некуда идти, и ее боялись, как будто она могла быть осуществимой!».

Сен-симонистами, как известно, было выдвинуто также требование об уничтожении права наследования. Бюше по этому вопросу говорил, что так как земля не есть дело рук человеческих и вместе с тем необходима всем и каждому, то она не должна быть предметом частной собственности, а только находиться во владении. Другое дело движимое имущество, обязанное своим происхождением труду человека: оно может быть предметом полной собственности. Предложение об уничтожении наследования при современных условиях представляется нецелесообразным, так как это отняло бы у родителей стимул к увеличению производительности за пределы личных потребностей и разрушило бы тот источник накопления богатств, которым пользуется все общество.

«Эта предусмотрительность есть инстинкт; он создан не нами и мы должны его уважать, как дар высшей мудрости. Можно представить себе только один социальный строй, в котором эта заботливость могла бы быть удовлетворенной меньшими усилиями. Это — строй, где в качестве общего правила была бы установлена система рабочих ассоциаций в земледелии и промышленности. Тогда родителям было бы достаточно обучить своих детей известной профессии, чтобы считать их будущность обеспеченной. В этом строе будет безразличным, наследуются ли или нет движимые имущества, ибо они не могли бы более служить средством к приобретению во владение орудий труда или к отдаче

их под проценты. Но и тогда не было бы никакого основания изменять существующее законодательство. Родители имели бы постоянно надежду на передачу детям продуктов их труда, но только эта передача перестала бы быть злом для остальных».

Задача популяризации производительных товариществ среди широких общественных кругов была выполнена несколько позже Луи-Бланом, но честь первоначальной теоретической разработки ее нужно несомненно приписать Бюше, имя которого несправедливо осталось в тени. Автор известной книги «Пролетариат во Франции»¹⁾ А. Михайлов отнесся очень пренебрежительно к Бюше, бросив по его адресу мимоходом фразу, что «бездарность слога спорит у него с бездарностью мысли». Между тем именно Бюше принадлежит заслуга первоначальной разработки идеи производительной кооперации.

Скорее, пожалуй, инстинктивно, чем сознательно, Бюше понял, где Ахиллесова пята в учении Оуэна и Фурье, мешавшая практическому успеху выдвинутой ими идеи ассоциации трудящихся и обрекавшая их фаланстеры и коммуны на роль бесплодных фантазий. Эта слабая сторона великих утопистов состоит в отрицательном отношении к профессиональному разделению труда и замене его принципом периодической сменности занятий. В их общинах члены стремятся к тому, чтобы своим трудом обслуживать все главнейшие нужды, переходя в течение года от одного занятия к другому. Но этот принцип ведет не к повышению, а понижению производительности труда, и потому его применение в широком масштабе означало бы не под'ем общества

¹⁾ Первое издание в 1869.

на высшую ступень развития, а скорее его деградацию, т. е. шаг не вперед, а назад. Таким образом, мечтая о том, чтобы заглянуть в будущее и указать другим путь к нему, Оуэн и Фурье в действительности оказались во власти бессознательной идеализации недавнего прошлого в виде так называемого натурального хозяйства, которое именно потому и разложилось, что оказалось несовместимым с стремлением общества к дальнейшему развитию производительных сил...

Не касаясь прямо этой стороны дела, Бюше и за ним Луи-Блан избирают другой подход к разрешению вопроса: стремясь к эмансипации труда, они берут трудящиеся массы в том положении, какое было создано новейшим экономическим развитием с его профессиональным разделением труда, применением машин, тенденцией к господству крупного производства и т. д., и намечают пути к его улучшению, не посягая на эти принципы. Считаясь с наличностью среди трудового городского населения двух своеобразных групп — ремесленников и наемных рабочих, Бюше выводит отсюда необходимость выработать различные меры для каждой из них, сообразно с особенностями ее положения. Для трудовых элементов, занятых в мелкой (ремесленной) промышленности, им выдвигаются производительные товарищества, а в крупной — профессиональные союзы, фабричное законодательство и т. д.

Поэтому Бюше может по праву считаться отцом пролетарской кооперации, объединяющей своих членов в качестве продавцов рабочей силы, на основе принадлежности их к одной и той же профессии — подобно тому, как Кинг отвергнул идею Оуэна и Фурье об упразднении

индивидуального домашнего очага, является первым теоретиком потребительской кооперации, объединяющей своих членов, как лиц, ведущих самостоятельное домашнее хозяйство.

Вследствие того, что мировоззрение Бюше было насквозь проникнуто морально - религиозным духом в форме неокатолицизма, его взгляды на рабочие ассоциации не получили популярности в демократических кругах, для которых они предназначались, но это не отнимает у него право на то, чтобы считаться идейным родоначальником новой отрасли кооперативного движения¹⁾.

¹⁾ Traité de politique et de science sociale par Ph. Buchez (1866 г.).— А. Михайлов, Пролетариат во Франции (1869 г.).— А. Исаев, Промышленные товарищества во Франции и Германии (1879 г.).— Д. Щеглов, История социальных систем, т. II. (1889 г.).

Луи-Блан.

Идея производительной кооперации была развита Бюше исключительно для той части трудового населения, которая была связана с ремесленной промышленностью. Между тем экономическое развитие Франции выдвигало на первый план крупное фабрично - заводское производство, вместе с которым рос класс наемных рабочих, своими волнениями побуждавший общественное мнение заботиться прежде всего вопросом об улучшении именно его положения. Чтобы обратить его внимание в сторону производительных товариществ, идею Бюше пришлось подвергнуть известной переработке применительно к своеобразным условиям жизни промышленного пролетариата. Эта задача выпала на долю Луи-Блана.

Луи-Блан (род. в 1811 г.) принадлежал к дворянской семье (его дед погиб на эшафоте во время террора, а отец успел бежать). Он сначала занимался преподаванием, а затем, переселившись в Париж, начал сотрудничать в местных газетах, где скоро выдвинулся благодаря литературному таланту. В 1838 г. Луи-Блан основывает собственную газету «La Revue du Progrès politique, social et littéraire» и здесь он впервые говорит о рабочем вопросе и о положении промышленного пролетариата. В следую-

щем году в этой газете появляется его проект социальной реформы под названием «Organisation du travail» (Организация труда). Выпущенное затем отдельной брошюрой, это сочинение выдержало в течение ближайших десяти лет девять изданий и доставило автору как почетную известность в литературных кругах, так, в особенности, огромную популярность в рабочей среде.

Содержание проекта в существенных чертах сводится к следующему. Нарисовав в ярких красках бедственное положение рабочего класса, Луи-Блан переходит затем к анализу причин, его вызывающих. Таковыми является частная собственность на средства производства и принцип конкуренции, господствующий ныне в экономической жизни. Так как борьба ведется в неравных условиях, то результаты соперничества неизбежно оказываются пагубными для огромнейшей части трудящегося населения. В то время как общество разделено на неимущих, с одной стороны, и владельцев орудий труда — с другой, в среде его предоставляется полная свобода «господству соперничества, которое сводит на борьбу богатого с бедным, ловкого спекулянта с доверчивым рабочим, ...исполина, вооруженного с головы до ног, с безоружным воином». Но соперничество наносит ущерб не только неимущим; и имущие испытывают на себе его пагубное влияние — мелкий капитал вынуждается уступить свое место крупному, а этот последний — крупнейшему. Такой порядок вещей неизбежно должен привести к тому, что все производство будет сосредоточено в руках немногих магнатов капитала, а нищета и вырождение рабочего класса возрастут еще более. Как же быть; где выход?

По мнению автора, конкуренцию можно победить только конкуренцией. Тот из производителей, который обладает большим капиталом, может достигнуть того, что его менее сильные противники, не выдержав конкуренции, разорятся и прекратят производство. Если найти теперь такого капиталиста, состояние которого будет во много раз превосходить состояние других наиболее крупных капиталистов, то он сможет точно также устранить их с рынка, заставить их прекратить свою деятельность. Таким капиталистом может быть только государство, средства которого почти неизмеримо превосходят средства каждого отдельного человека.

Государство и должно взять на себя задачу уничтожить соперничество в промышленности и ввести на ее место принцип солидарности. С этой целью правительство выпускает заем и на полученные средства устраивает общественные мастерские (*ateliers sociaux*) во всех наиболее важных отраслях народной промышленности. Оно же составит для них и уставы, которые по одобрении народным представительством получают силу закона. К работам в них будут допускаться все рабочие, которые представят гарантии нравственности — в числе, соразмерном капиталу, первоначально собранному для приобретения средств и орудий производства. На первый год административный персонал назначается правительством, но затем, когда рабочие узнают друг друга, должностные лица будут избираться уже ими самими.

Заработная плата в общественных мастерских, по мнению Луи-Блана, должна быть одинаковой. Правда, надежда на увеличение заработка является ныне главнейшим побуждением к повышению про-

изводительности труда, но новое воспитание изменит господствующие противообщественные понятия и нравы. Получаемым вознаграждением члены товарищества распоряжаются по своему усмотрению, но сознание выгоды должно привести их, в конце концов, к организации потребления на общих началах.

Сверх заработной платы члены товарищества получают еще известную долю чистой прибыли. А именно — последняя делится на четыре части: одна распределяется поровну между всеми членами мастерских; другая отчисляется на содержание престарелых и больных; третья откладывается для облегчения кризисов в других отраслях промышленности и известная доля предназначается на приобретение орудий производства, что даст товариществу возможность расширять непрерывно свою деятельность и принимать к себе в качестве членов даже таких рабочих, которые не могут принести с собой необходимые орудия.

Новый порядок вещей будет развиваться медленно и постепенно, но все же с каждым годом он будет отвоевывать у старого все большую и большую область. Так как устройство общественных мастерских в фабрично-заводских отраслях требует значительных затрат, то первоначально их будет организовано только небольшое количество и на ряду с ними будут продолжать свое существование частные предприятия. Таким образом, между ними начнется соперничество, которое, по убеждению Луи-Блана, должно кончиться полной победой общественных мастерских. Государство будет регулятором рынка вместо того, чтобы быть его господином или тираном, подобно нынешним крупным капита-

листам. Оно будет пользоваться конкуренцией не для того, чтобы вдруг ниспровергнуть частную промышленность, но для того, чтобы незаметно привести ее к объединению. В каждой отрасли промышленности, где будет устроена общественная мастерская, в самом скором времени должно произойти то, что и рабочие и капиталисты поспешат присоединиться к этой мастерской ради выгод, которые она приносит соучастникам. «Через несколько времени без узурпации, без несправедливостей, без катастроф произойдет в пользу принципа ассоциации то явление, которое в настоящее время производится столь печальным образом с помощью тирании в пользу личного эгоизма. Теперь крупный предприниматель может одним ударом убить на месте своих соперников и, таким образом, монополизировать целую отрасль промышленности. В нашей системе государство овладеет промышленностью мало-по-малу и вместо монополии мы будем иметь в результате замену конкуренции ассоциацией».

Уничтожив конкуренцию между отдельными лицами, было бы безумием оставить ее между корпорациями. Поэтому в каждой отрасли промышленности, которую государство успеет овладеть, будет одна центральная мастерская, к которой все остальные будут относиться, как отделения.

Возлагая на государство роль организатора и кредитора общественных мастерских, Луи-Блан не хочет, однако, превратить их в чисто казенные предприятия. «Мы не требуем, чтобы государство делало все само; мы требуем с его стороны почина в преобразовании промышленности, направленном к замене начала соперничества товарищеским на-

чалом. Мы не требуем, чтобы государство сделалось предпринимателем и сосредоточило в своих руках все монополии; мы требуем его вмешательства для доставления орудий производства нескольким обществам работников и создания для них такого законодательства, которое способствовало бы постепенному распространению их во всем государстве».

По истечении года каждая мастерская должна уже управляться сама собою, и роль государства ограничится надзором за тем, чтобы поддерживались взаимные отношения всех центров производства одного и того же рода и чтобы не было нарушения принципов общего порядка ¹⁾...

В феврале 1848 г. в Париже вспыхнула революция, поставившая у власти временное правительство, в состав которого вошел, между прочим, и Луи-Блан. С первых же дней переворота рабочий вопрос был выдвинут на очередь дня самой жизнью. Среди членов временного правительства по отношению к нему наметилось два течения. Одни, во главе с Луи-Бланом, требовали образования министерства труда, которое, будучи снабжено достаточными средствами, взялось бы за изменение существующего общественно-экономического строя. Другие же относились враждебно к планам коренного переустройства общества и предлагали ограничиться образованием комиссии, которая должна была бы исследовать причины бедственного положения рабочего класса и выработать меры к его устранению. Последнее мнение одержало верх, и 28 февраля была образована правительственная комиссия по рабочему вопросу с Луи-Бланом и

¹⁾ Organisation du travail (cinquième édition, 1848).

Альбером во главе; в состав ее входили предприниматели, рабочие и представители науки. —

При ближайшем участии Луи-Блана этой комиссией был выработан следующий план реформ: —

1) Создание министерства труда с специальной миссией подготовить социальную революцию и осуществить постепенно, мирным образом и без потрясений уничтожение класса пролетариата.

2) Выкуп посредством займов железных дорог и копей; преобразование французского банка в государственный; централизация всех видов страхования; учреждение оптовых складов под управлением ответственных чиновников, где производители и фабриканты могли бы держать свои товары и продукты, на которые будут выдаваться расписки, имеющие продажную ценность и могущие служить кредитными билетами; открытие магазинов для мелочной торговли, аналогичных складам для оптовой продажи.

3) Учреждение специального бюджета на нужды рабочих при министерстве труда из доходов от железных дорог и складов.

4) Из этого бюджета будут погашаться займы, сделанные для вышеозначенных операций, и выдаваться ссуды для организации рабочих ассоциаций и земледельческих колоний.

5) Чтобы иметь право на государственную ссуду, рабочие товарищества должны быть организованы на началах братской солидарности — так, чтобы они могли приобрести, по мере своего укрепления, капитал коллективный, неотчуждаемый и постоянно растущий — единственное средство убить ростовщичество, крупное и мелкое, и достигнуть того, чтобы капитал перестал быть эле-

ментом тирании, обладание орудиями труда — привилегией, кредит — товаром, благосостояние — исключением, праздность — правом.

6) В этих видах всякая рабочая ассоциация, желающая пользоваться государственной ссудой, должна положить в основу своего существования следующие правила:

За вычетом стоимости рабочей платы, процентов на капитал, расходов по содержанию заведения и на закупку сырых материалов прибыль распределяется таким образом, что одна четверть идет на погашение капитала, принадлежащего собственнику, с которым государство вошло в соглашение, другая — в фонд пособий, предназначенных для стариков, больных и т. п., третья делится между рабочими и последняя употребляется на образование запасного фонда.

Так будет организована ассоциация в каждой мастерской. Но кроме этого необходимо объединить в одну общую ассоциацию все мастерские одной и той же отрасли промышленности, чтобы сделать их солидарными между собою. Для этого необходимы два условия. Сначала нужно определить стоимость производства каждого продукта; далее, принимая во внимание положение рынка, будет назначена цифра той прибыли, которую допускается получать сверх стоимости издержек производства, чтобы установить везде одинаковую цену и устранить всякую конкуренцию между мастерскими одной и той же промышленности. Затем, во всех мастерских одной и той же отрасли промышленности устанавливается заработная плата — не одинаковая, но пропорциональная, так как условия материальной жизни не одинаковы в различных пунктах страны.

Когда солидарность между мастерскими одной и той же отрасли промышленности будет таким образом установлена, нужно будет осуществить главное условие социального порядка, которое сделает навсегда невозможными распри, войны и революции—установить солидарность между всеми различными отраслями промышленности, между всеми членами общества. Для этого необходимы два условия. Во-первых, нужно соединить в одну общую сумму доходы всех отраслей промышленности, распределяя ее между всеми работниками. Затем—из различных запасных фондов, о которых говорилось выше, нужно образовать фонд взаимопомощи для всех отраслей промышленности, так что те из них, дела которых будут идти плохо в том или ином году, будут получать поддержку от тех, которые благоденствуют. Таким образом создастся огромный капитал, который не будет принадлежать никому в отдельности, но будет коллективным достоянием всех. Распределение этого капитала, принадлежащего всему обществу, поручается административному совету, стоящему во главе всех мастерских. В его руках будут сосредоточены бразды правления всех отраслей промышленности, между тем как управление каждой отдельной промышленностью вверяется инженеру, назначаемому государством.

Этот план будет осуществляем государством помимо каких-либо принудительных мер. Государство создает ассоциации, которые будут служить образцом,—рядом будут существовать частные ассоциации и современная экономическая система. Но в силу своего превосходства новая система в скором времени распространится на все общество, втяги-

вая в себя противоположные ей системы непреодолимым внутренним притяжением.

7) Земледельческие колонии будут основываться с той же целью и на тех же началах.

В общем весь этот план—говоря словами Луи-Блана—состоял в том, чтобы «заложить среди настоящей социальной системы фундамент другой — кооперативной — системы, придав этой последней характер громадного национального опыта, сделанного с помощью и под контролем государства».

Таким образом, лицом к лицу были бы поставлены две системы экономических отношений. Одна — исходящая из принципа антагонизма; другая — из принципа кооперации. Одна, заставляющая каждого индивидуума, очертя голову, преследовать свою личную цель, не заботясь об остальных и даже топча их ногами; другая — ведущая к тому, чтобы каждый отождествлял свои личные интересы с интересами всего общества. Одна, похожая на дуэль, где спасение одного требует смерти другого, а иногда приводит к гибели обоих; другая—создающая истинное соревнование, то, которое возбуждает личные интересы, не противопоставляя их непременно благосостоянию других людей. Одна, обращающая производство в ужасающую азартную игру; другая — регулирующая его на основании статистики потребностей и потребления. Одна, увенчивающая успехом хитрость и слепую игру случая, другая — обеспечивающая успех знанию, уму и труду. «Во всяком случае, опыт должен решить, какая из этих двух систем наилучшая; та, в чью пользу он произнес бы приговор, постепенно расширила бы область своего применения одной лишь силой своего обаяния, без насилия,

без потрясения, между тем как другая постепенно исчезла бы вследствие своего несовершенства, доказанного самими фактами и вскоре всеми признанного».

Для характеристики взглядов Луи-Блана очень важное значение имеет предложение, сделанное им в вышеупомянутой комиссии по рабочему вопросу, относительно способов разрешения современных жилищных и продовольственных затруднений.

Проектировалось создать в каждом из наиболее густо населенных кварталов Парижа помещение, настолько обширное, чтобы в нем могло разместиться до 400 рабочих семейств, каждое из коих имело бы свою отдельную квартиру и пользовалось бы преимуществами, вытекающими из сбережений, получаемых благодаря системе ассоциаций, при закупке пищевых продуктов, по отоплению и освещению,—преимуществами, равносильными увеличению заработной платы. В этих учреждениях были бы залы для чтения, детские ясли, школы, сады, дворы, ванная. Каждое из таких учреждений обошлось бы около миллиона франков. Чтобы покрыть этот расход, правительство сделало бы заем; женщины занялись бы сбором пожертвований и все классы общества были бы призваны доставлять агентов, которые заботились бы об успехе финансовой операции, столь новой и имеющей столь благодетельное значение. Это должно быть лишь первым шагом на пути развития системы, которая после того, как опыт докажет ее практическое превосходство, постепенно расширится и распространится на все общество.

На первый взгляд может показаться, что Луи-Блан мечтает здесь об осуществлении фаланстеров

Фурье. И такой серьезный ученый, как проф. А. Исаев, действительно утверждает, что одним из основных положений системы Луи-Блана является «предположение общего потребления членов товарищества» и что «в этом он следует Фурье»¹⁾.

Едва ли, однако, можно вполне согласиться с этим. Члены фаланстеров Фурье не только живут под одной крышей, но и пользуются общей столовой, не заводя — как правило — собственного домашнего хозяйства. В проекте же Луи-Блана не упоминается о центральной кухне или столовой и не говорится об упразднении домашнего очага; здесь отмечаются лишь преимущества, вытекающие из возможности делать совместные закупки предметов первой необходимости и сообща удовлетворять потребность в отоплении и освещении. Таким образом, правильное будет сделать тот вывод, что Луи-Блан не имел в виду устанавливать общность потребления для членов производительных товариществ, а только рекомендовал им, основывая между собою или вступать в уже существующие ассоциации, которые бы сокращали расходы и облегчали хлопоты, связанные с ведением индивидуального домашнего хозяйства.

Подобные ассоциации, действительно, стали в ту пору возникать и получили затем распространение под названием «потребительных обществ».

Проекты комиссии в целом не получили осуществления, но кое-что было проведено в жизнь. Когда в июне началось в национальном собрании обсуждение вопроса о том, в какой форме всего

¹⁾ А. Исаев, Промышленные товарищества во Франции и Германии (1879 г.), стр. 84.

удобнее оказать содействие производительным ассоциациям, депутат Алькан предложил выдавать ежегодно по одному миллиону франков в виде премии тем товариществам, составленным из рабочих и предпринимателей или только из одних рабочих, которые без посторонней помощи развиваются успешно. К этому же клонилось и предложение Корбона, чтобы государство оказывало пособие преимущественно тем товариществам, которые возникли раньше путем собственных усилий членов.

Национальным собранием был издан 15 июля декрет, согласно которому дозволялось товариществам принимать казенные подряды, не внося залогов, разрешалось беспроцентное составление актов при утверждении уставов и ассигновывались три миллиона франков для выдачи ссуд товариществам из 3%, если они не превышают 25.000 фр., и 5%—при более значительных суммах.

Некоторыми депутатами при обсуждении этого декрета предлагалось даже передавать товариществам выполнение всех казенных заказов. По предложению Латрида, на торги в течение двадцати дней по объявлении о казенных подрядах имели право являться только товарищества рабочих. Но не соглашаясь отдавать рабочим товариществам все подряды, национальное собрание решило предоставить министру общественных работ право приглашать их к исполнению заказов, соответствующих их специальностям. Что касается 3-х миллионного фонда, то он передан был в распоряжение особого Совета поощрения, состоящего из 15 членов. Придерживаясь взгляда, что в экономической жизни государство может играть только второстепенную роль, главная же принадлежит частным лицам, Совет по-

становил выдавать ссуды тем товариществам, которые представят ему надежные ручательства успеха, и требовал, чтобы все, желающие получить ссуду, имели точно определенное промышленное занятие, а не являлись представителями неопределенных планов.

Возможность получения ссуды подействовала так соблазнительно, что в Совет стали поступать прошения от ряда предпринимателей, дела которых пошатнулись, или таких лиц, которые иначе и не подумали бы о новой форме производства. Многие проекты носили явно фантастический характер. Чтобы удовлетворить всех просителей, нужны были сотни миллионов. Поставленный в затруднение разнообразием задач и целей, преследуемых новыми организациями, а также их юридических форм, Совет выработал образцовый устав, который и предлагалось принять товариществам, желающим получить ссуду. Согласно этому уставу, товарищества принимали форму коллективных обществ с неограниченной круговой порукой относительно третьих лиц. Обязательным условием ставится учреждение неделимого и неотчуждаемого фонда, на пополнение которого должно отчисляться ежегодно 10% прибыли. В крайних случаях, за недостатком капитала, этот фонд мог употребляться на текущие нужды, но затем немедленно пополн. Заработная плата должна быть соразмерна труду, а прибыль пропорциональна заработной плате. Употребление наемных рабочих не допускается, за исключением случаев особенно спешных работ; но и в этом случае рабочие должны приглашаться только на короткий срок и затем по окончании его—приниматься в члены и иметь при распределении прибыли право

на соответственную долю. Уплата ссуды должна начаться через год после ее получения и окончиться за год до истечения срока, на который было учреждено товарищество. Выдавая ссуду товариществам, Совет сохранил за собою право наблюдения, и члены его посещали субсидируемые организации, расспрашивали о состоянии дел, требовали отчетов и т. д.

Присматриваясь ближе к основным положениям этого образцового устава и сравнивая его с уставами первых производительных товариществ—столяров и ювелиров, — нельзя не заметить, что определяющую роль при выработке его играли несомненно идеи Бюше. Правда, сам Бюше (бывший одно время председателем Национального собрания) не состоял членом Совета поощрения, но зато в нем принимали участие издатель журнала «Atelier» Корбон и известный экономист Отт, являющиеся его учениками и последователями.

Учреждение трехмиллионного фонда дало несомненный толчок развитию производительных товариществ; за короткое время были выданы ссуды 56 организациям (30 в Париже и 26 в провинции) в общей сумме на 2½ милл. фр.

Но еще большее количество производительных товариществ появилось в это время самостоятельно, на основе принципа самопомощи.

Всего возникло за это время около 200 организаций, главным образом, конечно, в Париже.

Правда, этот первый период в развитии производительной кооперации не оставил после себя прочных следов, ибо за немногими исключениями почти все эти товарищества погибли. Но неудача первого периода не убила самой идеи производи-

тельной кооперации, которая завоевала себе видное место в общем движении, связав свою судьбу с важнейшими моментами общественно - экономической жизни ¹⁾).

¹⁾ А. Исаев, Промышленные товарищества во Франции и Германии (1879 г.). Д. Щеглов, История социальных систем, т. II. (1889 г.). Луи - Блан, История революции 1848 г. (в переводе 1907 г.).

ОГЮСТ ОТТ.

Наиболее выдающимся из числа непосредственных учеников Бюше является О. Отт, перу которого принадлежит несколько работ философского и экономического характера. Значительнейшей из них нужно считать «Трактат по социальной экономии», вышедший в 1851 г. Здесь он делает попытку переработать систему политической экономии с новой точки зрения и между прочим вводит в нее в качестве составной части учение о кооперативных ассоциациях.

Подвергая анализу существующий экономический механизм, Отт приходит к выводу, что главные недостатки его происходят от двух причин: от законов, управляющих распределением орудий труда, и от абсолютной свободы и отсутствия предусмотрительности в производстве и обмене.

Благодаря тому, что средства производства не принадлежат рабочему классу, проистекают следующие последствия: рабочий находится в зависимости от владельца капитала; он — его подданный и должен делить с ним плоды своего труда. Владелец извлекает выгоду из того, что рабочий не знает усовершенствований производства; он пользуется выгодами образования и может делать сбережения. Отсюда вытекает его руководящая роль в произ-

водстве, ибо последнее находится в зависимости от спроса, а спрос определяется доходами.

От отсутствия же предусмотрительности или планомерности в организации народного хозяйства происходит то, что производство не имеет иного руководства, кроме личного интереса, и никогда не соответствует вполне спросу, а всегда или больше, или меньше его. Конкуренция становится борьбой не на живот, а на смерть, вместо соревнования. Обман и спекуляция господствуют в обмене. Все блага постоянно изменяются в ценах. Периодические загромождения рынка продуктами производят тяжелые кризисы.

Эти недостатки современной организации большей частью являются остатками предшествующего христианству периода цивилизации, которые христианство частью уже устранило, частью же должно устранить в будущем. Но так как современная система покоится на прочно укоренившихся привычках, то это преобразование будет совершаться медленно и постепенно.

Первое место среди средств преобразования принадлежит ассоциации. Предоставляя рабочему орудия труда, она уничтожает этим все несчастные последствия современного распределения благ. Она освобождает рабочего, поднимает его из подчиненного положения, дает ему полный продукт его труда. Обеспечивает свободу при выборе профессии. Преобразовывая спрос и распределение труда, ассоциация преобразовывает и все производство. Вместе с тем она исправляет главнейшие из беспорядков, проистекающих от неограниченной конкуренции, регулирует торговлю и производство, изгоняя спекуляцию и обеспечивая сбыт.

Дополнительными средствами к ней служат: организация кредита, изменение законодательства о наследовании, установление минимума заработной платы и максимума ренты, принятие репрессивных мер против злоупотреблений конкуренции, учреждение института предусмотрительности и советов prud'hommes и организация профессионального образования.

Самое слово кооперация Отт нигде не употребляет, пользуясь исключительно термином ассоциация. Но этот последний он употребляет не в широком, а в узком смысле, подчеркивая, что в его произведении речь идет об ассоциации особого рода, характеризующейся следующими чертами:

1) Это есть ассоциация рабочих, а не капиталистов, и в ней они объединяются только для труда, а не для жизни вообще или потребления. 2) Ассоциаций должно быть несколько и они должны быть независимы одна от другой. Мы не хотим единой ассоциации, обнимающей все виды производства и функционирующей под руководством государства. Ассоциация должна стремиться лишь к тому, чтобы заменить современную мастерскую, состоящую из патрона и рабочих, более или менее крупным предприятием, где все рабочие равны и пользуются одинаковыми правами. 3) Существенная особенность в организации рабочих ассоциаций заключается в том, что доля продукта, которая должна быть предоставлена каждому, равняется количеству труда, так что работающий более и получает более, а работающий менее соответственно меньше и вознаграждается.

Идея ассоциации, — говорил Отт, — не нова, ибо она широко практиковалась уже в средние века

не только в религиозных коммунах, но и в промышленности земледельческой и мануфактурной. Однако, только в наше время в ней стали искать средство социального преобразования. В начале 19 века эта идея появляется еще в очень смутной форме и под коммунистической оболочкой, включая не только ассоциацию в труде, но и в потреблении; она не только стремится создать ассоциацию рабочих, но хочет объединить все общество в одной ассоциации (системы сен-симонистов, Фурье и др.). В том виде, как она сейчас практикуется, рассматриваемая, как средство освобождения трудящихся классов и предоставления им права собственности на орудия производства, идея кооперации принадлежит Бюше, и с этого времени она становится высшим выражением всего экономического прогресса. Кооперация есть единственное средство уничтожить различие между хозяином и слугой, между капиталистом и рабочим. Только она одна может уничтожить зависимость и подчиненное положение рабочих классов. Точно так же лишь она одна может устранить те злоупотребления конкуренции, которые ведут к понижению цены продуктов за счет жизни рабочих. При кооперативном режиме директор есть лишь выборный руководитель труда, который не может иметь другого интереса кроме интересов своих товарищей, а выгоды и убытки распределяются между всеми пропорционально труду каждого. При этом режиме конкуренция не может более опираться на сокращение заработной платы, ибо это сокращение, которое теперь составляет прибыль хозяина, тогда явилось бы потерей для всех. Кооперация самым фактом своего существования уничтожает одно из самых ненавистных последствий кон-

курении, именно те самые злоупотребления ею, вследствие которых неограниченная свобода становится роковой для рабочего.

Но как же должны быть организованы кооперативные товарищества для того, чтобы наилучшим образом обеспечить свободу труда? Здесь возникает,—объяснял Отт,—основной вопрос: должны ли все рабочие одной и той же профессии объединяться в одно товарищество в пределах целой страны или же предпочтительнее, чтобы в каждой отрасли возникло несколько товариществ, независимых одно от другого и конкурирующих между собою.

Главным аргументом, который выдвигается в пользу единой организации, является то соображение, что она дает наиболее действительное средство создать порядок в производстве и уничтожить конкуренцию в самом ее зародыше. Поскольку речь идет о конкуренции — это верно. Но ведь кооперация сама по себе, независимо от формы ее организации, устраняет самые кричащие злоупотребления современного порядка, на которые наиболее жалуются рабочий класс; уничтожить же самую конкуренцию — это значит уничтожить свободу. Что же касается порядка в производстве, то единая ассоциация без сомнения создаст его, но она создаст вместе с тем и косность. Недостатки прежней корпоративной (цеховой) системы здесь будут налицо. Допустим, что одна ассоциация объединит всех рабочих одной профессии на протяжении всей Франции. Какая огромная получится машина, сколько потребуется служащих, на обязанности коих будет лежать выяснение в каждый данный момент, не совершается ли какого обмана, хорошо ли делается работа. И какая монополия по отношению к потре-

бителю! Можно даже утверждать, что в отношении свободы и прогресса дело обстояло бы даже хуже, чем при корпоративном строе. В последнем число мастеров было ограничено, но в каждой профессии их было несколько, а не один. Каждый мастер был свободен в своей сфере и не зависел от своих товарищей. Подмастерье, которому не нравилось у данного патрона, мог найти работу у другого. При наличии одной ассоциации рабочий может найти работу только в одном предприятии, и если по тем или иным соображениям оно отказывает ему в ней, то он лишается возможности найти приложение своему труду. А тот, кто исключается из ассоциации вследствие расхождения во взглядах или ссор с товарищами, — что ему делать? Или закон будет обязывать ассоциацию держать его у себя? Может быть, он будет принуждать жить вместе людей, которых разногласия или личные антипатии сделали ненавистными друг другу? Но тогда кооперация перестанет уже держаться на свободном договоре и братском согласии и будет существовать на основе принуждения. Наконец, свободное отправление своей профессии было бы еще менее возможно при этой системе, чем при цеховом строе. Ибо там по крайней мере каждый был у себя дома, и если соблюдал правила уставов, то ему нечего было бояться контролеров. В единой же ассоциации каждый должен был бы работать под непосредственным надзором огромной администрации, по самой своей природе склонной регламентировать самые мелочные подробности и всегда ревниво относиться к выполнению всех своих предписаний. Очевидно, требуется, чтобы в каждой отрасли производства существовало несколько ассоциаций, независимых друг от друга, и

чтобы эти ассоциации образовывались повсюду беспрепятственно на основе добровольного соглашения между рабочими. Только при этом условии последние могут группироваться сообразно своим взглядам, вкусам и склонностям. Они будут зависеть от других только в той мере, в какой сами этого захотят, избегнут ненависти и раздоров и будут выполнять свое дело так, как они его понимают. Но то, что справедливо по отношению к свободе, справедливо и по отношению к прогрессу. Конкуренция между ассоциациями может существовать только при условии их множественности и независимости.

Конкуренция же есть один из самых главных двигателей прогресса. Ассоциация—в том виде, как мы ее понимаем, где вознаграждение пропорционально труду, без сомнения есть лучшее средство возбуждать внутреннее соревнование, доводить до высшей точки искусство и рвение рабочих, объединенных в одной мастерской. Но это соревнование само по себе не приводит к промышленному усовершенствованию, не создает новых идей, не влечет к распространению новых методов производства. Для того, чтобы отказаться от приемов, к которым люди издавна привыкли, необходима конкуренция. При цеховом строе хотя и слабая, но все же существовала конкуренция между мастерами одной и той же профессии, которая благоприятствовала усовершенствованию деталей. При единой же ассоциации всякая идея имела бы против себя сплоченную корпорацию, а ничто не сопротивляется так упорно, как сформировавшийся коллектив (*un corps constitué*). Отвергнутая единой ассоциацией, новая мысль не найдет никакого иного убежища, как при цеховом строе. Наоборот, существование нескольких ассо-

циаций, возбуждая соревнование, обеспечивает прогрессу то место, которое ему должно принадлежать. Изобретатель, потерпев неудачу в одной ассоциации, обратится к другой, и если даже все отвергнут его, для него всегда остается возможность образовать самому ассоциацию для использования данного изобретения вместе со своими сторонниками.

Чувство индивидуальной свободы, — говорил Отт, — слишком развито в настоящее время; различия во взглядах слишком глубоки, чтобы единая ассоциация могла образоваться между всеми рабочими одной и той же профессии.

Мы считаем, — заявлял Отт, — что ассоциации должны образовываться совершенно свободно и при том числе членов, какое им кажется подходящим. Никакой способ организации не должен быть им предписан, как обязательный. Желательно, чтобы они образовывались сообразно своим собственным видам. Но если они хотят, чтобы кооперация не была простым воспроизведением патронажа в новой лишь оболочке, то необходимо соблюдать некоторые условия, которые они сами должны себе поставить. Главнейшие из них следующие: 1) Все члены ассоциации — как те, которые содействовали основанию ее, так и вступившие после должны пользоваться одинаковыми правами. 2) Ассоциация не должна применять наемного труда, кроме особых или исключительных случаев. 3) Она должна принимать в свою среду всех работников, которые представляют необходимые условия добропорядочности и способности к своему делу, всякий раз, когда расширение дела позволяет это. 4) Не следует требовать от нового члена никаких других взносов кроме тех, которые он может собрать из своей за-

рабочней платы-прибылей, получаемых в течение первых лет своего пребывания в ассоциации. 5) Все должности выборные, сменяемые и подлежащие контролю. Администрация должна находиться под наблюдением общего собрания членов.

Поддержание общей связи между ассоциациями одного и того же вида возлагается Оттом на советы *prud'hommes*: все рабочие одной профессии, находящиеся в определенной местности, выбирают советы, которые имеют двойственный характер. С одной стороны они образуют постоянную делегацию каждой профессии, облеченную полномочием наблюдать за сохранением общих интересов, устанавливать товарищеские отношения между представленными в них ассоциациями и поддерживать моральную дисциплину. Функции их в этом отношении подобны тем, какие выполняются дисциплинарными советами юристов и палатами нотариусов. С другой стороны, они представляют трибунал, обладающий правом разбирать самостоятельно или вместе с обыкновенными судами жалобы и столкновения, происходящие на почве отправления профессии, и проступки и преступления, совершающиеся при ведении торговли и промышленности.

Эти советы составляют единственное учреждение, которое должно централизовать ассоциации, по крайней мере легально. Ибо никто не мешает местным или профессиональным советам устанавливать соглашения между собою, основывать кассы взаимного кредита и т. д. Естественная централизация промышленности должна находить себе выражение в центральном кредитном учреждении. Всякая другая была бы не только бесполезна, но и заключала бы опасность развивать сепаратизм в

общественной жизни, давать новую пищу для расхода классовых интересов, каковое должно на оборот с течением времени сглаживаться для того, чтобы между членами единого и суверенного общества существовало бы только индивидуальное разделение труда ¹⁾).

¹⁾ Traité d'économie sociale ou l'économie politique coordonnée au point de vue du progrès (1851).

Христианские социалисты.

В результате толчка, данного с одной стороны Р. Оуэном, а с другой—идеями Бюше и Луи-Блана, в кругах английской интеллигенции, интересовавшейся социальным вопросом, образовалось своеобразное течение, известное под именем христианского социализма.

Христианские социалисты начали свою деятельность в 1848 г., когда англичанами Морицом и Ледлоу стала издаваться еженедельная газета «Politics of the People» (Народная политика). Газета, впрочем, не имела успеха среди рабочих и скоро прекратила свое существование по недостатку денежных средств. В 1850 г. стала выходить газета «Christian Socialist», но и она должна была закрыться в следующем же году. Кроме того ими была издана масса популярных брошюр и беллетристических произведений, пропагандирующих идеи нового направления.

Христианские социалисты отказывались признать существующий социально-экономический порядок естественным и нормальным, как учили последователи Адама Смита, Мальтуса и Рикардо, и отвергали частную собственность, говоря, что последняя есть дар божий, предназначенный для служения общему благу. При всем том, однако, они не

сочувствовали ни насильственным переворотам, ни даже стремлениям чартистов законодательным путем провести настоятельнейшие социальные реформы. Все свои надежды они возлагали на добрую волю людей.

Современный строй промышленности, основанный на стремлении к наживе и на подчинении рабочих власти капитала, рассматривался ими, как учреждение анти-христианское. Чтобы преобразовать его на новых началах, нужно поставить в основу экономики принцип ассоциации, совместной деятельности для общего блага. Однако неудача опытов с устройством кооперативных коммун или промышленно-земледельческих колоний, которые были произведены Р. Оуэном и его последователями; отбила у них охоту продолжать работу в этом направлении. Стремясь к той же цели освобождения труда от ига зависимости, они хотели отыскать средства и пути к ее достижению, которые бы оказались более практическими и более доступными для рабочих масс.

Ледлоу имел связи с Францией и был хорошо знаком с тогдашним социальным движением. Во время своего пребывания в Париже в 1848 г. он был свидетелем организации целого ряда так назыв. общественных мастерских или производительных рабочих товариществ — в духе принципов Ф. Бюше и Луи-Блана. Эти мастерские произвели на него сильное впечатление, как верное и практическое средство к разрешению социального вопроса и осуществлению великих принципов ассоциации, и по возвращении домой он стал горячо убеждать своих единомышленников примкнуть к этому движению. Осенью 1849 г. в Лондоне действительно

возникло «Общество содействия рабочим ассоциациям» при участии Ледлоу, Мориса, Кингсли, Нила, Юза, французского эмигранта Ле-Шевалье и др. «Мы старались распространить ту идею, писал один из главных руководителей о-ва В. Нил, что рабочее — братья, а труд — деятельность братства людей, соединившихся для общей пользы, а потому отвергающих мысль о соперничестве друг с другом, как несовместимую с истиной форму общества, и старающихся, не проповедуя формального коммунизма, образовать промышленные предприятия коммунистического характера, где прибыль, остающаяся по выплате обычной заработной платы и процентов на капитал, шла бы на общую пользу группы, труд которой создал ее».

Идею производительной кооперации, вывезенную из Франции, члены общества стали с энтузиазмом распространять.

Так же, как и во Франции, главной областью для применения идеи производительной кооперации служила мелкая ремесленная промышленность — так, из двенадцати основанных в 1850 г. христианскими социалистами в Лондоне товариществ три приходится на долю товариществ портных, три — сапожников, два — строительных рабочих, остальные — типографов, кузнецов и пекарей.

Почти все деньги на устройство означенных мастерских были ссужены из 4% христианскими социалистами, главным образом — Нилом. Согласно уставу, членами товарищества могли быть только рабочие, которые делали ежегодно взносы в общий фонд, предназначенный на общие нужды, пользовались всей чистой прибылью и сами заведывали мастерской, выбирая распорядителя работ. Однако

«Общество содействия рабочим ассоциациям» сохранило за собой право не утверждать избранного распорядителя и инструкции, определяющей круг его деятельности — до тех пор, пока товарищество не выплатит взятого у него займообразно капитала.

Первоначально Общество содействия не вмешивалось во внутренние дела товариществ, основанных при его финансовой поддержке, но скоро в них начались раздоры и взаимное соперничество. В виду этого был учрежден особый центральный Комитет (из управляющего и представителей от товариществ, по одному от каждого), который должен был вместе с советом учредителей регулировать их отношения друг к другу; более упорные товарищества были лишены права самоуправления и заведывание ими было передано распорядителям, назначенным учредителями. Однако, и это не помогло и через три-четыре года все основанные при поддержке христианских социалистов в Лондоне и кое-где на юге ассоциации распались или выродились в предприятия мелких хозяев, проникнутых не мыслью о разрешении социального вопроса, а лишь жаждой наживы. Правда, по выражению Ледлоу это была неудача коммерческая, а не моральная, но все же деятельность руководителей Общества прекращается более, чем на десять лет.

С середины шестидесятых годов они вновь появляются на общественной сцене, при чем вместо самоуправляющихся мастерских, оказавшихся столь неудачными, теперь уже выдвигается идея примирения интересов труда и капитала в крупных предприятиях посредством привлечения рабочих к участию в прибылях. В 1866 г. фирма Бригс ввела в своих каменноугольных копях систему участия ра-

бочих в прибылях и затем в течение трех лет еще одиннадцать крупных фирм последовало ее примеру. Вместе с тем снова началась пропаганда в пользу основания производительных товариществ среди рабочих, при чем на этот раз была сделана попытка использовать профессиональные союзы и кооперативные организации.

Так возникли Оузбернский машиностроительный завод, Шотландский железоделательный завод, инструментальные мастерские в Ольдгэме, Анели и Шефилде. Затем два профессиональных союза углекопов соблазнились перспективой основать собственные каменноугольные товарищества; этот шаг нашел подражателей и в разных местах стали возникать углепромышленные компании, которые находили поддержку со стороны как отдельных потребительных обществ, так и союза. Но и эти попытки окончились крахом, при чем как трэд-юнионы, так и кооперативы понесли крупные убытки, надолго отбившие у них охоту к подобным экспериментам. Потери трэд-юнионов доходили до 60.000 ф. ст., молодое шотландское об-во оптовых закупок понесло убытков 10.000 ф. ст. и чуть было не погибло, приостановивши свой рост на целых десять лет, английское же общество оптовых закупок отделаюсь более дешево.

Столь же неудачной оказалась попытка с устройством самостоятельного кооперативного банка. Руководители Английского общества для оптовых закупок, хорошо понимая, как сильно банковские операции укрепят положение как его самого, так и примыкающих к нему потребительных обществ, проектировали устройство особого банковского департамента при обществе. Но христианские социалисты,

верные своей идее, настаивали на открытии самостоятельного кооперативного банка, не связанного с оптовым союзом. Такой банк действительно возникает в Нью-Кестле в начале семидесятых годов, но в 1876 г. он уже потерпел окончательный крах. После этого банковские операции перешли уже в руки Английского общества оптовых закупок, открывшего для этой цели особый отдел, и здесь они получили уже успешное развитие. Вместе с тем неудача самостоятельных производительных товариществ расчистила путь потребительным обществам и их союзам к организации собственного производства, которое с тех пор стало усиленно развиваться там, опираясь на готовый рынок, в лице сотен тысяч потребителей-кооператоров.

Успехи потребительской кооперации не удовлетворяли, однако, христианских социалистов и в 1884 г. была созвана в Дерби конференция, на которой постановлено было обратиться к общественному мнению и к рабочим с указанием важности движения, делающего рабочего участником как в прибыли, так и в управлении предприятием, и образовывать для этой цели особый комитет. Так возникла «Рабочая ассоциация для распространения кооперативного производства на началах коопартнершипа», главным руководителем которого по прежнему состоял Нил.

Целью этой ассоциации было привести обратно кооператоров в той идее, с которой началось их движение. Программа Рочдэльских пионеров ставила себе конечной целью образование колоний, в которых рабочие, пользуясь плодами собственной работы, могли бы с помощью разумно организованных учреждений доставить себе и своим близким

все блага духовного, нравственного и общественного развития. Но прежде, чем достигнуть этой цели, потребительным кооперативам нужно пройти длинный путь; Нил, Холиок, Гриннинг и др. считали, что они могут пройти его гораздо скорее при помощи рекомендуемых ими средств. План деятельности, который наметила себе рабочая ассоциация, заключается в следующем: 1) влиять на общественное мнение в деле объединения работы путем издания и распространения литературы, устройства лекций и докладов; 2) помогать рабочим в организации найма; 3) стараться заинтересовать торговые общества в кооперативном движении; 4) объединять деятельность трэд-юнионов и кооперативов для взаимной выгоды и преуспевания и 5) публиковать сведения о результатах деятельности кооперативных мастерских и о положении рабочих.

Считаясь с опытом прошлого, показавшего, что пожертвование или даже предоставление в займы всего необходимого капитала есть вернейшее средство погубить кооперативное движение, рабочая ассоциация теперь уже не вступала ни в какие предприятия и не снабжала их деньгами. Вместе с тем и мысль о самоуправляющейся, независимой мастерской, об индивидуализированной группе, владеющей средствами производства и считающейся только с собой, была так же решительно оставлена, как и прежняя идея Оуэновских колоний. Раньше шла борьба между двумя крайностями, а именно между требованием, чтобы вся прибыль предприятия доставалась капиталу, и новым взглядом, по которому право на эту прибыль имеет только труд. Теперь намечен был компромисс, чтобы труд, капитал и потребители — все были заинтересованы в доходах и

имели права на участие в них. Так, напр., Нил первоначально настаивал на том, чтобы за исключением известного % на капитал вся прибыль шла в пользу труда, но затем он стал доказывать важность участия в прибылях и покупателя. С 1894 г. рабочая ассоциация издает небольшой ежемесячный журнал *Co-partnership*, а в начале 20-го столетия переименовалась в «Ассоциацию трудового коопартнершипа», поставившую себе целью пропагандировать участие в прибыли в капиталистических предприятиях и устраивать выставки изделий производительных товариществ. В 1910 г. ассоциация начала агитацию за введение коопартнершипа законодательным путем, а несколько лет спустя был внесен в парламент соответственный проект. Непосредственных результатов это обращение не имело, но по предложению некоторых членов парламента правительство произвело анкету о коопартнершипе в промышленности.

Насколько можно судить по ее воззваниям к рабочим организациям, ассоциация трудового коопартнершипа до сих пор еще продолжает призывать их вкладывать свои средства в производительные товарищества или капиталистические предприятия, применяющие участие в прибылях.

В общем, как показывает недавнее исследование Фабианского Общества, подобного рода предприятия не отличаются большой устойчивостью: с середины 19 века их было зарегистрировано несколько тысяч, но уцелела только небольшая часть. Среди них можно наметить пять различных течений¹⁾.

¹⁾ The New Statesman. Vol II, № 45 (1914).

Первое ведет свое начало от христианских социалистов; это — так назыв. «самоуправляющиеся мастерские». Их возникло множество, но в подавляющем большинстве случаев они или обнаруживают неспособность к дисциплине и отсутствие элементарной деловитости или превращаются в компанию мелких хозяйчиков. Все эти кооперативы, за исключением немногих, неизменно погибали или уклонялись от данного типа.

Ко второму течению относятся товарищества, создававшиеся профессиональными рабочими союзами; здесь было три волны: в 1851 г., в 1871—75 гг. и, наконец, в 1899—90 гг. Капиталы, нужные для их организации, давались обычно союзами, правления избирались на собраниях пайщиков, нередко исключительно из рабочих. Все эти попытки закончились неудачей, часто сопровождаясь полной потерей вложенных в дело профессиональными союзами капиталов. Причины — отсутствие дисциплины и деловитости.

Третье течение нашло себе благоприятную почву главным образом в Ланкаширской текстильной промышленности, где в 1850 г. возникает ряд акционерных компаний с малыми акциями (обычно 1 ф. ст.), охотно разбираемыми рабочим людом. Эти предприятия стали лишь средством для помещения сбережений, и кооперативности в них в сущности почти вовсе нет.

Четвертое течение исходит от потребительской кооперации, поскольку производительные товарищества, существующие при их содействии, сохраняют свою самостоятельность. Но в общем независимость эта невелика. Обычно пайщики, ставшие рабочими в предприятии, тем самым лишаются права

быть избранными в правление. Не везде, правда, применяется это правило, но во всех 12 предприятиях, которые можно отнести к этой группе, из 124 членов правлений лишь 13 принадлежат к составу рабочих данных учреждений.

Наконец, пятое течение исходит от «Ассоциации трудового коопартнершипа» и охватывает предприятия, практикующие в той или иной форме участие рабочих в прибылях и в управлении.

При последнем пересмотре устава Английского Общества оптовых закупок в 1898 г. было сделано предложение, чтобы каждое производительное отделение его (напр., мельница, сапожная фабрика и т. д.) регистрировалось, как самостоятельное общество, а занятые в нем рабочие получили право самоуправления и участия в прибылях, но и этот замаскированный отзвук старой доктрины не встретил сочувствия.

В 1915 г. «бонус труду», от которого давно уже отказалось Английское Общество оптовых закупок, был отменен также в Шотландском обществе, бывшем до сих пор одним из главных центров движения в пользу привлечения рабочих к участию в прибылях. Наряду с пропагандой коопартнершипа христианские социалисты за последнее время поддерживают также сельско-хозяйственную кооперацию, выступая защитниками мелкого крестьянского земледелия против лэнд-лордов, в духе системы Генри Джорджа¹⁾.

¹⁾ Вебб, Кооперативное движение в Англии (1905 г.). Л. Брентано, Христианско-социальное движение в Англии (1906 г.). Г. Д. Ллойд, Коопартнершип (1909 г.). Вебб, Мирный переворот в экономической жизни (1910 г.). Ш. Жид, История экономических учений (1914 г.). В. Тотомианц, Участие в прибыли и коопартнершип (1915 г.).

Фердинанд Лассаль.

В Германии идея производительной кооперации, занесенная из Франции, нашла себе уже в пятидесятых годах горячих защитников в лице Губера и Шульце-Делича; но популярностью в широких рабочих кругах она обязана главным образом Фердинанду Лассалю. Начиная свою кампанию в пользу образования независимой рабочей партии, он столкнулся с тем экономическим движением среди ремесленников и рабочих, которое находилось под руководством Шульце-Делича. В своем «Гласном Ответе» Центральному комитету, учрежденному для созыва общегерманского рабочего конгресса в Лейпциге, Лассаль отмечает «с теплым чувством признательности» заслуги Шульце, который единственно личными силами и неутомимой деятельностью сделался отцом и основателем германских ассоциаций. Но тем не менее на вопрос: могут ли основываемые им ссудо-сберегательные, сырьевые и потребительные общества улучшить положение рабочего класса, нужно решительнейшим образом — заявил Лассаль, — ответить: нет. Исходя из так назыв. железного закона заработной платы, по которому средний размер последней всегда сводится к безусловно необходимому содержанию, требуемому привычками народа для поддержа-

ния жизни и размножения, Лассаль доказывал, что эти ассоциации не могут помочь рабочим как классу, а только отдельным членам, да и этим последним только до тех пор, пока не вздумает вступить в ассоциации большинство. «Если германское рабочее сословие вздумает заняться подобным толчением воды, то придется еще долго ждать действительного улучшения его положения». Но значит ли это, что вообще принцип свободной ассоциации рабочих несостоятелен и они не могут улучшить положения рабочего сословия? Нет, — отвечал Лассаль, — могут, но лишь по обращении и распространении их на фабричную крупную промышленность. «Сделать рабочее сословие своим собственным предпринимателем — вот единственное средство устранить железный и жестокий закон, определяющий заработную плату. Если бы рабочее сословие сделалось своим собственным предпринимателем, тогда уничтожилось бы различие между заработной платой и барышем предпринимателя, и вознаграждением труда стал бы продукт труда».

Но, рекомендуя рабочим образование производительных товариществ, которые до него выдвигались Шульце-Деличем, Губером и Пфейффером, Лассаль вместе с тем подчеркивает, что эти товарищества могут сыграть приписываемую им роль при непременно условии поддержки со стороны государства. Правда, эта мысль была уже высказана раньше Луи-Бланом, но под пером Лассаля она получает и новое обоснование, и дальнейшее логическое развитие.

«Взгляните на железные дороги, на машиностроительные заводы, на корабельные верфи, хлоп-

чатобумажные фабрики и пр., подумайте о миллионах, которых все это требует, вспомните о пустоте своих карманов и спросите себя, где вы возьмете когда-либо огромные капиталы, нужные для этих предприятий, и, следовательно, можно ли будет когда-нибудь вам приняться за крупную промышленность на свой счет? Разумеется, нет ничего несомненнее и достовернее, как то, что вам это будет всегда невозможно, пока вы исключительно предоставлены своим изолированным индивидуальным силам. Но вот поэтому-то государство и обязано доставить рабочим эту возможность, взявши на себя поощрение развития свободных рабочих ассоциаций. Не давайте сбивать себя с толку криками, будто такое вмешательство государства уничтожает общественную самопомощь. Неправда, будто, содержа для молодежи учителей, школы и библиотеки, государство мешает ей этим образовывать себя собственными силами... Правда, случается, что человек образовывает себя без помощи учителей, школ и библиотек. Но эти исключения не опровергают, а подтверждают правило. И если в Англии при исключительных условиях несколько рабочих кружков несколько улучшили свое положение в некоторых мелких отраслях крупной промышленности посредством ассоциации, созданной их собственными усилиями, то все же неопровержимым остается положение, что только помощь государства может произвести действительное улучшение в положении всего рабочего сословия».

Останавливаясь на судьбе кооперативной ткацкой фабрики, основанной при содействии Рочдальского потребительного общества в 1858 г., Лассаль и здесь находит подтверждение своему мнению. Со-

гласно ее уставу, работникам, занятым на фабрике, полагалось сверх обычной заработной платы по равной доле дивиденда из прибылей; однако через некоторое время рабочие - акционеры подняли агитацию против участия в прибылях тех рабочих, которые не состоят пайщиками (и скоро добились этого), ссылаясь на то, что во всем промышленном мире расчет с трудом считается поконченным с выдачей ему заработной платы, а размер последней, в свою очередь, определяется законом спроса и предложения. Отсюда Лассаль выводит заключение, что великие вопросы могут решаться только в великих размерах и никогда в малых. Пока вся вообще заработная плата определяется вышеупомянутым железным законом, до тех пор и мелкие ассоциации не могут избежать его влияния. Но тогда какая же особая польза будет рабочему работать не на предпринимателя-буржуа, а на предпринимателя-работника? Никакой! Вся разница в том, что предприниматели, которым достанется продукт труда, раздробятся, но ни труд, ни рабочее сословие не освободятся. Личности предпринимателей переменились, но сущность осталась та же; как прежде, так и теперь единственный источник всякого продукта — труд — остается на так назыв. заработной плате, т. е. на куске хлеба, без которого уже нельзя жить. И до того доходит извращение понятий при господстве этого закона, что даже незанятые на фабрике рабочие - акционеры не понимают, что обязаны своими дивидендами труду занятых рабочих, и не хотят уступить им даже скромной доли продукта их собственного труда. Рабочие со средствами пролетариев и с алчностью предпринимателей — вот

какую отвратительную картину представляют собою члены этих ассоциаций!

Далее, чтобы получить капитал, необходимый для основания указанной фабрики, дающей работу 500 человек., надо было собрать 1.600 акционеров из среды рабочих, так как они располагают только очень скромными средствами. Наблюдающееся здесь отношение акционеров к занятым у них рабочим, как 3 : 1, нужно считать более чем благоприятным, ибо человеческий труд все более заменяется машиной и следовательно все более возрастает отношение затрачиваемого в предприятии мертвого капитала к количеству живого человеческого труда. «Но если вздумать распространить ассоциацию на все рабочее сословие, — а ведь речь идет о нем, а не об отдельных лицах, желающих вылезти в люди, — если с течением времени хотят основать столько фабрик, чтобы все рабочее сословие было на них занято, то откуда же возьмется тройной, четверной и т. д. комплект всего рабочего сословия, необходимый — сверх занятых рабочих — в качестве акционеров, чтобы основать эти фабрики».

Отсюда ясно, что освободить рабочее сословие этим путем есть просто математическая невозможность.

Но как же склонить государство к вмешательству? Для этого есть только одно средство — завоевание всеобщего избирательного права путем образования самостоятельной и мощной рабочей партии.

Отвечая позже на возражение Шульце-Делича о невозможности достать тысячи миллионов для того, чтобы взять в свои руки крупное промышленное производство, Лассаль указывал, что даже сумма в

100 миллионов талеров слишком велика на первое время. Эту же сумму государство легко может ссудить производительным товариществам рабочих посредством выпуска кредитных билетов государственным банком. На эту сумму можно организовать такое количество ассоциаций, что в них будет занято около 400.000 рабочих, а считая с семьями — до 2 миллионов человек; кроме того на проценты с капитала (считая по 5%) можно будет устраивать подобным же образом до двадцати тысяч новых рабочих ежегодно. Рабочие ассоциации должны быть, конечно, добровольными и свободными в своей внутренней жизни. Эти товарищества должны находиться между собою в самой тесной связи — как в целях получения кредита, так и для организации взаимного страхования от убытков.

Что касается сельских рабочих, то Лассаль высказывает уверенность в применимости принципа ассоциации и к области сельского хозяйства — тем более, что именно здесь «больше, чем где-либо, крупное производство, производство в обширных размерах, есть источник национального богатства и умножения валового продукта земли, кроме разве тех исключительных местностей, где преобладает садовая обработка земли». Но начинать он рекомендует исключительно с промышленных рабочих, ибо сельский работник, хотя бы имел только одну корову и обрабатывал свою папину заступом и лопатой, все же воображает себя собственником: он еще не расположен к ассоциации, а это расположение нельзя вызвать насильственно — его можно создать только наглядным опытом.

Вместе с изменением оплаты простого труда в промышленности изменится также — вследствие су-

ществования органического взаимодействия в человеческом обществе—и расценка умственного труда всякого рода.

Таким образом, ассоциация может изменить «положение всех: и земледельческого населения, и промышленных рабочих, и сельских, и фабричных, и ремесленных, и тех, которые занимаются умственным трудом всякого рода, стало быть и мелкой буржуазии против крупной. Но армия, выступая в поход, поднимается не вся сразу, а прежде всего выступает авангард; по тысяче же причин авангардом человечества должны быть промышленные рабочие».

Лассаль рассматривал свой проект не как средство разрешения всего социального вопроса: последний может быть разрешен окончательно только трудом поколений, в результате целого ряда учреждений и мер, из которых каждая последующая должна органически развиваться из предыдущей. Но мера, предлагаемая им, должна положить начало движению к этой цели.

Пропаганда Лассалья оказала огромное влияние на первые шаги германского рабочего движения, и возникший в 1863 г. «Всеобщий германский рабочий союз» в основу своей программы положил именно требование всеобщего избирательного права и производительных ассоциаций, которого он придерживался затем до конца своего существования.

При слиянии на конгрессе в Готе (1875 г.) «Всеобщего рабочего союза» с Эйзенахцами, т. е. партией марксистов, в общую программу их также был включен пункт, в котором говорится, что «для того, чтобы проложить путь к решению социального вопроса, германская рабочая партия требует созда-

ния производительных ассоциаций с государственной помощью при условии демократического контроля трудящегося народа. Следует создать производительные ассоциации в промышленности и земледелии в таких размерах, чтобы из них развилась социалистическая организация общественного труда»¹⁾.

¹⁾ Сочинения Ф. Лассалля, т. I (1870 г.). Фр. Меринг, История германской социал-демократии, вып. IV, V и VII.

Карл Маркс.

Мирозозерцание Маркса складывалось в период, охватывающий конец тридцатых и сороковые годы, когда широковещательные планы Оуэна и Фурье, мечтавших в несколько лет обновить жизнь человечества посредством своих замкнутых и самодовлеющих коммун и фаланстеров, потерпели очевидное крушение при соприкосновении с горькой действительностью. Поэтому в Коммунистическом манифесте Маркс очень резко отзывается, как о «реакционной секте», об их последователях, которые «неизменно держатся образа мыслей своих учителей, игнорируя весь дальнейший ход развития пролетариата. «До сих пор еще пытаются они осуществить свои утопии путем учреждения отдельных фаланстеров, заведения коммунистических колоний, маленьких Икарый — этого карманного издания нового Иерусалима».

Однако, неудача фаланстеров вовсе не означала еще несостоятельности самого принципа кооперации: на место утопических форм ее стали уже в тридцатых и сороковых годах возникать новые, более реалистические образования, которым впоследствии удалось завоевать прочное положение в жизни — как, напр., потребительные общества, кредитные кооперативы, товарищества по совместному сбыту, закупке или переработке и, наконец, производительные артели. Из всех них внимание

Маркса остановилось именно на последних, и о них он неоднократно высказывал свое мнение.

Впервые Маркс выясняет свое отношение к ним в том же самом Коммунистическом манифесте, где в конце второй главы он допускает, что со временем, когда уничтожатся различия классов, все производство может сосредоточиться в руках ассоциаций, под которыми он разумел очевидно рабочие товарищества, выдвинутые незадолго перед тем Луи-Бланом. Таким образом, эта форма ассоциации находит себе уже иную, более положительную оценку, чем фаланстеры и коммуны в духе Оуэна и Фурье; но все же при этом она относится на довольно отдаленное будущее и в перечне мер, составляющих программу-минимум рабочего движения, они не упоминаются совсем. В брошюре «Восемнадцатое брюмера Луи-Бонапарта», написанной в 1852 г., мы точно так же встречаемся с весьма сдержанным или даже отрицательным отношением к движению в пользу организации рабочих ассоциаций, возникшему во время революции 1848 г.

После июньского восстания, окончившегося поражением, часть пролетариата «набрасывается на доктринерские эксперименты, заводит меновые банки и рабочие ассоциации, т. е. входит в движение, в котором пролетариат отказывается от мысли преобразовать старый мир, пользуясь его собственными великими общественными силами, но старается осуществить свое освобождение за спиной общества, путем частных мероприятий, в рамках данных ограниченных условий своего существования и конечно неизбежно терпит крушение»¹⁾.

¹⁾ 18 Брюмера Луи-Бонапарта (1905 г.), стр. 12.

Это отрицательное отношение к социальным экспериментам, в которых пробуждающееся рабочее движение пробовало свои силы, объясняется — надо думать — тем, что 1852 г., когда появилась указанная брошюра, был еще очень тесно связан с описываемым периодом, и Маркс хотел подчеркнуть свое сочувствие прежде всего революционным тенденциям и выступлениям рабочего класса. По существу же дела участие последнего в производительных ассоциациях отнюдь не может быть рассматриваемо, как «отказ от мысли преобразовать старый мир»; напротив, в нем можно даже видеть очень важную экономическую, т. е. не словесную, а реальную подготовку к этому преобразованию.

Говоря здесь о «кооперативном движении, именно о кооперативных фабриках, этом производстве немногих смелых рук», он признает, что оно представляет еще большую победу политической экономии труда над политической экономией капитала, нежели завоевание 10-часового рабочего дня. «Ценность этих великих социальных экспериментов не может быть преувеличена. Они доказывают делом, а не аргументами, что производство может идти в крупном размере и в согласии с завоеваниями современной науки без особого класса предпринимателей, употребляющего класс рабочих рук, что для того, чтобы приносить плоды, орудия труда не нуждаются в монополизации их как орудий господства над самими рабочими или их эксплуатации, и что наемный труд, подобно рабству и крепостничеству, есть только преходящая и подчиненная социальная форма, предназначенная уступить место ассоциированному труду, который выполняет свое дело усердными руками, с бодрым духом и веселым

сердцем. В Англии семена кооперативной системы были посеяны Робертом Оуэном; предпринятые же на континенте рабочие эксперименты были в действительности не чем иным, как ближайшим практическим результатом теорий, которые в 1848 г. были если не открыты, то во всяком случае громко провозглашены. К этому же времени опыт периода с 1848 по 1864 г. выяснил с несомненностью истину, которую наиболее интеллигентные вожди рабочего класса по отношению к кооперативному движению установили еще в 1851 и 1852 г.г., что как ни превосходит в принципе и ни полезен на практике кооперативный труд, но он не в состоянии, если ограничивается случайными попытками отдельных рабочих, задержать происходящее в геометрической прогрессии возрастание монополий, освободить массы или хотя бы облегчить сколько-нибудь заметным образом тяжесть их нищеты. Это именно пожалуй и служит причиной, почему лорды, буржуазно-филантропические болтуны и несколько трезвых политико-экономов заигрывают теперь с той самой кооперацией, которую раньше они пытались задуть в зародыше, над которой издевались, как над утопией мечтателя, и которую проклинали, как ересь социалистов. Для того, чтобы освободить рабочие массы, кооперативная система нуждается в развитии до национальных размеров и в оказании поддержки из национальных средств»¹⁾.

Как видно отсюда, Маркс оценивает теперь очень высоко — выше, чем завоевание 10-часового рабочего дня, — попытки «немногих смелых рук» к основанию производительных товариществ в Англии.

1) „Der Vorbote“, 1866, №№ 1—3.

Знаменательной также является резолюция Женевского конгресса Международного общества рабочих (1866 г.), редактированная рукою Маркса. Отказываясь навязывать рабочему движению какие бы то ни было доктринерские системы и не высказываясь поэтому наперед за ту или иную систему кооперативных товариществ, Конгресс ограничился только установлением некоторых основных принципов: «а) Мы признаем кооперативное движение одной из движущих сил к коренному изменению существующего устройства общества, основанного на классовых противоречиях. Его крупная заслуга заключается в том, что оно наглядно показывает, что современный общественный строй, порождающий нищету рабочих масс и деспотическую власть капитала над трудом, может быть заменен системой кооперации свободных и равных представителей труда. б) Но кооперативное движение, питаемое силами отдельных наемных рабочих, неизбежно ограничено ничтожными формами развития и никогда не будет в состоянии преобразовать современное капиталистическое общество. Для превращения общественного производства в великую гармоническую систему свободного товарищеского труда необходимы коренные изменения в условиях социальной жизни. Но эти изменения не могут быть осуществлены без перехода организованных сил общества, т. е. государственной власти из рук капиталистов и землевладельцев в руки рабочего класса. в) Мы рекомендуем поэтому рабочим примыкать скорее к производительным, чем к потребительным товариществам. Последние лишь поверхностно затрагивают современный экономический строй, между тем как первые подкапываются под самые его

основы. г) Мы рекомендуем всем кооперативным товариществам уделять часть своих валовых доходов на образование специального фонда, посвященного пропаганде их основных принципов, путем ли фактического их применения или путем печати. Другими словами, мы рекомендуем им всеми средствами способствовать открытию новых фабрик для кооперативного производства и деятельно агитировать в этом направлении. д) Для того, чтобы кооперативные товарищества не выродились в обыкновенные буржуазные акционерные общества, необходимо, чтобы все занятые в них рабочие — безразлично, состоят ли они сочленами или нет — получали одинаковые доли прибыли. В качестве временной неизбежной меры мы готовы допустить, чтобы акционеры получали на свои вклады небольшой процент»¹⁾.

Из этих заявлений вытекает, что рабочие производительные товарищества должны входить составною частью не только в программу-максимум рабочего движения, как это было выражено в Коммунистическом манифесте, но и в программу-минимум. Действительно на Лозаннском конгрессе Интернационала в 1867 г. Эккартус'ом, одним из друзей Маркса, было внесено предложение (которое и было принято), чтобы члены конгресса употребляли все свое влияние на профессиональные союзы к тому, чтобы склонить последних к внесению принадлежащих им фондов на поддержку существующих производительных товариществ или на учреждение новых.

¹⁾ Г. Цекк, Интернационал (1906 г.), стр. 40. К. Каутский, Потребительные общества и рабочее движение (1906 г.), стр. 23.

Резкие выпады были сделаны Марксом против Готской программы немецкой рабочей партии, которая содержала в себе требование учреждения производительных товариществ при содействии государства и под демократическим контролем трудящегося народа. Здесь Марксом подчеркивается, что устройство кооперативных товариществ при помощи государства решительно ничего общего не имеет с подготовкой переворота в современных условиях производства. «Вполне достойно Лассалья вообразить себе, что при государственной субсидии так же легко построить новое общество, как новую железную дорогу! ... Что же касается современных кооперативных т-в, то они чего-нибудь стоят лишь в том случае, если создаются совершенно независимо самими рабочими без всякой протекции как правительства, так и буржуазии» ¹⁾).

В третьем томе «Капитала» раз'ясняется, что при посредстве кредита производительные товарищества могут постепенно расширяться до национальных размеров. «Кооперативные фабрики самих рабочих внутри старых форм—говорится здесь ²⁾—представляют первую брешь в этих формах, хотя они, конечно, всюду в своей действительной организации воспроизводят и должны воспроизводить все недостатки существующей системы. Но антагонизм труда и капитала в них устранен, хотя в начале лишь в той форме, что рабочие, как ассоциация, представляются своим собственным капиталистом, т. е. употребляют средства производства для увеличения стоимости своего собственного труда. Они показывают, как на

1) Критика Готской программы (1919 г.), стр. 28—29.

2) III том (1896 г.), стр. 259.

известной ступени развития материальных производительных сил и соответственных им форм общественного производства из одного способа производства развивается и вырабатывается новый способ. Без возникшей из капиталистического способа производства фабричной системы и без возникшего из этого же способа производства кредитной системы кооперативная фабрика не могла бы развиваться. Кредитная система, образуя главную основу для постепенного превращения капиталистических частных предприятий в капиталистические акционерные общества, образует точно также средство для постепенного расширения кооперативных предприятий до более или менее национальных размеров. На капиталистические акционерные предприятия, точно так же как и на кооперативные фабрики, надо смотреть, как на переходные формы от капиталистического способа производства к способу производства, основанному на ассоциациях: только в первом случае противоречие устраняется отрицательно, а во втором — положительно!».

Несмотря на все эти заявления о важной роли производительных товариществ в деле преобразования капиталистического строя, среди учеников и последователей Маркса скоро стало обнаруживаться более чем скептическое отношение к ним. В новой программе немецкой рабочей партии, принятой на Эрфуртском съезде в 1891 г. и заменившей собою Готскую программу, о кооперации уже не говорится ни слова. В резолюции же Берлинского партийтага (1893 г.) рекомендуется устраивать производительные товарищества лишь там, где они имеют целью поддержать существование товарищей, потерявших средства к существованию в по-

литической или экономической борьбе, или где они должны облегчить агитацию и освободить ее от всяких внешних влияний противников. При этом партия должна содействовать основанию товариществ лишь тогда, когда имеется в распоряжении достаточно средств и существует гарантия умелого ведения дела и руководства им. В остальных же случаях членам рекомендуется противодействовать основанию товариществ и в особенности бороться против взгляда, будто они могут влиять на капиталистические отношения производства, улучшить положение рабочего класса и устранить или хотя бы смягчить политическую и экономическую борьбу, ведущуюся им.

Андрэ Годэн.

Годэн родился в 1817 г. в небольшом местечке департамента Эн на севере Франции. Отец его был ремесленником, и пройдя убогую сельскую школу того времени, молодой Андрэ в течение ряда лет помогал ему работать в слесарной мастерской. Затем, согласно старинному обычаю, он три года провел в странствовании из одного города в другой. Из этого путешествия он вернулся домой, обогащенный не только новыми техническими познаниями, но и новыми идеями, почерпнутыми из знакомства с произведениями Сен-Симона, Кабэ и других представителей социализма. Вскоре он открывает на доставшиеся ему небольшие средства в 4000 фр. самостоятельную мастерскую, специализировавшуюся на изготовлении металлических печек и других согревательных приборов. Годэн ввел крупные технические усовершенствования, закрепленные за ним целым рядом патентов, и благодаря своей настойчивости и энергии добился того, что скромная сельская мастерская превратилась через несколько десятков лет в огромный завод, занимавший более семи десятин в г. Гизе и около двух десятин под отделением в Шербеке, с числом рабочих до двух тысяч человек.

Но занятый развитием своего предприятия, доставившего ему известность по всей Франции, так

как изготовлявшиеся им печки и другие приборы благодаря своему удобству, дешевизне и изяществу стали достоянием широких и разнообразных слоев населения, Годэн не упускал из виду другой задачи, с юных лет занимавшей его ум, — как установить правильные и отвечающие справедливости отношения между трудом и капиталом? Двадцати пяти лет от роду он познакомился впервые с сочинениями Фурье и они произвели на него огромное впечатление, способствовав приведению его взглядов в известную цельную систему. Свои взгляды и проекты, касающиеся социального вопроса, он изложил в ряде статей, брошюр и более крупных работ: «Solutions sociales», «Mutualité sociale», и др. Подвергая институт частной собственности в том виде, как он существует, жестокой критике, видя в нем средство эксплуатации одного класса другим, Годэн, однако, не находит возможным примкнуть ни к коммунистам, ни к коллективистам. Свобода личности для него являлась основным условием прогресса человеческой жизни. Разрешение этого вопроса Годэн видел в правильном распределении дохода, получаемого обществом. Он заимствовал из учения Фурье не то, что последний считал самым главным и ценным — именно план организации фаланстера, а лишь идею гарантизма, т. е. обеспечения интересов трудящихся путем участия в прибылях.

Современное положение дел для него представлялось явно ненормальным. Французская революция уравнила всех граждан перед законом, но последний остается не для всех одинаков. В действительности закон охраняет собственность, обеспечивает имущество, покровительствует источникам его, но ничего подобного не существует по отно-

шению к труду. Собственность и капитал являются средствами к существованию, источником дохода, которым произвольно никто не может принести ущерба. Доход с недвижимого имущества гарантирован арендной платой, с движимого имущества — процентными бумагами.

Но разве труд приносит менее пользы, чем капитал? Разве его участие в производстве менее необходимо? Капитал — это уже исполненный труд, находящийся в запасе, труд же, напротив — это активность человека, действующая сила и ум, создающие и рождающие самый капитал. Капитал же не может породить труд, он является лишь его помощником и, несмотря на это, труд лишен всех прав и преимуществ, которыми пользуется капитал.

И труд, и капитал оба необходимы для создания богатств. Поэтому оба должны принимать участие в прибылях производства. Но этого нет.

Придя к такому убеждению, Годэн не замедлил приступить к делу. Он начал с устройства кассы взаимопомощи, а затем направил свою энергию на организацию своего фамилистера, т. е. огромного общежития, которое предоставляло рабочим многие экономические и санитарно-гигиенические преимущества и удобства и теснее связывало их с местом работы. С 1876 г. Годэн начинает выдавать определенные суммы в качестве премии или доли участия в прибылях своего предприятия наиболее заслуженным из рабочих, а в одной из своих речей следующего года сообщает рабочим, что все затраты предприятия на учреждения взаимопомощи, страхования и просвещения представляют собою одну из форм участия рабочих в прибылях и что в конечном результате необходимо передать все предприя-

тие и его капиталы в руки рабочих, обслуживающих завод. В 1880 г. Годэн действительно подписал с рабочими договор, в силу которого он оставался лишь директором завода, а все имущество последнего должно было постепенно перейти в собственность служащих и рабочих. После смерти Годэна, последовавшей в 1888 г., суммы, оставшиеся невыплаченными ему, были, согласно завещанию, переданы рабочим в коллективную собственность завода.

Таким образом, вопрос о капитале был ликвидирован, рабочие стали собственниками завода и последний превратился в производительное товарищество. Но во внутренней своей организации оно представляло некоторые особенности, отличающие его от обычных производительных кооперативов. Все рабочие, связанные с заводом, делятся на четыре категории: полноправные товарищи (*associés*), члены (*sociétaires*), участники (*participants*) и помощники (*auxiliaires*).

Чтобы попасть в число полноправных товарищей, нужно удовлетворять следующим условиям: иметь не менее 25 лет от роду, пользоваться квартирой в фамилистере и принимать участие в работах товарищества не менее пяти лет; уметь читать и писать, иметь долю в общественном капитале не менее как в 500 фр. и, наконец, пройти через баллотировку общего собрания. Только полноправные товарищи являются членами общих собраний; из них же исключительно избираются лица на выборные должности. В случае сокращения работ члены этой группы покидают ее последними; тот, кого возраст, болезнь или слабость вынуждают оставить труд, со-

храняет за собой право на квартиру в общежитии и продолжает считаться членом общих собраний.

Члены второй группы должны удовлетворять следующим условиям: иметь возраст не менее 21 года, быть свободным от призыва на действительную военную службу, проработать в товариществе не менее 3 лет, иметь квартиру в общежитии и быть принятым правлением и директором распорядителем. Иметь долю в общественном капитале для них необязательно. Права ими теряются или приостанавливаются, если вследствие недостатка в работе они вынуждены покинуть завод; в случае сокращения числа рабочих рук они лишаются работы лишь после того, как распущены две следующие за ними низшие группы.

От участников требуется возраст не менее 21 года, свобода от призыва на действительную военную службу, пребывание на заводе не менее года и принятие со стороны правления и директора. Последнюю группу составляют помощники, в число которых входят все рабочие и служащие завода, не принадлежащие к трем вышеперечисленным группам. Они не получают своей доли прибыли на руки, следующие же им суммы приписываются к суммам пенсионной и вспомогательной кассы, услугами которой они пользуются на основании ее устава.

В случае пьянства, недостатка дисциплины, неграждения к труду и некоторых других проступков члены первых трех категорий могут подвергаться исключению с потерей всех преимуществ, им принадлежащих.

Для того, чтобы привязать местную молодежь к заводу, сыновья членов, не достигшие 21 года, рас-

смаатриваются, как участники. Соответствующие доли прибыли записываются за ними в сберегательных книжках, но владельцами этих сумм они делаются только в том случае, если после отбывания военной службы они возвратятся на завод; в противном случае числящиеся на их счету суммы поступают в распоряжение страховой кассы.

Существует еще пятая группа «заинтересованных», состоящая из тех лиц, которые не принимают участия в производстве, но обладают акциями, полученными или во время своей службы на заводе на общих основаниях или путем наследования. Члены ее получают соответствующий дивидент на свой капитал, до тех пор, пока он не будет выкуплен фамилистером, и никакого иного отношения к заводу они не имеют. Ежегодно часть рабочих разных категорий по тем или иным причинам покидает завод, а на их место приходят новые рабочие, которые зачисляются в категорию помощников.

Об изменениях в составе членов товарищества дают представление следующие цифры:

	1879—80 г.	1903—04 г.
Полные товарищи	46	404
Члены	62	106
Участники	442	711
Помощники	1133	691
Заинтересованные	314	700
Итого	1997	2612

Как видно отсюда, категория полноправных товарищей увеличилась за 25 лет в девять раз, в то время как общее число лиц, связанных с распределением прибыли, выросла менее, чем в два раза; вместе с тем категория помощников подверглась значительному сокращению.

Что касается прибыли, то она в первый год после перехода завода к новому порядку распределялась следующим образом. Сначала производятся различного рода отчисления, требуемые уставом, а затем оставшаяся часть распределяется между талантом, трудом и капиталом. Доля первого определена в 25% (в том числе: директору 4%, правлению—16%, наблюдательному совету—2%, служащим и рабочим за особые заслуги 2% и пособия учащимся 1%), второму же и третьему вместе—75%. При этом основанием для распределения между ними служит, с одной стороны, общая сумма заработной платы, а с другой — не весь капитал, как обычно, а только те суммы, которые причитаются ему на вознаграждение по среднему рыночному проценту. Между самими рабочими прибыль распределялась не пропорционально к заработной плате, а в зависимости также от категории, к которой они принадлежат: доля полноправных товарищей в два, а членов в полтора раза больше, чем доля участников¹⁾.

Во время войны 1914—18 г.г. Гизский фамилистер подвергся разрушению, но по окончании ее группа его членов вновь принялась за его восстановление. Это показывает, что Годэну удалось создать прочное и жизнеспособное дело. Но нужно признать вместе с тем, что фамилистер не представляет собою точного ответа на ту задачу, которую поставил себе Годэн. Эта задача состояла в том, чтобы найти практическую форму примирения интересов труда и капитала. Но в его фамилистере капитала, как особой

¹⁾ В. Тотомьянц, Участие в прибыли и коопартнершип (1915 г.).
А. Николаев, Годэн и его значение в производительной кооперации (1919 г.).

стороны или самостоятельной социальной силы, нет; все имущество завода было передано им на известных условиях в собственность служащих и рабочих. Повлияло ли на это решение отсутствие наследников у Годэна или другие обстоятельства — по существу дела безразлично; важно то, что подобный способ разрешения вопроса является случайным, а не типичным. При современных условиях экономической жизни предприниматели, как класс, не склонны отказываться ни от своего имущества, ни от своего права на распоряжение им и на получение прибыли, и Годэн признает, что они имеют право на это. Различных схем участия рабочих в прибылях и в управлении было испробовано очень много, но они не получили сколько-нибудь значительного распространения.

И в Гюйо.

До сих пор мы говорили исключительно о производительных товариществах. Но наряду с ними и даже раньше их существовали и существуют трудовые артели в собственном смысле слова, сущность и значение которых привлекали к себе мало внимания. Лишь на социалистическом конгрессе 1879 г. в Марсели некто Гутт представил от имени Тулонского клуба доклад, в котором отметил, что если иметь в виду не отдаленное будущее, а настоящее общество, как оно есть, то можно указать только две практических формы ассоциации: 1) кооперативные ассоциации производства, обладающие орудиями производства и оборотными средствами, и 2) рабочие ассоциации, не имеющие ни орудий производства, ни оборотных средств. Однако, в настоящее время рабочий класс не имеет средств к основанию ассоциаций первого рода (производительных товариществ) и не обладает подготовкой для того, чтобы руководить ими; поэтому ему остается лишь второй путь — основание трудовых товариществ или артелей, которые не берут на себя предпринимательских функций, а лишь заботятся о снабжении рабочей силой из среды своих членов. «Этот вид ассоциаций, первым результатом которого будет союз труда и капитала, должен управляться на основании уставов, иметь административный совет и управляющего,

облеченного полномочием заключать соглашения с промышленными предприятиями относительно выполнения работ. Эти товарищества возьмут на себя полную ответственность по выполнению работ, не заботясь ни о приобретении сырых материалов, ни об орудиях производства, и не касаясь вопроса о барышах, получаемых промышленными предприятиями; получая от последних материалы, они должны будут обработать их и сдать в готовом виде на условиях, заключенных по добровольному соглашению между управляющими обеих компаний. Означенные ассоциации должны пользоваться гораздо большим предпочтением и являются единственно практичными для нашего времени, ибо: 1) они не требуют значительных средств; 2) содействуя весьма значительному улучшению положения рабочего класса, они послужат средством к осуществлению настоящих производительных товариществ; 3) рабочий класс может пользоваться выгодами ассоциаций тотчас же после основания их; 4) представляя собой гарантию для капитала, они будут пользоваться поддержкой или даже прямо покровительством со стороны предпринимателей, которые будут весьма заинтересованы в том, чтобы заключать с ними соглашения; 5) они составят естественное дополнение финансовых товариществ; 6) при их помощи рабочие получают кредит, когда дело дойдет до того, чтобы им взяться за какое-нибудь промышленное предприятие и 7) они могут разрешить в короткий срок социальный вопрос и промышленный кризис».

В 1878 г. Гутт сделал опыт применения своих идей на практике, заключив соглашение с тулонским заводом «Mouraille et C.» о постройке 40 вагонов для морского ведомства. Опыт оказался, по его словам,

весьма удачным: в три месяца было изготовлено 40 вагонов, тогда как за десять месяцев надлежало поставить только 30. Однако, от возобновления соглашения пришлось отказаться, ибо возник ряд трений на почве желания администрации и некоторой группы служащих принять участие в прибыли, полученной от экономии при новой системе. В 1881 г. было основано анонимное общество с переменным капиталом для набора, печатания и распространения официальных изданий, которое успешно функционирует и теперь на основании соглашения, заключенного с правительством республики.

Эти-то начинания и внушили французскому экономисту Ив Гюйо идею коммерциализации труда путем устройства особых товариществ¹⁾.

Для устранения социальных конфликтов между трудом и капиталом, потрясающих теперь общество, по его мнению, необходима реформа трудового договора, которая сводилась бы к замене найма в услужение подрядом. Первый договор имеет личный характер, а второй — реальный, вещный. Весь же прогресс — экономический и социальный — сводится именно к тому, чтобы все более и более резко отделять личность от вещи.

Договор подряда в свою очередь тесно связан с поштучной работой. Что такое поштучная или сдельная работа? Это есть мелкое предприятие индивидуального характера. Но отдельный индивидуум часто не может работать в одиночку и нуждается в помощниках. И вот, в большинстве промышленных предприятий заключаются соглашения с отдельными группами рабочих, которые берут на себя выполне-

¹⁾ Uvès Guyot. Les conflits du travail et leur solution (1903).
К. Пажитнов, История кооперативной мысли (1918 г.).

ние тех или иных работ — добычу угля в шахтах, сборку машины в механическом заводе и т. д. Подобный метод вполне целесообразен; его нужно только развить и расширить, переходя от розничной поштучной работы к оптовой. Выполнение этой задачи и должно быть целью трудовых кооперативов (*coopératives du travail*).

В настоящее время предприниматель доставляет сырье и орудия производства, рабочие же изготовляют продукт. Так вот, по мнению Гюйо, десять, двадцать, тридцать или сто рабочих могут образовать кооперативное анонимное общество для того, чтобы взять на себя снабжение предпринимателей продуктами труда или услугами, в которых они нуждаются. Результаты труда будут рассматриваться так же, как всякий другой предмет торговли.

Подобное общество является такой формой группировки труда, которая одновременно обеспечивает и коллективную организацию труда, и независимость индивидуума. Человек вступает в ассоциацию исключительно только для того, чтобы найти применение своего труда — и ничего более; при этом труд является здесь анонимным.

Когда человек доставит условленное количество труда определенного качества, то он становится столь же независимым от ассоциации, как акционер анонимного общества, уплативший свою акцию. В профессиональном союзе член может подвергнуться исключению, и в таком случае он теряет свою долю в общественном имуществе. В предлагаемом же обществе он сохраняет эту долю в виде акции, которая может быть сохранена за ним или продана по курсу, при чем обществу принадлежит лишь право преимущественной покупки ее.

Таким образом, проблема организации труда в промышленности сводится к организации анонимных обществ труда или — как их можно еще назвать — трудовых кооперативов.

Эти ассоциации будут товариществами на паях (каждый из членов является одним из собственников общественного имущества) и имеют своим назначением договариваться о доставлении продуктов труда или услуг своих членов. Им не надобно будет интересоваться вопросами о хорошем или плохом управлении в той фирме, с которой они вступают в сношения, или требовать участия в прибылях, ибо единственной задачей ассоциации служит снабжение промышленника известными продуктами или услугами в течение определенного времени и за условленное вознаграждение.

Но какую же форму должны принять эти товарищества — будут ли они основываться по профессиям, простираются на обширный район, или будут связаны с отдельными предприятиями? По мнению Гюйо, они могут принять столь же разнообразные формы, как и обыкновенные торговые товарищества. Если они ставят себе целью, напр., снабжение предприятия кочегарами, то ясно, что они могут образоваться только для более или менее обширной области. Наоборот, они могут быть связаны с тем или иным заводом, если последний занимает значительное количество рабочих одной и той же профессии.

В предприятии, охватывающем несколько мастерских или отделений, вырабатывающих различные продукты, может существовать несколько товариществ; но, с другой стороны — рабочие, принадлежащие хотя и к различным, но объединенным в

известных предприятиях профессиям, могут образовывать совместно одно только товарищество. В случае, если последнее объединяет членов, рассеянных в разных местах, то оно выступает, как биржа труда, сообщая ей тот экономический характер, какой рекомендовал в 1842 г. Молинари — мобилизации труда в соответствии с развитием путей сообщения.

В другом месте группа в двадцать пять рабочих может составить товарищество для того, чтобы собрать известное количество локомотивов или автомобилей; по окончании работы оно может прекратить свое существование или принять новую форму, с присоединением новых членов, для заключения другого соглашения.

Трудовые кооперативы будут одновременно ассоциациями и капиталов, и лиц; их продолжительность будет определена уставом и они будут обязаны представлять точные отчеты. Этим они будут содействовать экономическому воспитанию своих членов, каждый из которых будет всегда иметь известную долю в общественном имуществе.

Предпринимателям эти кооперативы гарантируют рабочую силу за известное вознаграждение и на известный срок. Каждому же из своих членов они обеспечивают независимость от нанимателя и уверенность в смысле труда сообразно профессиональной подготовке, по существующим рыночным ценам.

Заключая соглашение с торговым трудовым товариществом, предприниматель будет иметь перед собой действительно ответственное общество — как и в том случае, когда он заключает соглашение с торговым домом о поставке ему необходимых сырых материалов. И чем солиднее будет это товарище-

ство, тем большие гарантии оно может предоставить. Таким образом, с точки зрения предпринимателя подобный образ действий представляет следующие преимущества: 1) получение рабочей силы оптом, вместо того, чтобы нанимать ее в розницу; 2) гарантия качества и продолжительности труда для условленного срока или условленного количества продуктов, позволяющая промышленнику установить себестоимость предметов производства; 3) простота операций и 4) действительная ответственность товарищества в отношении доставляемых им рабочих — за плохую работу или ошибки его членов и служащих.

Каковы теперь преимущества трудовых кооперативов с точки зрения лиц, ищущих приложения своего труда?

Здесь прежде всего Гюйо сталкивается с возражением, что рекомендуемая им система есть не что иное, как обобщение подрядной работы, вызывающей резкие возражения в социалистических кругах и подвергшейся запрещению во время февральской революции. «Принимая во внимание, — говорится в декрете 2 марта 1848 г., — что эксплуатация рабочих подрядчиками по существу своему несправедлива, тягостна и противоречит принципам братства, временное правительство Республики объявляет: эксплуатация рабочих подрядчиками при работах, отдаваемых с торгов, уничтожается».

Это запрещение однако существовало лишь на бумаге, ибо слишком расходилось с потребностями экономической жизни.

Кроме того, в самом декрете о запрещении подрядной работы допускалось исключение, а именно — для трудовых артелей, в которых, предполагается,

нет места для эксплуатации одних рабочих другими; под это исключение подходят и торговые товарищества для доставления рабочих рук.

И в распространении их Гюйо видит средство к разрешению острых социальных конфликтов между трудом и капиталом. Главною причиною их служат столкновения на почве требований сокращения рабочего дня и увеличения заработной платы.

Между тем, если образуются и получают применение вышеуказанные торговые и трудовые товарищества, то тогда эти поводы к конфликтам исчезнут сами собой. Товарищество заключает соглашение прежде, чем взяться за работу, и ведет себя так, как всякий негоциант, согласившийся за известную цену поставить определенное количество сырья. И если товарищество откажется от выполнения своих обязательств, то к нему может быть применена статья гражданского кодекса, гласящая, что всякий спор по вопросу о выполнении или невыполнении обязательства разрешается путем иска о возмещении убытков. Следующим обстоятельством, дающим повод к стачкам, является вопрос о дисциплине и внутреннем распорядке. Но при функционировании трудовых товариществ и этот вопрос теряет, по мнению Гюйо, свою остроту, ибо при этой системе предпринимателю остается лишь заботиться о сохранении и лучшем использовании орудий производства, но не о поддержании порядка или надзора за рабочими. В качестве примера автор приводит деятельность парижского общества типографских рабочих, которое внушило ему идею коммерциализации труда. Это общество представляет собой профессиональный союз, который существовал еще задолго до закона 1884 г., благодаря терпимости

администрации. Прежде он, как и другие синдикаты, устраивал стачки; но затем деятельность его изменилась и приняла коммерческий характер. Предположим, напр., что какой-нибудь газете нужен известный комплект рабочих. Ей нужно будет иметь дела не с метранпажем, а с делегатом общества, который заключит соглашение от имени последнего.

Парижское общество типографских рабочих требует более высокой платы, чем другие рабочие, но зато оно берет на себя гарантию за надлежащее выполнение работы. Предпринимателю не нужно заботиться ни о лицах, ни о качестве их труда; об этом заботится общество, а ему нужно только аккуратно выплачивать деньги. И для тех, кто предпочитает заключать договор найма с каждым рабочим в отдельности, Гюйо приводит следующий пример, доказывающий выгоду нового порядка. Согласно ст. 4 договора, «всякий наборщик, который в состоянии опьянения произведет беспорядок в мастерской, должен быть немедленно уволен». Лица, входящие в данную смену, очень ревниво относятся к поведению своих товарищей. Если кто-либо является в мастерскую пьяным, то тотчас поднимается крик: «Товарищи, давайте голосовать». Затем происходит голосование, и виновного обыкновенно изгоняют. Но он исключается не совсем, а только из данной смены. Ему предоставляется обратиться к правлению общества, которое определяет его в другую смену, и только в случае повторения проступка ему угрожает уже исключение из общества.

Из изложенного видно, в чем заключается разница между производительным и трудовым товари-

ществом. Учредителям последнего нет надобности заботиться о собирании крупного капитала, как это необходимо при организации производительной ассоциации.

Анонимное торговое товарищество по сбыту труда может функционировать с весьма незначительным капиталом; так, напр., товарищество с переменным капиталом для печатания и распространения официальных изданий Французской Республики располагает всего капиталом в 6.000 фр. Далее, ему не приходится также заботиться о закупке сырья, ибо на его обязанности лежит лишь доставление рабочей силы из состава своих членов, сырье же доставляет предприниматель. Наконец, и забота о дорогом стоящих машинах и др. орудиях производства также лежит не на нем. Благодаря этому трудовые товарищества означенного типа могут основываться с паем в размере 5 фр. Вместе с тем и управление ими не представляет больших затруднений; ибо функции товарищества несложны и сводятся к выполнению только одной задачи. Благодаря этому, все те затруднения, которые обычно тормозили развитие производительных кооперативов или приводили их к гибели, — здесь не имеют места и потому трудовые товарищества могут рассчитывать на лучшее будущее.

Во Франции идеям Гюйо не повезло, но в некоторых других странах, как, напр., в Италии и России, трудовые артели получили довольно значительное распространение и встречаются чаще, чем производительные товарищества.

Современное состояние производительной кооперации на Западе.

Как видно из вышеприведенного, производительная кооперация на Западе не может похвалиться очень большими успехами. Насчитывая в своих рядах не только не меньше выдающихся теоретиков и организаторов, чем потребительская или сельскохозяйственная кооперация, но пожалуй даже больше, она в практических достижениях несомненно отстала от них. Она чрезвычайно медленно подвигается вперед и часто терпит неудачи и поражения. Тем не менее она все-таки не стоит на одном месте.

Во Франции, где производительная кооперация зародилась впервые, после быстрого расцвета в период революции 1848 г. и последовавшего затем длительного периода упадка новый подъем стал обнаруживаться с восьмидесятых годов. В 1881 г. Парижский муниципалитет постановил допустить рабочие артели к торгам на общественные работы. В 1888 г. был издан декрет, предоставляющий государству право отдавать рабочим товариществам подряды на сумму до 20.000 фр., при чем в случае поступления одинаковых предложений со стороны частных лиц и артелей преимущество

должно отдаваться последним. В счет сделанной работы артелям могут быть выдаваемы авансы каждые две недели. Кроме того государством вновь был организован кредит на выдачу ссуд рабочим ассоциациям через посредство особого банка производительных товариществ, основанного в Париже в 1893 г. Означенные ссуды должны погашаться месячными взносами в течение пяти лет, если они ниже 10.000 фр., и десяти лет, если они превышают эту сумму; за пользование кредитом взимается 2%. Сумма, ассигнованная государством в 1893 г., была невелика, всего 80.000 фр., но впоследствии размеры кредита несколько раз расширялись. Сверх того производительным товариществам выдаются ссуды на льготных условиях (3%) еще из фонда в 1.400.000 фр., завещанных в 1880 г. В. Рампалем.

Благодаря этим обстоятельствам, число производительных и трудовых артелей стало увеличиваться и к 1910 г. достигло уже 510. Центром объединения их служит Совецательная Палата производительных товариществ, основанная в 1885 г.

За время великой войны многие артели сильно пострадали, некоторые даже распались; но наряду с этим значительное количество пошивочных мастерских, созданных для нужд военного ведомства, превратились теперь в самостоятельные артели; 25 из них образовали даже союз кооперативных пошивочных товариществ для совместной закупки материалов и сбыта продуктов. Число артелей, примыкающих к общенациональному центру, возросло с 280 в 1910 году до 310 в 1920 году. Чтобы укрепить положение производительных ассоциаций, в настоящее время (1923 г.) поднят вопрос об уста-

новлении более тесных связей между ними и потребительской кооперацией и о передаче их в ведение общества оптовых закупок.

Как уже упоминалось выше, от военных действий сильно пострадал знаменитый фамилистер Годена в Гизе. По окончании войны члены его энергично принялись за работу по восстановлению предприятия. Интересно отметить вместе с тем, что государством была предпринята попытка внести законом 26 апреля 1917 г. регулирующее начало в вопрос о коопартнершипе¹⁾.

На основании его закон 1867 г. об обществах дополняется новыми статьями об анонимных обществах с участием рабочих в прибылях.

В устав каждого анонимного общества может вводиться указание на то, что это общество с участием рабочих в прибылях. Подобные общества в своей деятельности подчиняются, независимо от правил, установленных для всех обществ, еще следующим правилам. Акции общества бывают двух родов: 1) капитальные акции или части их и 2) трудовые акции. Последние являются коллективной собственностью личного состава, получающего жалование или заработную плату (т. е. служащих и рабочих), объединенного в трудовое кооперативное товарищество, согласно ст. 68 закона 24 июля 1867 г. и изменений его согласно закону 1 августа 1893 г. В это кооперативное товарищество входят обязательно все лица, работающие в предприятии не менее года и старше 21 года; посторонние лица в т-во не допускаются. Потеря участником т-ва места в предприятии прекращает все его права по

1) „Вестник Финансов“, № 31 за 1917 г.

участию в т-ве без права на какое-либо возмещение, за исключением предусмотренного ст. 79. Дивиденды, причитающиеся участникам кооперативного т-ва, распределяются согласно уставу последнего и постановлениям его общих собраний. Трудовые акции ни в коем случае не могут быть распределены между участниками кооперативного т-ва. Трудовые акции являются именными, выписываются на имя трудового кооперативного т-ва и не могут быть отчуждаемы на все время существования общества с участием рабочих в прибылях; на них ставится особый штампель, указывающий на их неотчуждаемость.

Представители участников кооперативного т-ва присутствуют на общих собраниях анонимного общества. Число голосов, предоставляемых им на общих собраниях, относится к числу голосов, предоставленных капиталу, как число трудовых акций относится к числу капитальных акций. Оно определяется в начале каждого общего собрания в соответствии с числом предоставляемых акций. При изменении общим собранием прав, связанных с трудовыми акциями, решение это вступает в силу лишь после утверждения его общим собранием трудового кооперативного т-ва. В состав правления (*conseil d'administration*) общества с участием рабочих в прибылях входят один или несколько представителей от трудового кооперативного т-ва. Эти представители избираются общим собранием акционеров из числа лиц, являющихся представителями в нем кооперативного т-ва. Число их определяется пропорционально числу капитальных и трудовых акций. Они избираются на тот же срок, как и остальные члены

правления и могут быть переизбираемы; участие их в правлении однако прекращается, если они оставляют службу в обществе и тем самым выходят из числа участников кооперативного т-ва. Если правление состоит из трех лиц, то одно из них должно обязательно быть представителем трудового т-ва. В случае ликвидации актив общества распределяется между акционерами лишь после полного погашения капитальных акций. Часть ликвидированного актива, приходящаяся на трудовые акции, в соответствии с постановлением созванного по сему поводу общего собрания трудового кооператива, распределяется между теми настоящими и прежними его участниками, которые прослужили в предприятии по крайней мере половину срока всего существования предприятия и оставили службу по болезни или старости (§ 79). Тем не менее прежние участники, обладающие упомянутой квалификацией, при распределении получают лишь $\frac{9}{10}$, $\frac{8}{10}$, $\frac{7}{10}$ и т. д. причитающейся им на основании выслуженных лет суммы, в зависимости от того, как давно они эту службу оставили. Ликвидация анонимного общества влечет за собой ликвидацию и трудового товарищества.

Общества, подчиняющиеся этим правилам, пользуются целым рядом преимуществ в налоговом отношении, а также льготами, предоставляемыми кооперативным товариществам при торгах на казенные поставки и подряды.

Окажется ли этот способ привлечения рабочих к участию в прибылях и управлении более удачным, чем многие иные попытки или же останется мертвой буквой—это покажет будущее. Но во всяком случае

В Италии производительные товарищества стали возникать значительно позже, нежели во Франции, но тем не менее они получили здесь большее распространение. Первые сведения о них относятся к 1853 г., когда было образовано производительное товарищество стекольщиков в Пьемонте; затем в 1877 г. возникает кооперативная фабрика глиняной посуды в Имоле.

Но эти два общества едва ли оставили после себя подражателей, и только во время общего подъема кооперативного движения 1883—1889 годов стали усиленно основываться также производительные артели. Как и во Франции, эти артели возникают, главным образом, в тех отраслях промышленности, где производство может вестись в небольших размерах и где не требуется значительного капитала—напр., в типографском, тончарном, стекольном деле и по обработке металлов. Наиболее часто встречаются они в Северной Италии, особенно в провинции Ломбардия и Эмилия, где они объединены в районные союзы для взаимной поддержки, оставаясь в коммерческом отношении независимыми и даже конкурируя друг с другом. Согласно официальным данным, в 1910 году насчитывалось 518 производительных товариществ, из коих в 360, представивших отчеты о своей деятельности, значилось 51.477 членов, при капитале около 720.000 р. На долю типографского дела приходилось 91 и по обработке металлов — 95 товариществ.

Специальной особенностью итальянского кооперативного движения является та крупная роль, которую играет в нем так назыв. *Braccianti* или трудо-

вые артели, ведущие свое начало с 1886 г. и имеющие целью доставлять по контракту организованные группы обученных или необученных рабочих вместе с простейшими инструментами, необходимыми им для работы. Подобные общества, представляющие собой нечто большее, чем временные соединения рабочих вроде русских артелей, существуют теперь, как постоянные и прочные организации, в большом количестве среди каменщиков и кладчиков кирпича, землекопов, грузчиков, черно-рабочих и пр., а также среди рабочих на службе местных органов самоуправления, занимающихся замощением улиц, очисткой их, вывозом мусора, земли, снега и т. д. В 1910 г. таких артелей насчитывалось 1017, из коих отчеты были представлены 774 с 94.738 членами, оборотным капиталом в 113.638 и резервным капиталом в 60.000 лир. На 1 декабря 1915 г., по данным «Статистического ежегодника Италии», в ней насчитывалось уже 2.175 трудовых артелей, а именно: 939 артелей каменщиков, по починке мостовых и т. п., 734 артели поденщиков, землекопов, каменоломщиков, 201 артель возчиков, 211 артелей рабочих в портах, носильщиков и т. д. и 90—смешанных. Эти общества ограничиваются выполнением определенных поручений на точно обозначенных условиях и никогда не работают на рынок. Они заключают договоры на основаниях, вырабатываемых правлениями (в которые иногда входят инженеры в качестве экспертов, приглашаемые за небольшое вознаграждение), беря на себя выполнение определенных работ трудом своих членов под общим руководством правления, устанавливающего нормы вознаграждения за индивидуальную поштучную работу. Работа произ-

водится обычно группами человек в 15, каковая единица признается наиболее пригодной для совместной работы. В каждой группе есть руководящий, т. е. наиболее искусный работник, который получает в дополнение к обычной плате известный бонус в размере $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{3}$ процента общей суммы, приходящейся на долю группы. В случае какой-нибудь сложной работы правлением приглашается общий распорядитель из среды рабочих, при чем недостаток административных способностей возмещается усердием группы.

Размеры и финансовая мощь этих артелей бывает весьма различна, но только небольшая часть их насчитывает свыше тысячи членов или предпринимает работы на сумму свыше нескольких десятков тысяч рублей в год; капитал их обычно не превышает нескольких тысяч, а прибыль—нескольких сотен рублей в год. Их цель заключается скорее в стремлении к обеспечению получения наивысшей рыночной заработной платы, чем к получению чистой прибыли, и нередко им приходится делать позаймствования из запасного капитала. Но в некоторых случаях артели получают значительные прибыли, при чем последние идут на уплату процентов по займам, получаемым в народных банках, дивиденда на пай членов, $\frac{1}{2}\%$ в запасный фонд, а остаток распределяется между членами в виде бонуса пропорционально заработной плате. Артели эти обычно пользуются трудом лишь своих членов и так как они редко могут достать работы для всех, то более или менее значительная часть членов работает на стороне.

Артели, действительно, сильно страдают от непостоянства занятий и далеко не в состоянии обес-

печить своим членам устойчивого благосостояния. Характерной особенностью этих организаций является то, что они самобытны по своему происхождению и руководство ими находится целиком в руках самих рабочих. При этом они поддерживают среди своих членов во время работы строжайшую дисциплину, не допуская ни пьянства, ни карточной игры.

В некоторых случаях артели заключают договоры на производство очень крупных работ — в каменоломнях, по прокладке дорог, устройству сооружений по орошению полей и т. п. Так, напр., артель каменщиков в Милане выполняла работы для городского управления с 1890 по 1900 г., в среднем на 26.000 лир ежегодно. Другая артель выполнила все работы по отделке нового здания палаты депутатов в Милане. Артели землекопов в Равенне, взяв в аренду от правительства в 1891—98 г.г. большие пространства болотистой земли в Ostia, применили труд своих безработных членов, и таким образом большое количество земли успешно было приведено в культурное состояние.

Производительные товарищества и трудовые артели пользуются в Италии, как и во Франции, поддержкой государства. Законы 1899 и 1904 г.г. разрешают кооперативным товариществам, зарегистрированным надлежащим образом, получать подряды на сумму до 8.000 лир с освобождением от представления залогов и установлением срока расплаты по счетам в двухнедельный срок. Необходимость регистрации для получения этих преимуществ предохраняет артели от превращения в капиталистические предприятия, ибо государство обычно настаивает при сдаче заказа на том, чтобы все члены участвовали

в прибылях пропорционально заработной плате, запрещает всякую передачу подрядов и только в исключительных случаях разрешает употреблять на работы лиц, не состоящих членами.

Летом 1921 г. образовалась федерация производственных кооперативов деревообделочников. На конференции в Турине была принята резолюция, признающая необходимым — исходя из того соображения, что принцип производственной кооперации, внедренный в движение рабочего класса, сможет облегчить техническую и организационную сторону овладения фабриками и заводами, — основать национальную федерацию деревообделочных артелей под контролем профессионального союза деревообделочников. Для проведения этой резолюции в жизнь была избрана комиссия из пяти членов, из коих трое от профессионального союза и двое — от кооперативных организаций.

В Германии возникновение промысловой кооперации относится к концу сороковых годов 19 века, когда Шульце-Делич стал образовывать среди ремесленников кредитные, сырьевые и магазинные товарищества. Рабочие же артели стали возникать значительно позже.

В 1871 и 1872 г. в среде профессионального союза столяров в Берлине возникло сильное стремление к организации артелей. Рабочие хотели использовать благоприятную конъюнктуру, создавшуюся в связи с приливом в страну французских миллиардов, чтобы добиться более обеспеченного и самостоятельного существования. Так появился в Берлине целый ряд производительных артелей, из которых первую была строительная и мебельная артель «Согласие». Число членов вначале было 6 и

столько же рабочих; в следующем году количество членов увеличилось до 9, а помощников до 14. Первые годы дела шли довольно хорошо; прибыль членов равнялась в 1872 г.—1653, в 1873 г.—4577 и в 1874 г.—6673 марки. Но в 1876 г. артель распалась, оставив после себя около 11.000 марок долга. Энергией руководителя «Согласия» среди берлинских столяров в течение 2—3 лет было организовано еще 11 артелей. Но и они также распались одна за другою; наиболее прочной была «Самопомощь», просуществовавшая семнадцать лет.

Новый период оживления начался со второй половины девяностых годов. В 1897 г. возникла артель «Остенд» в составе 5 человек, с паевым взносом в 200 марок. Несколько раз вначале она переживала тяжелые минуты, готовясь распасться, но благодаря настойчивости некоторых членов она вышла с честью из этих испытаний и теперь является крупнейшей артелью в мебельной промышленности, насчитывая 18 членов и 35 наемных рабочих. Правление состоит из трех лиц, которые ведут всю текущую работу. Функции контроля выполняются наблюдательным советом, собирающимся каждую неделю. Общее собрание членов происходит раз в две недели.

Пример «Остенд» послужил толчком к возникновению целого ряда таких же артелей в Берлине, как это видно из нижеследующей таблицы, где показаны год основания артелей и число занятых в них лиц (см. стр. 138).

Из этих цифр видно, что в большинстве старые артели значительно выросли и окрепли за это время. Из общего количества 534 лиц, занятых в 1913 г. в артелях, на долю членов приходится 193

1899 г. . . .	25	Остенд.	18	В том числе членов (в 1913 г.) .
1900 " . . .	44	Звезда.	18	
1901 " . . .	45	Единение.	—	
1902 " . . .	46	Союз.	8	
1903 " . . .	45	Мебельно-архит. о-ва.	11	
1904 " . . .	53	Модерн.	15	
1905 " . . .	59	Надежда.	27	
1906 " . . .	55	Дуб.	21	
1907 " . . .	44	Феникс.	11	
1908 " . . .	43	Berolina.	7	
1909 " . . .	44	Вперед.	5	
1913 " . . .	53	Фортуна.	9	
		Ганза.	6	
		Будущность.	9	
		Орел.	10	
		Меркурий.	12	
		Линде.	6	
	25	Итого.	193*)	

*) Kloss, Die Arbeitergenossenschaft (1919).

или 36%; таким образом наемный труд в этих артелях пользуется широким применением.

1907-ой год ознаменовался для мебельной промышленности столкновением между хозяевами и рабочими на почве нового тарифного договора, закончившегося локаутом, продолжавшимся 17 недель. Безработица вызвала образование в этом году еще шести новых артелей, но часть их уже закрылась.

Интересно отметить, что в 1906 г. в Берлине насчитывалось 1211 мебельных предприятий с 18.007 занятыми в них лицами; это дает в среднем 15 человек на предприятие. Между тем в среднем артели в этом же году состояли из 36 человек. Таким образом, кооперированная промышленность в этой отрасли является в общем более крупной, чем частно-предпринимательская, и это обстоятельство служит важным условием для ее успеха в борьбе за существование.

Вне Берлина существуют только две мебельных артели, но по размерам они не велики: в одной 10, а в другой 12 членов; наемных рабочих—10 и 24.

Что касается столярных артелей, то их насчитывается 4, и все они находятся вне Берлина. Самая крупная—в Трейен Брийцене, насчитывает 12 членов и 25 наемных рабочих. В портняжном промысле в 1913 г. существовало семь артелей, которые по своей величине располагаются в следующем порядке: производ. т-во портных в Дрездене, основанное в 1891 г., насчитывает 50—100 рабочих; т-во «Надежда» в Берлине, основанное в 1906 г., имеет 60 рабочих; «Солидарность» в Эльберфельде—18 рабочих (1905 г.); т-во портных в Иене—16 раб. (1907 г.); т-во портных в Линден—11 рабочих

(1910 г.); т-во портных в Мюнхене — 8 раб. (1912 г.) и т-во в Киле — 6 рабочих (1907 г.).

Основание артели в портняжном деле не требует большого капитала. При основании распавшейся ныне артели Trier на каждого рабочего приходилось только 100 марок; то же в Эльберфельдской артели. Артели в Киле и Иене требовали уже по 200, а в Берлине даже 1200 марок, что дало возможность сразу же приобрести готовое дело. Обороты артелей в 1913 г. составляли: в Берлинской 273, Дрезденской 302, Иенской 60 и Эльберфельдской 76 тысяч марок. Чистой прибыли на каждого рабочего в хорошие годы приходится около 100 марок, и только в Берлинской артели в 1913 г. эта цифра повысилась приблизительно до 200 марок. Приманкой для вступления в число членов она, конечно, не может быть. Пример Берлинской артели, где по уставу полагается выдать дивиденд не свыше 4%, а остальная прибыль обращается в различные фонды, показывает, что и без надежды на прибыль у рабочих может существовать достаточный интерес для вступления в артель — интерес заключается в постоянстве заработка.

В пекарном промысле существует 5 артелей: 4 в Берлине и одна в Гамбурге. Общее количество членов в них 181, из коих занято в артелях 130; наемных рабочих — 137.

Старейшей является Гамбургская пекарная артель «Вперед», основанная в 1895 г. Она же вместе с тем является и самым крупным производственным кооперативом не только в пекарном промысле, но и вообще: в нем 97 членов (из них занято 70) и 44 наемных рабочих; в 1914 г. число рабочих достигло уже 107. Оборот артели, составлявший

144.000 марок за первый год существования, поднялся в 1914 г. до 2.385.000 м. Успехом своим она в значительной мере обязана руководителю Кречману, который до самой смерти в 1912 году получал только 2600 марок, хотя довел оборот до $2\frac{1}{4}$ миллионов. Благодаря его влиянию артель не стремилась к закрытию доступа новым членам, накапливала значительный резервный фонд вместо того, чтобы выдавать наиболее высокую прибыль, и поддерживала традиции. Начав с капиталом в 2440 марок, собранных 23 членами, артель за двадцать лет своего существования получила 630.000 марок прибыли. За последние пять лет перед войною прибыль равнялась около 33.000 марок в год кроме усиленных отчислений в разные фонды, которые также исчисляются в сумме около 30.000 марок в год. Таким образом в среднем на одного занятого в артели человека приходится свыше 500 марок прибыли. «Вперед» представляет прекрасный пример того, что может дать производительная кооперация. И хотя ее расцвет в значительной мере обуславливался тем, что во главе ее стоял чрезвычайно способный руководитель, но и после его смерти дела продолжали развиваться успешно, доказывая, что организация стоит на прочном фундаменте.

Вторым по величине является кооператив булочников «Берлин», основанный в 1905 г. Дело было начато 4—5 лицами, теперь же в артели насчитывается 32 члена и 35 наемных рабочих, не считая 40 разносчиц. Число филиальных отделений для продажи постепенно выросло до 11. Оборот за последние годы равнялся приблизительно

500.000 м. В течение первых пяти лет руководители менялись очень часто, и только с 1910 г. положение изменилось: одни и те же лица занимали свои места до 1914 г. Это доказывает, что даже когда в правлении состоят люди средних способностей, дело может развиваться успешно.

Кроме вышеозначенных в 1913 году насчитывалось еще производительных артелей: сапожных 8, строительных 6, табачных 5, ткацких 5, типографских 3 и разных 12. Членов во всех артелях было в 1913 г. 2135, из них занято в производстве—1054; наемных рабочих—1742.

Позднейший рост кооперативных организаций, связанных с производством в области обрабатывающей промышленности, по официальным данным, представляется в следующем виде:

ВИДЫ КООПЕРАТИВОВ.	Ч И С Л О И Х.	
	на 1 января 1911 г.	на 1 января 1922 г.
Сырьевые товарищества	360	2182
Т-ва для совместного пользования машинами и энергией	326	384
Магазинные т-ва	109	135
Сырье и магазинн. т-ва	152	349
Производительные т-ва	368	1275
Всего	1315	4325

Таким образом, за одиннадцать лет количество кооперативных организаций, связанных с производством, увеличилось с 1315 до 4325. Членов в них было в 1910 году—101.545. Соответственных дан-

ных для 1921 г. не имеется; но если принять, что средний размер товарищества за это время не изменился, то тогда искомая цифра будет равняться около 330.000 человек.

Как видно отсюда, промысловая кооперация в Германии сделала за последнее десятилетие значительные успехи, при чем как среди товариществ ремесленно - кустарного типа (сырьевые и магазинные т-ва), так и среди рабочих производительных ассоциаций, стремящихся к осуществлению идеи коллективного труда на основе крупного производства. Центрами объединения промысловой кооперации служили «Всеобщий союз немецких хозяйственных и промысловых товариществ», основанный еще Шульце-Деличем в 1859 г., и значительно позже возникший «Главный союз промысловых товариществ». В 1920 г. произошло объединение этих организаций. После окончания великой войны и под влиянием революционной встряски заметно усилилось также стремление к образованию различного рода трудовых артелей, нашедших себе наиболее благоприятную почву среди рабочих, занятых в строительной промышленности.

В Англии в 1914 г., т. е. накануне войны насчитывалось 108 производительных товариществ, с 36.880 членами и оборотом в 3.800.627 ф. ст. В 1921 г. число товариществ понизилось до 102, но количество членов увеличилось до 38.360, а оборот—до 6.581.587 ф. ст. Паевой капитал их составлял в 1914 году — 987.613 и в 1921 году — 1.529.202 ф. ст. Таким образом, на одного члена приходилось до войны в среднем паевого капитала около 27, а в настоящее время около 40 ф. ст. Но не все члены непосредственно работают в пред-

приятных товариществ. Количество занятых рабочих равнялось в 1914 г.—10.725, а в 1921 г.—11.230 человек. На одно товарищество приходится, таким образом, в среднем 110 рабочих. Часть товариществ стоит в непосредственной связи с обществом оптовых закупок, другие же объединяются вокруг федерации производительных товариществ, основанной в 1884 г. По данным ежегодника федерации за 1921 г., число товариществ, примыкающих к ней, сократилось за время с 1913 по 1919 г. с 81 до 63. Капитал их также уменьшился на 250.000 ф. ст., торговые же обороты показывают некоторое увеличение, несмотря на то, что с 1914 г. «Шотландское общество оптовых закупок для потребительных обществ» со своим производительным отделом уже не включается в список, так как оно отменило выдачу бонуса на заработную плату, что повлекло за собою уменьшение оборота товариществ, практикующих участие рабочих в прибылях, на 2.000.000 ф. ст. Из означенных 63 товариществ 4 находятся в Шотландии, а остальные в Англии; объединенный капитал их составляет 2.008.201 ф. ст., а торговые обороты равняются 5.750.000 ф. ст.

Что касается коммерческой деятельности самой федерации, то торговый оборот ее в 1921 г. выразился в цифре 555.552 ф. ст., что составляет увеличение на 144.969 ф. ст. против предшествующего года.

В общем можно сказать, что хотя производительно-трудовая кооперация не пробила еще себе широкого русла в толще народного хозяйства на Западе, но все-таки круг ее деятельности постепенно расширяется. При этом обнаруживается, что оживление находится в связи с той поддержкой, кото-

рую оказывают другие общественные силы. Попытки укрепления этого фундамента путем получения как заказов или кредитов, так и моральной поддержки ведутся в трех направлениях, а именно: 1) в сторону государства и органов местного самоуправления, 2) потребительской кооперации и 3) профессиональных союзов. За последнее время особенное внимание стало привлекать к себе последнее течение, вылившееся в форму так назыв. «Гильдейского социализма».

Гильдейские социалисты.

Незадолго перед войной и особенно после окончания ее в Англии стало усиленно распространяться новое течение, получившее название «гильдейского социализма». Некоторые руководящие идеи этого направления были высказаны еще в 1905 г. идеологом американского индустриального унионизма Даниилом де Леон'ом, выдвинувшим мысль о замене политического государства индустриально организованным государством. На место территориальной основы учреждений должна стать функциональная. Парламент будет состоять из функциональных представителей, а не из членов от различных географических районов. Сообразно с этим старые профессиональные союзы должны подвергнуться перестройке в смысле организации рабочих по производствам: горная, железнодорожная, текстильная, строительная и пр. отрасли промышленности станут составными частями новой власти, которая будет носить исключительно экономический характер.

В 1906 г. в Англии появляется книга S. Penty «Восстановление системы гильдий», в которой крупному капиталистическому производству противопоставляется мелкое, как исходный пункт новой организации общества в духе идеалов средневековья с его цеховой системой. Эта книга послужила

толчком к обсуждению вопроса, в котором деятельное участие приняли А. Орэдж, С. Гобсон, Г. Коль и др., при чем в понятие гильдии стало вкладываться уже новое содержание, примиряющее ее с современным крупным производством. В 1915 г. для пропаганды новых идей была создана «Лига национальных гильдий», на знамени которой выставлено: «уничтожение системы наемного труда и установление самоуправления в промышленности путем системы национальных гильдий, работающих в контакте с государством».

Как устранить социальные конфликты, составляющие прямую угрозу для нормального существования и развития общества, и удовлетворить справедливые притязания труда? Вот вопросы, на которые пропагандисты национальных гильдий хотят дать свой особый ответ. По их мнению, причина современного ненормального положения труда лежит в ошибочном представлении о труде и столь же неправильном практическом отношении к нему, как обыкновенному товару, подлежащему действию закона спроса и предложения. Новое направление ставит себе задачей бороться с этим воззрением — и не только теоретически, но и практически. Ибо труд заключает в себе нечто большее, чем обыкновенный товар; в нем есть элементы личности и этот последний играет доминирующую роль¹⁾.

С точки зрения политической экономии заработная плата есть цена, уплачиваемая за труд, как товар. Тот факт, что труд неразрывно связан с лич-

¹⁾ The World of Labour by G. Cole (1913). Его же—Self Government in Industry (1917). Guild Principles in War and Pence by S. Hobson (1917). The Meaning of National Guilds by M. Reckitt and C. Bechhofer (1920).

ностью человека, может в нашей общественной жизни давать повод к проявлениям сочувствия; но в строго экономическом смысле труд рассматривается как товар, цена которого колеблется в зависимости от спроса и предложения. На этом факте покоится вся существующая социальная и промышленная система, ибо рента, процент и прибыль могут уплачиваться лишь постольку, поскольку предприниматель, нанимая рабочих за X , продает продукты их труда за $X+Y$.

Как справедливо отмечает проф. Маршал, «самая главная особенность действия спроса и предложения в применении к труду заключается в том факте, что когда человек продает свои услуги, то он должен одновременно предоставить и себя самого. Это обстоятельство не имеет значения для продавца кирпичей, ибо будут ли они употреблены на постройку дворца или сточных труб — это безразлично; но для человека, продающего свой труд, представляется очень важным, здорова и приятна ли та местность, где выполняется взятая им на себя работа, и таковы ли его соучастники в работе, как те, с которыми он привык иметь дело. И при заключении годовых договоров найма, которые еще сохранились в некоторых частях Англии, рабочий столь же тщательно расспрашивает о том, какой характер имеет его новый наниматель, как и о том, сколько он платит».

Но в настоящее время, как общее правило, продажа труда рассматривается так же, как продажа всякого иного товара, и это обстоятельство чрезвычайно неблагоприятно отражается на положении рабочих. Ибо благодаря этому человек, покупающий труд, получает такое же абсолютное право рас-

поряжения продуктами труда, как и покупатель какой-нибудь вещи, а у рабочего отнимается основание пред'являть какие бы то ни было претензии на создаваемую им прибавочную ценность. Назначение наемного рабочего сводится лишь к тому, чтобы доставлять рабочую силу по рыночной цене, и раз это достигается, то он уже не представляет более никакого интереса для экономиста. Чтобы покончить с таким воззрением на труд и отношением к нему, нужно поставить дело так, чтобы рабочий рассматривался прежде всего как личность, имеющая свои законные и обязательные для всех права и интересы. Средством для этого служит учреждение гильдий. Национальная гильдия есть целостное объединение (combination) труда всякого рода — административного, исполнительного и производственного в любой отрасли промышленности. Она включает в себя как тех, кто работает головою, так и тех, кто располагает лишь силою мышц. Администраторы, химики, квалифицированные рабочие и чернорабочие, словом все, кто может работать — имеют право состоять ее членами. С точки зрения численности трэд-юнионы (т. е. профессиональные рабочие союзы) должны составлять основу этих гильдий, но они должны в свою очередь вступить на путь слияния в целях образования более прочных организаций.

Подобное объединение будет обладать полной монополией в деле использования своей рабочей силы. А раз это будет достигнуто, то исчезнет расценивание труда как товара и вместе с тем исчезнет и самая система наемного труда. Результатом монополии труда будет то, что в то время, как спрос на изделия может испытывать колебания, предложение

труда будет устойчивым и постоянным. Каждый рабочий, входящий в ту или иную гильдию, будет иметь право на приличествующее содержание, и безработица будет лишь уделом тех, кто значится в резерве. Едва ли можно сомневаться в том, что нынешние трэд-юнионы должны стать зародышами новой системы. Но очевидно также, что они могут служить только зародышами, ибо в будущей системе новые экономические элементы должны быть координированы и приведены в гармоническую связь с монополией на труд.

В качестве переходных мероприятий могут быть рекомендованы два нижеследующих: 1) союзы ремесленные или узко профессионального характера должны превратиться в индустриальные, 2) все союзы одной и той же отрасли промышленности должны вступить на путь слияния или федерации между собою. Если присмотреться к истории рабочих союзов, то окажется, что со времени их возникновения произошли значительные изменения в этом именно направлении. И когда процесс объединения в вышеозначенном смысле завершится, то национальные гильдии станут совершившимся фактом.

Название «гильдии» вызывает в уме читателя представление о ремесленных организациях доброго старого времени, и действительно наблюдаются между ними родственные черты, хотя на ряду с этим имеются и существенные отличия.

Средневековые цехи питали любовь к свободе и служили оплотом против угнетения. Они объединяли хозяев-ремесленников и мастеровых, мастеров и подмастерьев, для содействия их промыслу и защиты их интересов. Они давали горожанину ту лич-

ную независимость, которую английский крестьянин приобрел другими способами. Замечательно, что в этих цехах об'единялись для общих целей как мастера, так и подмастерья. Но мастер того времени далеко не похож на нынешнего предпринимателя. Мастер средневековых гильдий означал человека, который был знатоком своего дела, принимал непосредственное участие в процессе производства и руководил работою подмастерьев и учеников, посвящал их в тайны своего искусства; они жили общезною жизнью и имели общие интересы. В настоящее же время мастером в узком смысле слова называют надсмотрщика, всецело подчиненного капиталу; место же ответственного распорядителя промышленности принадлежит людям, которые могут ничего не понимать в деле, но которые вкладывают в него капитал и нанимают труд. У этого современного «мастера», который является синонимом эксплуататора наемного труда, нет уже прежней общности интересов с рабочими, и они выступают, как антагонисты. Поэтому одной из особенностей новых гильдий служит то, что они, об'единяя все виды труда, не будут включать в свои ряды предпринимателей, дабы не расстроить духа внутренней солидарности. Вторая особенность заключается в том, что прежние гильдии носили узко-ограниченный, местный характер. Новые же гильдии должны носить национальный характер, об'единяя всю данную отрасль промышленности в целом, и их будет всего на всего едва ли более двух с половиною десятка (например, каменно-угольная, машиностроительная, хлопчато-бумажная, железнодорожная и т. д.). Система наемничества, салиариат, настолько жестока, разорительна и несправедлива, что она должна быть

уничтожена. Но как же это практически осуществить? Для этого имеется только один путь, он заключается в том, чтобы трудящимся дать монополию над их рабочей силой. Достигнуть же этого можно лишь организацией. Правда, организацией труда заняты трэд-юнионы, к которым принадлежит уже и теперь большинство рабочих, но только методы, которые ими практикуются в настоящее время, не соответствуют своему назначению и почти бесполезны. В то время, как барыши капиталистов выросли в огромных размерах, покупательная сила заработной платы идет вниз.

Трэд-юнионам необходимо реорганизоваться в направлении возможно большего расширения своего состава. Все статьи их уставов, говорящие об исключении или ограничении, должны быть устранены. Когда мастера доброго старого времени отделились от подмастерьев и образовали новый класс—предпринимателей, пробел между ними и рабочими заполнился новым общественным слоем, который называют средним. Этот класс слишком беден, чтобы примкнуть к предпринимателям, и слишком заражен духом подражания последним, чтобы примкнуть к рабочим. Он состоит из клерков и мелких торговцев; из него выходят учителя народных школ. Этот слой питает и поддерживает капитализм. И пока трэд-юнионы не откроют широко своих дверей для этих общественных элементов и не сделают их своими членами, они не могут рассчитывать на их поддержку и не могут создать монополии над рабочей силой. Чтобы обеспечить эту монополию, нужно создать один мощный союз или федерацию для каждой отрасли промышленности. И тогда вместо того, чтобы насчитывать 2½ миллиона членов, они

будут располагать армией в 15 миллионов человек.

Допустим, что означенные Национальные гильдии возникли и что в их руках находится монополия над рабочей силой. Куда им надлежит прежде всего обратить свое внимание, и за что приняться?

Во-первых, они должны, воздерживаясь от продажи труда, как товара, стать соучастниками в промышленном деле наравне с классом предпринимателей и государства. Вторая же и более трудная задача будет заключаться в том, чтобы пустить в ход промышленную машину, — предполагая, что ответственность национальные гильдии берут, конечно, на себя. Для достижения этого им необходимо располагать научными и техническими силами. Со стороны некоторых вожakov рабочих масс нередко можно услышать мнение, что они могут отлично обойтись без администраторов и техников. Современем, может быть, это и будет так, но в настоящем и ближайшем будущем они безусловно необходимы для успешного ведения дела. Поэтому гильдии должны открыть доступ в свои ряды также административно-техническому персоналу и поставить его в надлежащие условия. Что касается соучастия в промышленности, то оно может быть заключено, прежде всего, с нынешними предпринимателями. Можно условиться платить им ежегодно известное вознаграждение в течение определенного периода — частью в возмещение того реального имущества, которое перейдет к гильдиям, частью в виде платы за их опытность. Но само собой разумеется, это не может продолжаться очень долго. Обеспечить уплату дивидендов и процентов можно только при существовании института заработной платы. Раз система наемного труда исчезнет, то составление фонда для

означенной цели будет становиться все более и более затруднительным.

Далее возникает вопрос, каковы должны быть отношения с государством. Государство должно быть только поверенным в делах (*trustee in the matter*), сохраняя за собою номинально собственность на землю, средства производства и другое имущество и предоставляя затем их на известных условиях в пользование национальным гильдиям. Взамен этого последние должны, конечно, взять на себя покрытие соответствующей доли государственных расходов. Так как деятельность этих гильдий представляет существенный, жизненный интерес для всего общества в целом, то государство должно иметь своих представителей в исполнительных органах гильдий.

Теоретики нового направления любят называть себя представителями конструктивного или созидательного социализма, но при этом трудно отделаться от впечатления, что эта конструктивность является какой-то искусственной. Новый строй мыслится не как логическое завершение тех форм экономического строительства, которые сложились в недрах капиталистического режима на известной ступени его развития, а появляется как некий *deus ex machina* в классических трагедиях.

В своей брошюре «Нищета философии» Маркс метко указал, что главная ошибка Прудона и его предшественников заключается в том, что они «искали науку в собственных головах», изобретая одну систему за другой; между тем от теоретиков нового общественного движения требовалось иное: «Им нужно было только отдать себе отчет в том, что совершается на их глазах, и стать выразителями дей-

ствительных событий», т. е. другими словами—главное отличие утопического социализма от научного, по мысли Маркса, заключается в том, что представители первого стремятся к изобретению систем, а второго—к систематизации опыта. Но выразителями какого реального процесса являются теоретики национальных гильдий; систематизацией какого опыта служит их построение?

Как уже было отмечено выше, они рассчитывают опереться на современные трэд-юнионы и склонны видеть именно в них зародыши будущих национальных гильдий. Это сближение, однако, едва ли имеет под собою твердую почву. Профессиональные союзы представляют собою, правда, очень мощные организации, но с определенными, прочно сложившимися функциями: своей главной задачей они считают охрану интересов наемного труда и в управлении промышленными предприятиями не участвуют; национальные же гильдии по замыслу их творцов являются организаторами и руководителями производства. Это—организации двух совершенно различных типов, и вторая начинается лишь там, где кончается первая. Поэтому из того факта, что профессиональные союзы успешно справляются с задачами охраны и регулирования труда в предприятиях, организуемых и руководимых кем-то иным, никак не следует, что их деятельность будет так же успешна и в том случае, если эти предприятия перейдут в их руки. Это—логический скачок мысли, а не мышление согласно законам логики.

В России в 1918—20 г.г., по условиям времени, профессиональные союзы были привлечены к управлению промышленностью. Но с весны 1921 г., в связи с новой экономической политикой, союзы

отошли от непосредственного управления промышленными предприятиями.

«Быстрейший и возможно более прочный успех в восстановлении крупной промышленности—говорится в постановлении Центр. Комитета Российской Коммунистической Партии начала 1922 г.—есть условие, без коего немыслим успех всего дела освобождения труда от ига капитала, немыслима победа социализма, а этот успех, в свою очередь, требует безусловно в современной российской обстановке сосредоточения всей полноты власти в руках заводоуправлений. Эти заводоуправления, составленные по общему правилу на началах единоличия, должны самостоятельно ведать и установлением заработной платы, и распределением дензнаков, пайков, прозодежды и всяческого иного снабжения, на основе и в пределах заключенных с професс. союзами коллективных договоров и при максимальной свободе маневрирования... Всякое непосредственное вмешательство професс. союзов в управление предприятиями при этих условиях должно быть признано безусловно вредным и недопустимым»¹⁾).

Теоретики гильдейского социализма ссылаются затем на опыт средневековых ремесленных гильдий, которые в течение многих столетий играли огромную роль в жизни городов и руководили судьбами промышленности. Но между этими двумя организациями — дистанция огромного размера. Средневековые гильдии или цехи были объединениями мелких самостоятельных производителей — ремесленников. Национальные же гильдии должны объединять в одно целое местные производственные ассо-

1) „Петр. Правда“, 1922 г., № 14.

циации рабочих, ведущие крупное производство на основе коллективного труда. Так как в средние века мелкое самостоятельное ремесло было вполне устойчивой и жизнеспособной формой производства, то нет ничего удивительного, что их объединения между собой приобрели большую силу и влияние. И если бы в наше время производительные рабочие ассоциации, ведущие крупное производство на основе коллективного труда, могли похвастать такой же устойчивостью и жизнеспособностью, какой обладали в средние века мелкие ремесленники, то и национальные гильдии не в той, так в другой форме несомненно могли бы рассчитывать на успех. Но теоретики гильдейского социализма рассуждают совершенно иначе и ход мыслей у них совсем иной. Они думают, что стоит только организовать труд в национальном масштабе—и социальный вопрос решен.

Обращает на себя внимание затем еще следующее обстоятельство. Как уже указывалось выше, между средневековыми цехами и национальными гильдиями имеется большое различие; но у них есть и кое-что общее: это именно стремление к монополии для своих членов в деле использования их рабочей силы. Но такая монополия, поскольку она вытекала не из факта организованности, а носила искусственный характер, опираясь на силу дарованных государственной властью привилегий, привела к тому, что цеховая система стала тормозом на пути экономического развития, препятствуя распространению новых методов и форм производства, и французская революция смела ее, как устаревший и вредный пережиток. И если апостолы нового направления социалистической мысли хотят начать с того, чем кончили средневековые цехи, то это едва ли

может служить хорошим предзнаменованием для будущей их системы.

Нельзя упускать из виду также следующего важного обстоятельства. Исключительность цехов в значительной мере смягчалась тем, что они носили местный характер. Ремесленнику, который не находил себе простора в одном городе, предоставлялась возможность попытаться счастья в другом. Национальная же гильдия мыслится, как объединенная организация, власть которой простирается на всю отрасль промышленности в пределах целой страны. Никто не может взять такую работу и на таких условиях, которые не одобряются ею. Национальная гильдия действительно становится всемогущей, но члены ее превращаются как бы в крепостных. Коль, Гобсон, Россель и др. много говорят о чувстве радости труда, самоопределении и свободе творчества, которых не хватает теперь рабочим и которые обеспечиваются им в будущем. Но система национальных гильдий, построенных на принципе монополии, не включает в себе необходимых для этого условий и гарантий. И можно опасаться, что простора для свободы инициативы и самоопределения будет при ней едва ли больше, нежели теперь. А так как от этих условий теснейшим образом зависит производительность труда, то гильдейский социализм нужно признать малопроизводительной системой.

Можно думать поэтому, что гильдейский социализм или скоро сойдет со сцены, лишь только утратит интерес новизны, или будет эволюционировать в сторону сближения с кооперативной системой. И некоторые признаки этого наблюдаются за последнее время. Летом 1920 г. окружным Лондонским советом профессионального союза строительных рабо-

Чих постановлено было создать местную гильдию, которая охватывала бы всех строительных рабочих столицы, где их насчитывалось 50—60 тысяч. Гильдия должна быть зарегистрирована, как общество с ограниченной ответственностью под фирмой «Guild of Builders». Первой и непосредственной задачей ее является: 1) производство работ, необходимых для постройки домов, в которых так настоятельно нуждается население, и при том с возможно меньшими издержками; 2) выполнение работ, производимых каменщиками, малярами и подрядчиками; 3) добывание всех необходимых материалов для постройки, выполнение работ торговца, фабриканта и перевозчика, а также всяких иных, которые будут признаны полезными или необходимыми для достижения намеченной цели. Приглашение к вступлению в члены гильдии обращается не только к строительным рабочим в собственном смысле слова, но и ко всем техникам, механикам и специалистам в области организации и управления, имеющим близкое отношение к строительному делу. Каждый член гильдии должен состоять одновременно членом профессионального союза, и все руководство делами находится в руках их обоих. Во главе стоит комитет, в выборах которого принимают участие следующие организации: 1) профессиональные союзы, принадлежащие к окружному совету национального союза строительных рабочих, и 2) всякие иные объединения и группы лиц физического и умственного труда, признанные комитетом. Каждый профессиональный союз или признанная группа работников выбирает по одному члену в комитет, которому предоставляется назначать и увольнять всех руководителей и управляющих; последние, в свою оче-

редь, ответственны перед комитетом за подведомственных им рабочих и служащих. Каждому члену обеспечивается в качестве минимума заработная плата, которая является обычной в данной отрасли и местности. Для составления капитала выпускаются акции стоимостью в один шиллинг, при чем каждый член должен взять по меньшей мере одну такую акцию. Прибыль обращается не на выдачу дивиденда, а частью предназначается на улучшение условий труда путем усовершенствования техники, частью — в запасный фонд, частью на техническое образование или—в случае необходимости— на погашение займов.

Подобная же гильдия образовалась в Манчестере, при чем она рассчитывала получить от местного муниципалитета ссуду и заказ на постройку до 2000 небольших домов.

Как видно отсюда, при постановке вопроса на практическую почву гильдейский социализм подвергся значительному изменению. Здесь нет уже речи ни об организации дела непременно и сразу в национальном масштабе, ни о монополии труда, ни об овладении средствами производства путем прямого вмешательства государства.

Лондонская и Манчестерская строительные гильдии—это не что иное, как своеобразные рабочие артели, организуемые при участии профессиональных союзов. Но эта форма сама по себе не есть нечто совсем новое. Во Франции с 1896 г. существует стекольный завод в Альби, организованный после неудачной стачки в Кармо рабочей артелью при содействии местного профессионального союза. В самой Англии идея «самоуправляющихся мастерских» была выдвинута еще в конце сороковых го-

дов, а затем в шестидесятых и семидесятых годах было сделано не мало попыток привлечь к организации фонды трэд-юнионов. Тогда они не имели успеха, но это не значит, что им суждено остаться безуспешными и теперь.

Главнейшие этапы развития и современное состояние артельного движения в России.

Следы существования в России каких-то объединений среди работающих по найму теряются в глубокой древности.

Одно из известий 12-го века указывает, что строительные рабочие организовались иногда в «братии», а в следующем столетии встречается указание, что «братство» присуще и другим ремесленникам—напр., кузнецам, ливцам, древоделам и т. д. В 1420 г. тисковичи «наняша мастера Феодора и дружину его побивати церковь». В других источниках неоднократно упоминается о старейшинах древоделских¹⁾. К сожалению, нам ничего не известно о характере внутренних отношений между этими старейшинами и членами братства, между мастерами и их дружинниками: были ли первые выборными старостами самостоятельных артелей или же подрядчиками, собирающими рабочих по найму на свой страх и риск.

Более подробные данные появляются лишь с конца 16-го века и они показывают, что наемные рабочие нередко объединялись в различного рода

1) Вл. Юл. Гессен, К истории ремесленного труда в древней Руси («Архив истории труда в России», книга четвертая).—Н. Аристо в. Промышленность древней Руси (1866г.).

артели. На существование плотничьих артелей указывают две записи о постройке и починке мостов, заключенные разными крестьянами с казначеем Вязицкого монастыря в 1598 г., а также запись, в которой Верхотурские ямские охотники обязывались казенным целовальникам сделать в казну два дощаника. Кроме условий о наемной плате в документах содержится оговорка со стороны плотников, что в случае неисполнения взятых на себя обязанностей они подвергаются пени, что государь укажет, а работу должен все-таки окончить тот, кто из них будет в наличности.

Об артелях ярыжных, весьма схожих с позднейшими бурлаками, говорят две записи, относящиеся одна к 1642 и другая — к 1653 г. Обе они представляют собою поручные, взятые Василием Обросимовым из Лыскова (Нижегор. губ.), который называет себя в первой записи приказчиком, а во второй — торговым человеком по ярыжных, обязавшихся ему итти в тягу на Астраханском судне от г. Самары вверх Волгою до Лыскова, а по второму акту — нагрузить его струг запасами и товарами в Лыскове и отсюда ехать на струге вниз по Волге в Астрахань. Ярыжных по первому акту значилось 6 человек и все они приняты за поруками; по второму же — 8 человек, принятых также с поруками, но из поручившихся двое — сами ярыжные, нанявшиеся к хозяину в том же струге. Наемной платы дано первым по 3 рубля и по 4 руб. без 10 алтын на человека; сверх того, они должны были получать «готовый хлеб и харчи»; о наемной плате вторых — сведений в акте не уцелело, но «на хлеб и вологу» они уговорились получать по одному рублю на человека. Часть наемной платы взята

была теми и другими вперед, в задаток, а остальную сумму они должны были получить по выполнении договора. В случае неиспользования кем-либо из ярыжных своих обязанностей, воровства или бегства, за него отвечают поручители возмещением понесенных хозяином убытков и, сверх того, за выданный задаток — вдвое. С другой стороны, хозяин не в праве делать вычеты за лыки, канаты и пр. или заставлять ярыжных выгружать из хозяйского судна соль и рыбу, а если судно не дойдет до Лыскова по случаю заморозков, то ярыжные получают условленную плату сполна. А в случае болезни хозяин обязан привезти ярыжного в город, но больной должен нанять за себя человека в тягу¹⁾.

В некоторых случаях среди судорабочих образовывались более обширные и прочные объединения, проводившие энергичные меры, вплоть до об'явления стачки, для защиты своих интересов. Так, сохранилась запись от 15 марта 1653 г., в которой 20 нижнесухонских носников (лоцманов) заключили между собой договор, чтобы «промеж собою в судовом деле друг за друга стоять и не подавать ни в чем»; а если местные власти «не по делу станут в тюрьму садить на Тотьме и на Устюге, и нам, носникам, друг за друга стоять и стоять за один человек, и в обиду не давать, и государю бить челом; и нам, носникам, докамест не выпустят из тюрьмы, на судах не ходить, ни плавать» и, выбрав из своей среды ходока, бить челом государю в воеводских обидах. «А буде который из нас, носников, не станет друг за друга стоять и в тоя поры начнет на судах ходить и плавать, в кою пору носники в

¹⁾ Н. Калачов, Артели в древней и нынешней России (1864 г.), стр. 8.

тюрьме сидят, и на нем взять в братью пятьдесят рублей денег. А в те поры государевых казенных судов нам, носникам, не держать ни вниз, ни вверх, и свои братья носников отпущати на те казенные суда на Меженские на осенние, опричь вешних сплавов, ладей и дощаников, которые лады и дощаники с хлебом и с иным товаром поплывут в весну».

Это соглашение не осталось только на бумаге. В начале летней навигации 1655 г. иноземец Вахрамей Петров отправился из Москвы в Архангельск со своим товаром на собственном дощанике. В Вологде он нанял тотемского носника Якунку Жукова плыть Сухоною до Великого Устюга. Но когда судно дошло до Тотьмы, оно было задержано вышеупомянутой артелью носников, которые сняли Жукова с работы и даже подали жалобу на него воеводе. С своей стороны, Вахрамей Петров также пред'явил обвинение, что носники оставили его в Тотьме без лоцмана и тем причинили большие убытки как ему, так и казне. Обнаружив из жалобы сторон существование формального соглашения или записи — у носников, воевода распорядился положить ее «перед себя в с'езжей избе, какая у них та заодиначная запись, и нет ли у них каково заводу». Однако, носник Васька заявил, что «такая-де заодиначная запись за руками у него есть, только-де не положит (ее); потому что на него, Ваську, у товарищей его крепость есть, только-де товарищи ему велят положить—и он положит». Чем кончилось дело, остается неизвестным.

По мнению комментатора ¹⁾ «очевидно, носники считали своим правом как сплачиваться в артель,

1) Андр. Введенский, Заметки по истории труда на Руси 16—17 в. („Архив истории труда в России“, книга третья).

так и защищать общие интересы артели организованной стачкой. Это право могло вырасти из бытовой практики самоуправляющихся мирских союзов Поморья, в социальной жизни которого можно отыскать достаточно примеров к привычке действовать солидарно и сообща».

Существование артелей, как бытового явления, не подлежит оспариванию; но другое дело — проведение организованной стачки. Из того факта, что воевода обратился за инструкциями в Москву, можно скорее сделать противоположное заключение, что дело это было новое и на практике еще не встречалось...

Из других свидетельств отметим еще рядную запись Ив. Коробова, заключенную в 1695 г. с артелью в 30 человек, которые нанялись итти на его струге с товаром из Нижнего Новгорода вверх по Оке до г. Калуги. Подобных записей в бумагах торгового дома Коробовых было несколько, что говорит о широкой распространенности этого явления. Артели, очевидно, вполне справлялись со своей задачей, так как при разборе дел не обнаружено никаких претензий со стороны отправителя товаров¹⁾.

Существовали также артели среди каменщиков, как об этом можно судить по одному договору, относящемуся к 1686 г. В нем 14 человек монастырских и помещичьих крестьян разных селений Ярославского и Костромского уездов обязывались сделать у колокольного мастера Моторина в Москве два погреба с жилыми наверху палатками, сенями и крыльцами.

¹⁾ Калужские Губернские Ведомости, № 30 за 1872 г. — Рядная запись рабочей артели 17 столетия.

В течение долгого времени существование артелей определялось обычным правом или договорами. Самое раннее упоминание об артелях в правительственных актах мы встречаем в указе 8 апреля 1684 г. о неприеме пришлых и гулящих людей без поручных записей. «А буде чьи люди и крестьяне придут для найму в работу с Красныя ж площади, не являсь помещиком и вотчинником своим, и тем велеть записываться в Земском же приказе самим артельми по именом». Затем в конце 18-го века появляются первые попытки законодательного их регулирования.

Согласно Уставу о цехах, утвержденному 12 ноября 1799 г., последние по свойству их занятий разделяются на три рода: 1) по мастерствам и рукоделиям — на ремесленные, 2) на служилые и 3) на рабочие цехи¹⁾.

К первой группе относятся преимущественно ремесленники, работающие в особых мастерских (хотя могущие иногда наниматься на фабрики и заводы), а ко второй — лица, служащие по личному найму (лакеи, камеристки, кучера, повара и т. п.). К рабочим же цехам принадлежат те, кто производит за условленную плату такие работы, для отправления коих особые мастерские учреждать нет надобности, или кто промысел свой на открытом воздухе отправляет. Сюда относятся штукатуры, плотники, печники, носильщики, черные работники, каменщики, дрягили, крючники, купора, мостильщики и землекопы, огородники, ночные чистильщики и тому подобные, а для лучшего порядка каждый из них по различию их работ «в особенном виде учре-

¹⁾ Первое полное собрание законов, № 19187.

ждать» долженствует». Сверх того в законе упоминается еще о цехе присяжном, браковом и цехе приказчиков или лавочных сидельцев.

Законом 1799 г. имелось в виду создать для чернорабочих и целого ряда отраслей квалифицированного труда особый цех во главе с управой, которая должна вести регистрацию спроса и предложения на рабочие руки, оказывать защиту рабочим, наблюдать за выполнением ими своих обязанностей и т. д. Однако, на практике из этого ничего не вышло, ибо уже указом 12 февраля 1802 г. было постановлено «сбор с рабочих и нанимающихся в услужение людей, тягостный для народа, сколько по существу своему, столько и по образу взимания его и по состоянию сих людей, в обеих столицах отменить», а равно отменить и самую запись их в рабочих и служебный цехи ¹⁾.

В более счастливом положении оказались отрасли труда, связанные с водным транспортом. Здесь, как уже упоминалось выше, издавна существовали артели ярыжных или бурлаков, занимавшиеся перевозкой грузов и людей на речных судах. С развитием у нас морского судоходства этот обычай стал проникать и сюда, ограничиваясь, впрочем, только наиболее подходящими для объединения отраслями. Так, напр., для нагрузки и выгрузки кораблей в Петербургском и Кронштадтском портах издавна существовали особые общества мастеровых, известных под именем штуров. Занимаясь снабжением шкиперов приходящих из-за границы судов рабочими людьми и домкратами, эти общества настолько окрепли, что стали даже стремиться к

¹⁾ Первое полное собрание законов, № 20143.

монополии, чем вызвали многочисленные жалобы заинтересованных лиц, которые побудили правительство к вмешательству. Положением 24 марта 1830 г. и 29 сентября 1831 г.—§ 3—обществам штуров вменено было в обязанность всегда предоставлять, за плату в три рубля за подневного рабочего, для нагрузки и выгрузки коммерческих судов потребное число рабочих людей безостановочно, но вместе с тем—§ 6—дозволялось шкиперам (в большинстве это были иностранцы) нанимать рабочих и домкраты также у других людей по вольной цене или производить погрузку своими людьми.

Тогда кронштадтские мастерские подали всеподданнейшее прошение: имея обязанностью предоставлять на летнее время полное число рабочих, они терпят подрыв от вольных, у которых шкипера помимо них нанимают рабочих людей и домкраты. Так, в течение навигации 1830 г. у них ежедневно оставалось от 100 до 200 человек без работы—всего они дали от себя 64.523 человека, а шкиперами нанято было 31.893 человека (считая по дням). В виду этого они просили отменить § 6.

Кронштадтский генерал-губернатор поддержал эту просьбу, но интересы иностранной коммерции одержали верх, и указом 13 декабря 1832 г. отменен был не § 6, как просили мастерские, а § 3, на чем вовсе не настаивали иностранные консулы¹⁾.

В Архангельске также издавна существовали артели лоцманов и драгилей, деятельность которых выражалась в обслуживании приходящих морских

1) Второе полное собрание законов, №№ 3554, 4837 и 5824.

судов¹⁾. При издании в 1830 г. правил о торговом судостроении и мореходстве местному начальству было предоставлено учреждать в азовских, черноморских и дунайских портах цехи «вольных матросов». Мысль эта была выдвинута начальником Новороссийского края кн. Воронцовым, который стремился, путем образования из прибрежных жителей особого сословия матросов, создать отечественный каботаж и освободиться от иностранных судов. Однако, желающих вступить в эти цехи оказалось очень немного, и тогда правилами 26 января 1834 г. были установлены уже более значительные льготы. Мещане и государственные крестьяне, записавшиеся добровольно в морские цехи в городах Алешках и Никополе, освобождались от платежа податей, земской повинности, военного постоя и рекрутчины—с тем, чтобы из них половина молодых людей, имеющих от роду от 15 до 20 лет, а из женатых и тех, которые имеют от 20 до 35 лет, десятый человек поступал в черноморский военный флот сроком на пять лет; в дальнейшем же ежегодно поступают во флот по одному человеку от 20 душ. Поступившие таким образом из цехов во флот люди должны были размещаться на транспортных судах, служба на которых ближе подходит к службе на купеческих судах. По окончании этого стажа каждый матрос получал патент на звание «опытного матроса», служащий ему и паспортом, с которым он мог отправиться в плаванье и за границу.

В 1835 году в означенные цехи записались 1.143 души, из которых 120 человек поступили на пятилетнюю службу в Черноморский флот. Получив

¹⁾ Сборник материалов об артели в России. Вып. I (1873 г.)

отзыв морского начальства, что они оказали хорошие успехи в изучении морского дела, Воронцов возбудил ходатайство о дозволении учредить цехи вольных моряков и в других местностях, прилегающих к Днепру и Азовскому морю, на что последовало в 1837 г. разрешение, распространенное затем на черноморские и дунайские порты. В 1853 г. ревизских душ вольных матросов насчитывалось уже 12.925, а число поступивших на пятилетнюю службу повысилось до 353¹⁾.

Около этого же времени новый главноуправляющий путями сообщения Толь, совершив поездку по Волге, обратил внимание на частые случаи побегов бурлаков в пути, а также на то, что они не обнаруживают охоты защищать судно, когда двое-трое вооруженных людей нападают, чтобы ограбить судовладельца. Объясняя это тяжелым материальным положением бурлаков, Толь выработал проект урегулирования вопроса. По его мысли, на каждом судне рабочие должны составлять артель, которая, с одной стороны, является материально ответственной перед судовладельцем за поступки всех ее членов, а с другой—заботится о них в случае нужды. На ряду с возложением на артель ответственности за поведение всех входящих в нее членов ей предоставлялось право налагать штрафы на своих членов и даже подвергать их телесному наказанию; вместе с тем, в ее распоряжение поступают известные средства—в виде штрафов, налагаемых на судовладельцев за неисполнение законов: это рассматривалось как компенсация артели на случай, если ей

1) А. Путилов. Цехи вольных матросов в Новороссийском крае. «Архив истории труда в России», книга вторая).

придется понести убыток вследствие побега рабочих, за которых она должна была рассчитываться с хозяином, или вследствие болезни товарищей, лечение коих также падало на ее счет. Министр внутренних дел отнесся отрицательно к проекту Толя, указывая, что судовые команды состояются из людей различных местностей, не знающих друг друга и ничем взаимно не связанных; нельзя поэтому обязывать рабочих ручаться друг за друга и заставлять невинного отвечать своим имуществом за виновного. Оздоровить же ту атмосферу, в которой происходит наем бурлаков и протекает их работа, может только одобрение или поручительство со стороны общества или помещика, которым принадлежат нанимающиеся рабочие.

Соединенные департаменты законов и экономии государственного совета также стали на ту точку зрения, что учреждение артелей с круговой порукой не желательно, так как, если право найма рабочих и распределения их по баркам принадлежит судовладельцу, то невозможно заставить рабочих материально отвечать друг за друга перед хозяином,—ведь обычно артели образуются в целях удешевления и удобства продовольствия без всякой ответственности одного за другого перед хозяином за неустойку или побег рабочего; рабочим надо лишь позволить учреждать артели, но никак не обязывать их к этому, или же в видах поощрения установить некоторые преимущества для хозяина и рабочих, добровольно организующихся на артельных началах.

Но в это время Николай I при своей поездке по Волге лично заинтересовался вопросом о положении бурлаков и заявил, что каков бы ни был законопроект, необходимо «учредить на судах надзор за

судорабочими, возложив сие на них самих и обязав их круговую друг за друга ответственностью». Эта резолюция дала перевес точке зрения Толя и помогла ему преодолеть оппозицию министерства внутренних дел и государственного совета. Последний, после внесения некоторых поправок в законопроект, согласился (1 марта 1837 г) принять идею принудительного составления артелей¹⁾.

Следы этой идеи принудительного объединения рабочих мы находим также в положении 1838 г. о частной золотопромышленности в Сибири. Так как на золотых промыслах очень часто были случаи неявки взявших задаток лиц на место работы или побега с приисков, то для борьбы с этим были приняты следующие правила. Если из одного селения, волости или города нанималось несколько человек, то им вменялось в обязанность отправляться на работу артелями, избрав в каждой из них на весь путь для сохранения порядка старосту с двумя или более помощниками и вручив ему свои паспорта с круговою порукою в том, что рабочие не будут отлучаться от артели и будут повиноваться старосте. Артельный староста имел право, по совещании с помощниками, наказывать за всякое буйство рабочего, принадлежащего к его артели, применяясь к постановлениям об артельной расправе на приисках. По прибытии на место работы каждый нанявшийся должен был отдать свой паспорт промышленнику и взамен его получить расчетный лист. Если с нанимателем не заключено явочного договора, то по крайней мере в этом листе должны быть кратко

¹⁾ Юлий Гессен, Бурлаки в первой половине 19 века („Архив истории труда в России“, книга вторая).—Второе полное собрание законов, № 9818.

означены условия с промышленником. Для сохранения порядка между рабочими и для большего удобства в производстве хозяину дозволялось разделять рабочих на новые артели, при чем в каждую из них он назначал от себя старосту, а рабочие с своей стороны—двух выборных. Этой артельной расправе с ведома промышленника или его приказчика предоставлялось право «умеренного домашнего исправления» рабочих, составляющих артель; она имела право по словесному постановлению наказывать ленивых, нетрезвых, виновных в запрещенной карточной или иной игре, буйных или пытавшихся бежать — навлечением на них работ, удержанием в пользу артели части заработной платы и даже, смотря по вине и последствиям поступка, розгами в количестве не более ста ударов. По окончании расчета рабочим предписывалось: безостановочно следовать в места их жительства такими же артелями, как они обязаны отправляться на работы¹⁾.

Как видно отсюда, закон 30 апреля 1838 г. идет уже далее закона 1 марта 1837 г.: судорабочие должны были обязательно составлять артели только уже на месте исполнения работ, при отправлении же с места жительства им только рекомендовалось делать это; по отношению же к золотопромышленным рабочим начало принуждения проведено от начала до конца, т. е. с момента выхода нанявшихся людей до их возвращения домой.

Но целью этих артелей было не содействие общими силами материальному и духовному благосостоянию своих членов, а лучшее обеспечение за-

¹⁾ Второе полное собрание законов, № 11188.

ключенного ими контракта. Это было, таким образом, объединение в интересах не самих собственно рабочих, а их нанимателей, и потому комиссия, образованная в конце шестидесятых годов для пересмотра положения о частной золотопромышленности, нашла, что им должно быть присвоено название не артели, а партий, ибо слово артель «неприменимо к обществам, составляемым принудительно». Практическое значение этих объединений остается к тому же невыясненным, ибо случаев материальной ответственности одних рабочих за побеги или неисправности других не удалось установить.

В 1846 г. несколько вольных русских шкиперов, штурманов и матросов Петербургского и Кронштадтского портов обратились в министерство финансов с просьбой об учреждении в Петербурге, по примеру других наших портов, цеха вольных русских штурманов и матросов на следующих основаниях: а) в цех надлежит принимать одних русских экзаменованных шкиперов и штурманов и только русских матросов; б) хозяевам купеческих судов Петербургского и Кронштадтского портов вменить в обязанность составлять экипажи из мореходов цеха, дозволяя лишь при неимении их принимать иностранцев, и в) для поощрения к поступлению в вольные матросы предоставить некоторые облегчения; этим устранится для русских мореходцев затруднение в приискании себе мест на судах наших, на которых по большей части начальствуют иностранные шкиперы, составляющие экипажи преимущественно из своих единоземцев.

Министерство финансов выработало соответственный проект устава. Согласно проекту, все

шкипера, штурманы и матросы обязаны записываться в цех; ежегодный взнос определялся для шкиперов в 6 руб. сер., штурманов—3 и матросов—1 руб. Число русских матросов в цехе устанавливалось каждые пять лет петербургской городской думой вместе с биржевым комитетом соответственно потребности и с утверждения гражданским губернатором. Иностранцы допускались до 1851 г.—согласно изданным уже ранее законам—в количестве $\frac{1}{3}$, а после этого—не более $\frac{1}{4}$. Но проект был оставлен без исполнения, так как, «не представляя пользы для торгового мореплавания, он мог бы послужить к стеснению оно́го»¹⁾.

В это время правительство вновь вернулось к мысли об учреждении служебных и рабочих цехов, которые были уже намечены указом 12 ноября 1779 г., но затем приостановлены в 1802 г. По новому положению (13 февраля 1846 г.), служебные и рабочие цехи должны состояться из всех людей, промышленяющих в городе всякими видами наемных работ и услуг, а именно: 1) домашней прислуги всякого наименования, 2) служителей в промышленных заведениях и 3) чернорабочих, кроме прибывающих на время. Вступление в цех совершается самым простым образом без предвари-

¹⁾ Архив м-ва внутренних дел, хозяйств. д-т, 1 ст. 2 гор. отд. № 105 за 1846 г.—Подобная же судьба постигла проект учреждения в Астрахани общества или цеха вольных матросов, представленный в конце 1854 г. местным генерал-губернатором в министерство внутренних дел. После длинной ведомственной переписки советом министерства государств. имуществ было высказано мнение, что надо приостановить разрешение этого дела впредь до окончания общего рассмотрения вопроса об основаниях для учреждения цехов вольных матросов на будущее время, ибо в настоящем своем виде они «не принесли всей ожидаемой от них пользы». Архив хозяйств. д-та, 1 ст. 2 гор. отд., дело № 235 за 1854 г.

тельного разрешения цеха, по распоряжению его непосредственного начальства. Вследствие этого приписавшийся отвечает лично за исправность платежа податей и исполнения других повинностей, без всякой в том ответственности со стороны цеха ¹⁾. Цехи могут быть подразделены на артели, которые состояются не менее, чем из десяти человек, с ведома и разрешения цехового начальства, из людей, имеющих однородное занятие и принимающих круговое друг за друга ручательство, по примеру издавна существующих биржевых артелей ²⁾. Предполагалось приступить к немедленному открытию означенных цехов в столице, распространяя затем постепенно это «новое учреждение» и на прочие города.

Но практически и на этот раз дело не подвинулось вперед. Если цехи ремесленников успели все же получить большее или меньшее распространение, то служилые и рабочие цехи остались лишь на бумаге ³⁾.

Только в провинции кое-где возникали цехи трубочистов, которых настойчиво требовало министерство внутренних дел в целях борьбы с пожарной опасностью. Соответственный циркуляр был разослан министерством еще в 1837 г., но действие его было очень слабое. В Вятской губ. отмечено к началу 50-х годов существование цехов трубочистов без всяких уставов в Вятке, Слободском, Сарапуле и Орлове; в Тверской губ. — в Твери,

¹⁾ Второе полное собр. законов, № 19721.

²⁾ Архив м-ва внутренних дел, хозяйств. д-т, 1 ст. 2 гор. отд., № 77 за 1846 г.

³⁾ Цехи в Москве по данным 1856 г.—см. «Архив истории труда в России», кн. 3, стр. 155.

Торжке и Ржеве, в прочих же городах «по малому числу мастеровых учреждение цехов оказывается затруднительным».

Под влиянием напоминания из министерства местное начальство распорядилось подтвердить городским думам и магистратам непременно в месячный срок учредить цехи, где их нет, по всем мастерствам, присоединяя ремесленников, в случае недостаточного количества их, к родственному цеху, с установлением для каждого из них особых обрядов¹⁾. Но едва ли это имело какое-нибудь отношение и значение для служащих и рабочих людей, занятых вне ремесленных мастерских.

В конце 1859 г. отставным канцеляристом Петровским был представлен министру внутренних дел проект устава общества рабочих людей при С.-Петербургском порте под названием С.П.Б. Биржевая артель. В пояснительной записке автор сообщал, что при существовании в порте 25 биржевых артелей, управляемых домашними постановлениями, составленными частными лицами и правительством не утвержденными, постоянно возникают между членами несогласия, раздоры и даже обиды, а это—от того, что в постановлениях включены такие условия, которые противны не только народному духу, но и существующим законам. Например: в 14 пункте постановления Московской биржевой артели (29 дек. 1858 г.) сказано, что «на решения общего собрания артели члены ее обязываются жалоб не приносить и судебным местам таковых не принимать». Где же после этого обиженному искать защиты, как не у закона в судебных местах? Между

¹⁾ Хозяйств. д-т, 1 ст. 2 гор. отд., дело № 214 и 215 за 1851 г.

тем, артельные постановления обязывают даже и судебные места жалоб не принимать, хотя на основании закона артельщики могут разбираться Коммерческим судом. В Петербургском порте насчитывалось 25 артелей и в них около 2.000 членов (от 50 до 140 чел. в каждой). Все эти артели проект имел в виду объединить в одну организацию, подчинив изданным от правительства правилам, которые определяли бы как взаимное отношение членов, так и вообще всю деятельность общества. Однако в министерстве проект не встретил сочувствия, так как согласно закону «под артелями разумеются совершенно свободные общества, устройство которых вполне предоставляется взаимному соглашению членов» ¹⁾.

В Москве насчитывалось к этому времени (по сведениям Калачова) девять биржевых артелей с числом членов от 25 до 110 в каждой, при чем, если временно встречалась надобность в людях, то по усмотрению старосты нанимались рабочие из посторонних, за которых артель ручалась, как за своих.

Как видно из изложенного, трудовые артели выполняли функции частью обществ взаимопомощи, частью профессиональных союзов, которые организовывались рабочими на Западе. Но неблагоприятные условия крепостного режима мешали им получить надлежащее развитие и возвыситься до роли учреждения, сосредоточивающего на себе внимание и надежды широких рабочих масс.

Падение крепостного права привело к значительному оживлению артельного движения. Освобождение труда и уничтожение обязательных отно-

¹⁾ Хозяйств. д-т, дело № 64 за 1860 г.

шений подняло дух личной инициативы в трудящихся и увеличило стремление к изысканию новых средств для улучшения своего положения. Вместе с тем, среди передовых элементов нашего общества зародился определенный интерес к идее кооперации и появилась литература, пропагандировавшая необходимость ее применения во имя избежания ужасов пролетаризации населения, испытываемых на Западе. Поэтому, хотя капитализация народной промышленности не переставала идти своим, все усиливавшимся темпом, сфера приложения артельного начала стала все же более широкой и разнообразной. Некоторые старые формы (напр., артели бурлаков и чумаков) под влиянием изменения бытовых условий вымирают, но наряду с этим появляются новые.

Вместо обязательных объединений, требуемых законом 1838 г., на Сибирских золотых промыслах, по словам В. Семевского¹⁾, стала распространяться в первой половине 60-х годов разработка приисков старателями-золотниками, частью в виде самостоятельных артелей, частью в виде артелей, содержащих подрядчиками. В 70-х и 80-х годах эта система развилась еще более. С обеднением и измельчением золотых приисков явилось стремление к возможно большей экономии, и подобные артели, сокращающие расходы по содержанию многочисленной администрации, и создающие особую заинтересованность рабочего в результатах его труда, служили хорошим средством для этого. По закону артели должны были состояться не менее, чем из

¹⁾ Рабочие на Сибирских золотых промыслах. Т. 2 (1898 г.). Гл. IX.

10 человек, но состав их обыкновенно колебался от 4 до 8, встречалось иногда и по два человека. За все свои работы, как подготовительные (отвод воды, вскрытие торфа и пр.), так и непосредственно по добыче и промывке золота, артели старателей получали вознаграждение с золотника. Несмотря на свойственный им риск, золотничные артели представляли для многих большую привлекательность. По словам одного автора (Пантелеева), «кто стал ходить на золотники, тот уже редко возвращается на общие работы, каковы бы ни были превратности золотничной работы». Работая самостоятельно, рабочий чувствует себя свободнее, изменяется даже его способ держать себя и говорить с начальством. Так как золотничные работы требуют от своих членов сметливости, осмотрительности, то замечено, что рабочие сильные и беспечные предпочитали оставаться в разряде общеконтрактных, где работа тяжелее, но не было нужды ломать себе голову.

Для заведывания делами артели старателями выбирался артельный староста, на обязанности которого лежала забота о нуждах артели, распределение работ между ее членами, сдача золота, наблюдение за правильной записью забираемых в приисковой лавке припасов, передача артели распоряжений приискового управления и т. д. Вознаграждение в артелях производилось пропорционально труду каждого; староста оплачивался особо. Если кто-либо из членов оставлял работу ранее конца операции по добровольному соглашению, то из его доли жалованья производился известный вычет. Старатели-золотничники работали не на хозяйской, а на своей пище, забирая припасы и нужные им вещи в счет

заработка из приисковых лавок. Жилища же им отводились обыкновенно от приискового управления, нередко однако с обязанностью производить в них необходимые исправления; отопление же и освещение они принимали на свой счет.

В некоторых округах, напр., в Канском и Нижнеудинском, более половины приисков разрабатывалось в 1879 и 1880 г.г. старателями, а количество золотничников значительно превосходило число общеконтрактных, доходя до 68% общего количества. Точно также в Амурской области старательские работы преобладали на приисках в 90-х годах.

Интересно отметить, что в 1873 г. кабинетские золотые промыслы на Алтае перестали разрабатываться самостоятельно и переданы были целиком старателям-золотничникам за известную плату с золотника. Старатели, которыми могли быть все лица свободных состояний кроме ссыльно-поселенцев, должны были составлять артели не менее, чем из 10 человек; каждая выбирала из своей среды старшего, который сдавал золото за всю артель и получал расчет от смотрителя, а также припасы и инструменты. По расчетному листку старший рассчитывался со своей артелью; на ответственности его лежала правильная сдача золота, и он отвечал в случае его утайки. Все артели вместе избирали двух выборных, а смотритель—старосту, которые и составляли втроем артельную расправу.

Подобные артели существовали и на Урале. Здесь их деятельность в некоторых случаях носит более широкий и самостоятельный характер: нередко они на свой страх и риск производят не только разработку россыпей, но и разведки новых месторождений золота.

Вследствие непостоянства самого характера работ, артели устраивались обыкновенно на тот период времени, в который можно надеяться кончить разработку взятого участка; но случается, что одна и та же артель в полном своем составе переходит после разработки одного участка к другому. Так как для производства золотопромывательных работ, вследствие немногосложности их в техническом отношении, не требуется большого количества рук, то число членов артели обыкновенно ограничивается 5—10 человеками, хотя нередко достигает и более высокой цифры. Вследствие незначительности обязательств, соединенных со вступлением в артель, а также вследствие того, что долговременная практика достаточно ясно обозначила эти обязательства, между членами письменных договоров не заключалось, а все делалось на слове, при чем достаточной гарантией служил самый интерес рабочих в успехе деятельности артели. Распределение вырученных денег производилось или в определенные сроки, обычно понедельно, или по мере накопления заработка. Дележ заработка артельщики любят производить круглыми цифрами и часто обрезаки, остающиеся при этом, употребляют на какое-либо общее дело, напр., делают вклад в церковь, устраивают попойку и т. п. Когда наличных сил артели оказывается недостаточно для разработки данного участка, она прибегает к найму поденщиков за обыкновенную плату от лица всей артели и оплачивает из общих средств ¹⁾).

¹⁾ Сборник материалов об артелях. Вып. I (1873 г.) Р. Попов, Горнозаводские артели „старателей“. А. Исаев, Артели в России. (1881 г.).

Артельная форма находила себе применение также среди грузчиков, возчиков, каменщиков и плотников, которые издавна привыкли вступать в объединения, отправляясь на промысел.

Артели бендюжников или дрогалей сосредоточиваются в южно-русских портах — Одессе, Николаеве, Херсоне, Севастополе, Керчи, Бердянске, Ейске, Мариуполе, Таганроге и Ростове на Дону со специальной целью перевозить хлеб из магазинов в магазины и на суда или обратно; но они занимаются также доставкой из судов в город каменного угля, железа, фруктов и пр., или перевозкой различных тяжестей и мебели по городу. Среди них существует две формы.

В первой—артельное начало выражается лишь по отношению к взаимной гарантии и отстаиванию друг друга при работе, когда в одном и том же месте работает значительное количество рабочего люда,— далее этого артели не идут, каждый член ведет самостоятельно свою жизнь, траты и расчеты; никаких соподчиненных отношений между ними не бывает, и только при уговорах с хозяевами артель представляет из среды своей того или другого члена как бы в роли старосты.

Более чистую и совершенную форму представляют артели, в которых каждый член участвует непосредственно в снимаемых артелью работах и имеет одну или несколько лошадей и повозку. Живут эти артели вместе на одной квартире, харчуясь из общего котла; но даже в таких случаях почти всегда каждый член содержит свою лошадь на свой счет независимо. Работы производятся гуртом, сообща всей артелью, и в тех случаях, когда одному или не-

скольким членам приходится работать отдельно,— общий поденный заработок считается артельной выручкой, так что дележ заработков производится большей частью пропорционально количеству рабочих рук или повозок. Сообразно с этим и самые артели составляются так, чтобы было по возможности равное участие труда и капитала со стороны каждого члена. Для управления общим ходом дел артель выбирает старосту, который и ведет артельные расчеты с хозяевами, не получая, впрочем, никакого вознаграждения за это. Остальные члены — равноправные участники артели.

«Артели плотников и каменщиков — артели чисто великорусского типа, состоящие из совершенно самостоятельных и равноправных рабочих, равномерно распределяющих между собою как труд, так и заработок. Но в этом чистом виде они составляют только незначительное меньшинство. Рядом с ними существуют и другого рода формы, уклонившиеся от своего чисто артельного характера и представляющие, так сказать, одну внешнюю оболочку без всякого внутреннего содержания. В таком виде эти формы служат только средством для наживы различного рода кулаков и рядчиков. ...Дело в том, что большинство описываемых артелей ютятся главным образом в городах, как, напр., в Одессе, Николаеве, Севастополе, Херсоне, Таганроге, Ростове на Дону, Екатеринославе, Керчи и пр., а городские работы отдаются большей частью с подряда». В Кубанской области встречаются подобные артели, существующие в течение только выполнения той или другой значительной работы, как постройки ветряной мельницы, церковной ограды, домов и пр., и состоящие из самых разнокали-

берных элементов—казаков, солдат, великоруссов и малоруссов. Но они очень редки¹⁾).

С распространением каменно-угольной промышленности на юге России артельные навыки стали находить себе применение и здесь.

По данным обследования, произведенного екатеринославским земством в 1886 г., артели на рудниках получили уже большое распространение. Так, в Бахмутском уезде на рудниках Шейермана, Нестеровой и Горнопромышленного общества работы производились ими преимущественно или даже исключительно. Артели составлялись отдельно для подземных и наружных работ в числе от 3 до 15 человек каждая. Работы артелями считаются более выгодными, так как они идут ровнее, да и наблюдение за ними легче, чем за одиночными «упряжными» рабочими. Но к важнейшим условиям, вследствие которых рудничные управления предпочитали иметь дело с артелями, относится несомненно тот пункт договора, на основании которого артель обязуется постоянно содержать такое число рабочих, какое нужно руднику; если у нее не хватает членов, то она должна нанять в недельный срок со стороны, в противном случае управление может нанять рабочих за счет артели. Все без исключения артельные рабочие на поверхности и под землею меняют по очереди свои занятия и заработок делят поровну, за исключением мальчиков—погонщиков лошадей, которые нанимаются артелью особо.

Точно также шахтовладельцы Славяносербского уезда, избегая местных рабочих, нанимали для по-

¹⁾ Ф. Щербина, Очерки южно-русских артелей (1881 г.), 326—372 стр.

стоянных работ артели из выходцев великорусских губерний. Артели эти нанимались с залогом в исправности работ и на условиях, весьма сходных с существовавшими на рудниках Нестеровой и Горнопромышленного общества, куда эти порядки были перенесены распорядителем последнего.

В некоторых районах трудовые артели приобретали уже характер производительных ассоциаций. Таковы шахты, разрабатываемые крестьянами на принадлежащих им землях. На земле, напр., села Железного, Бахмутского уезда, все крестьянские шахты—артельные, при чем в состав артели (10 человек) входят и богатые и бедные крестьяне, но инициатором дела всегда являются первые. Они вкладывают за бедных причитающуюся (равную) часть денег в общий капитал предприятия на покупку сруба для шахты, барабана, бадей, подпорок и т. п. и получают обратно эти деньги постепенно, по мере выручки за добытый и проданный каменный уголь. В виде процента бедные уплачивают за каждые 10 р. долга по одной четверти угля.

Разработка каменноломен в селе Луганском также производилась артельным способом; здесь их насчитывалось 47 с 207 членами. В течение года одни выбывали, другие вступали, но начатая яма обыкновенно заканчивалась артелью в ее первоначальном количественном составе. Всякий член артели обязан был иметь все необходимые инструменты кроме бабы и кайла, приобретаемых за счет артели; починка инструментов также производилась за общий счет. Заработок делился поровну между всеми рабочими. Сбыт продуктов производился самой

артелью, хотя некоторые из них находились в зависимости от барышников ¹⁾).

В Славяносербском уезде крестьяне также в виде общего правила организовывались для добывания угля в небольшие артели из 5—6, редко 7—8 человек, из молодежи,—старики почти не встречались. Всего крестьянских шахт насчитывалось 107 и артелей было также 107 с 541 членом. Наемных рабочих обычно не имелось; только у государственных крестьян на 65 артелей с 294 членами приходилось 27 наемных рабочих. «Когда намереваются производить добычу угля, то предварительно сговариваются об основаниях своей внутренней организации... и просят разрешения у общества на розыски при условии закладки новой шахты... Открыв уголь, артель закладывает шахту, которая считается ее полной собственностью, в особенности в тех случаях, если это происходит на собственной наделной земле государственных крестьян. При этом нужно заметить, что все участники в первоначальной закладке шахты считаются с равными правами на часть добываемого продукта. По числу их определяется число равных паев в шахте. Каждому пайщику однако предоставляется право разбивать свой пай на части и продать или передать другому одну из них на известных условиях».

Но и в предприятиях, организованных на капиталистических началах, артельная форма труда применялась в Славяносербском уезде очень часто. Так, непосредственно конторами было нанято по одиночке всего лишь 271 человек, через подрядчи-

¹⁾ Сборник статистических сведений по Екатеринославской губ. Том II (1886 г.). стр. 308, 367.

ков—262 отдельных рабочих и 15 артелей с 237 рабочими; наконец, самостоятельных артелей было нанято 31 с 798 рабочими.

Как мы видим, в рассматриваемое время трудовые артели в каменно-угольной промышленности были даже господствующей формой найма рабочих рук. Организация их происходила таким образом.

Некоторые из углекопов, толкаясь долго по рудникам, облюбовывают какой-либо из них, где и поселяются на более или менее продолжительное время, в иных случаях с семьями. Зная хорошо этих рабочих, знакомых с положением рудников и работами в недрах, контора, когда предполагается работа или открытие новой шахты, обращается к ним, чтобы они составили артель. Рабочий начинает списываться с родными и односельцами, которые набирают нужных рабочих в соседних селах. Если же таким путем ему не удастся сделать набор, то остальные набираются из посторонних, приходящих на заработки из разных мест или же из местных крестьян. Последним во многих случаях конторы сами указывают, к кому они должны записаться в артель. Другие же артели являются перед конторой в готовом виде, уже сорганизованными. Они еще у себя на селе собираются партиями идти на заработки. Инициаторами в таких случаях являются горнорабочие, прежде работавшие на рудниках. Они выбираются распорядителями и представителями в артели, чтобы являться в конторы с предложением рабочих рук и для заключения условий¹⁾.

¹⁾ Сборник статист. сведений по Екатерин. губ. (1886 г.) Вып. III, стр. 278.

Новое явление представляют собою трудовые артели на горных заводах Урала. На Кушвинском, напр., заводе они существовали в кричном, листо-катальном и ударно-трубочном цехах. Артели эти ежегодно заключали условия, которыми определялись существенные отношения как членов артели между собой, так и самой артели к заводууправлению. За исполненные работы они получают задельную плату через особого доверенного, приобретая все необходимые припасы от заводууправления по условленным ценам. Заработок между членами делился пропорционально с количеством труда и его свойством. На Кушвинском заводе артели производили доменные и литейные работы¹⁾.

Существование подобных же артелей было отмечено и на других горных заводах Урала.

К началу же 70-х годов относится возникновение трудовых объединений в целом ряде других профессий: появляются артели посыльных, носильщиков при железных дорогах, грузчиков, парильщиков, точильщиков, маляров, мостовых рабочих и т. д.

Более сложный и трудный тип представляют собою производительные артели, берущие на себя функции организации производства и связи его с рынком, т. е. закупку сырья и сбыт продуктов. При крепостном режиме этот тип был по вполне понятным причинам совсем неизвестен.

Совершенно исключительный случай представляет посессионная Красносельская бумажная фабрика близ Петербурга, которая в течение долгого времени находилась в управлении самих рабочих.

¹⁾ Сборник пермского земства, 1874 г. № 1—4. Образец договора приложен в конце настоящей книги.

Рабочие этой фабрики заключили в 1803 году с владельцем ее Хлебниковым следующий договор, утвержденный в уездном суде. Они получают в свою пользу $\frac{1}{6}$ часть цены всей продаваемой бумаги, которая должна определяться каждый год представителями хозяина и мастеровых. Сверх того, им предоставляются от хозяина даром дрова. Необходимый ремонт фабричных зданий и машин обязывались производить за свой счет мастеровые, кроме «знатных в машинах перемен». На владельца возлагалась обязанность поставлять тряпье, в случае неисполнения которой рабочие получали от него определенную плату за каждый прогульный день; рабочие же обязывались выделять из доставляемого тряпья не менее определенного количества бумаги хорошего качества, в противном случае она могла не приниматься конторой. Мастеровые обязаны были подчиняться уполномоченному фабриканта, но всем ходом работ на фабрике заведывал мастер, выбранный самими рабочими, которых насчитывалось 181 душа муж. пола. Распределение суммы, причитающейся рабочим, производилось их выборными, продолжительность же рабочего дня определялась всем обществом.

Это было в сущности не что иное, как осуществление на практике той идеи коопартнершипа, т. е. участия рабочих в управлении и прибылях, которая много лет спустя привлекла к себе внимание на Западе в кругах, интересующихся социальным вопросом.

От Хлебникова фабрика перешла затем к помещице Полторацкой, при которой начинаются непрерывные жалобы содержательницы фабрики на рабочих, и обратно. Полторацкая жаловалась, «что

мастеровые отпали от всякого повиновения, составили между собою общество, которое ими управляет, отклоняя всякое от себя начальство и никому не отдавая отчета как в прогулах, так и в хорошей отделке бумаги; в сутки более они не работают 4-х часов, имеют, кроме табельных, множество праздников и предаются пьянству». А рабочие жаловались на то, что Полторацкая не допускает к исправлению своих обязанностей выбранных рабочими мастеров и пр.

Министерство внутр. дел командировало для осмотра фабрики чиновника. Он обнаружил ряд «неправильностей», из которых наиболее значительные сводились к тому, что рабочий день по показаниям самих рабочих не превышал 10 часов, женщины на фабрике совсем не работали, из мальчиков иные и до 15 лет также не ходили на работу.

В 1813 г. сенатом было утверждено новое положение, которое в общем сохраняло прежний договор в силе, но вносило в него некоторые изменения: мастер и подмастерья должны выбираться уже не рабочими, а назначаться содержательницей; работа продолжается не менее 12 часов в сутки; дети должны работать на фабрике с 12 лет. Тогда рабочие подали в 1814 и 1816 г.г. жалобу государю, указывая на несправедливые вычеты из их заработной платы и прося о принятии фабрики в казну и выдаче им в ссуду 100.000 р. с тем, чтобы они сами заведывали фабрикой на условиях платежа казне по 15 коп. с каждой выработанной стопы бумаги¹⁾.

Жалоба на несправедливые вычеты была признана основательной, просьба же о передаче фабрики

¹⁾ Туган-Барановский, Русская фабрика (1898 г.), стр. 137.

в пользование рабочим на артельных началах осталась неудовлетворенной. В этом нет ничего, конечно, удивительного, но самый факт возбуждения рабочими подобного ходатайства очень знаменателен: ибо в нем содержится та самая идея о социальных мастерских или рабочих производительных товариществах с помощью государственного кредита, которая прославила имя Луи-Блана, когда он двадцать пять лет спустя развил ее в своей брошюре об организации труда... Только с падением крепостного права проявления самостоятельности рабочих в этом направлении стали принимать более широкий характер.

Первым опытом устройства заводских артелей на Урале является, повидимому, Нижнетуринская механическая артель. Мастерские, занимавшиеся сделкой изготовлением ударных трубок для артиллерийского ведомства, пришли в 1867 г. к мысли взять всю эту операцию на себя артелью. Начальник Гороблагодатских заводов Грамматчиков согласился в виде опыта предоставить им заказ на изготовление 33.000 трубок под условием приглашения особого руководителя. Первый подряд был выполнен вполне успешно, при чем трубки, стоившие раньше казне от 50 до 70 коп., обошлись в 44 $\frac{3}{8}$ к. Под влиянием успеха число членов артели увеличилось с 60 до 150 человек, и на 1868 г. они получили новый заказ на 180.000 трубок с понижением цены на 4 коп. Членами артели были сделаны многие усовершенствования и ручные работы стали заменяться машинными. Заказы 1869 г. составили 147.000, 1870 г.—216.000, 1871 г.—180.000 и 1872 г.—270.000 трубок по цене 38—37 коп. Кроме 153 членов работало в артели еще около 10 наем-

ных рабочих. Заработной платы приходилось на члена в среднем 259 р., не считая дивиденда. Средствами артели было устроено 20 самоточных и токарных станков, перенесена вся фабрика из Николаевского в Нижнетуринский завод и от времени до времени исполнялись, хотя и в незначительном количестве, частные заказы. Но работы на всех не хватало в течение года, а большие частные заказы брать не разрешалось, и многим членам пришлось обратиться к земляным работам на приисках. Казенные заказы были переданы затем в Петербург и это обстоятельство, вместе с отказом в утверждении устава, привело к закрытию артели¹⁾.

В 1870 г. главный начальник Уральских заводов Грамматчиков предложил рабочим Екатеринбургского механического завода взять на себя окончание работ по производству лафет. Рабочие образовали артель под названием «Братство» из 87 человек. Артель должна была брать дрова и уголь из запасов монетного двора по заготовительной цене, материал же для производства и припасы иметь свои; кроме казенных заказов артель могла работать и по частным заказам, с платой в казну за пользование машинами 6% с суммы заказа.

В 1870 г. тверское губернское земство учредило ссудную кассу «для содействия развитию народного хозяйства и промышленности на артельном начале», при содействии которой организованы были сыроваренные, кузнечные (гвоздарные), сапожные, льняные и смолокурные артели. Подобные же попытки были произведены ветлужским и олонецким земством. В Тверской губернии к 1875 г. одних смо-

¹⁾ Сборник материалов об артелях в России. Вып. I (1873 г.).

докуренных рабочих артелей насчитывалось уже до двадцати, которые объединяли 200 человек. Но затем движение пошло под гору; земство в виду задолженности артелей прекратило выдачу ссуд и артели постепенно стали распадаться.

Новый период оживления начинается с 90-х годов. Центром его является Пермская губерния, где земством был основан особый банк для выдачи ссуд кооперативным начинаниям. Но это отразилось почти исключительно на росте артелей кустарного типа. В области же рабочих артелей оживление стало обнаруживаться наиболее заметно в Мальцевском районе, где толчком к образованию артелей послужило сокращение работ на местных заводах под влиянием кризиса. Так, бывшие рабочие Чернятинско-Старской стеклянной фабрики вычитали где-то, что, если завод окажется банкротом, то рабочие могут взять его на себя. В силу этого выборные их обратились с соответствующим предложением в конкурсное управление Мальцевских заводов, и благодаря содействию директора-распорядителя Стукалича весною 1890 г. образовалась артель, которой конкурсным управлением переданы были бесплатно (лишь с обязательством ремонта) здания завода. Все необходимые для производства материалы артель забирала по определенной цене в конторе заводов, куда сдавала и выделанное стекло. Кроме того заводским управлением утверждались выборные должностные лица артели. В 1891 г. артель состояла из 244 мастеров, при которых работало 30 женщин и 70 детей. В 1893 г. работою было занято 452 души обоого пола. Другая заводская артель в этом же районе образовалась в 1889 г. в селе Любохне из 150 рабочих, взявших в свои руки

чугуннолитейный завод. В 1891 г. получил утверждение устав артели литейщиков при чугунолитейном заводе в с. Радице Брянского у. Орловской губ. С 1888 по 1891 г. существовала артель из 50 человек на Курганском гвоздильном заводе, прекратившая свою деятельность после того, как с прорывом плотины уничтожился водяной двигатель кузнечных мехов. В 1889 г. после смерти арендаторши Абаканского железоделательного завода (в Минусинском округе Енисейской губ.) последний перешел в руки артели из 127 местных мастеров и рабочих¹⁾.

Новый подъем артельного движения стал обнаруживаться после революционного 1905 г. Начался он с Петербурга. Большинство обследованных артелей возникло здесь в период 1906—1908 гг. В их организации принимали участие безработные фабричные рабочие, приобщенные уже к стачечному и профессиональному движению. Основывая артели, эта безработная масса имела в виду с одной стороны получить надежный и прочный заработок, и с другой — направить прибыль предпринимателя в руки самих трудящихся²⁾. Но наибольшее распространение артельное движение получило в Москве. Здесь с 1902 по 1913 г. возникло 145 производительных артелей, из коих к моменту обследования уцелело 86 с 976 членами; кроме того в них было занято 855 рабочих и 270 учеников³⁾.

¹⁾ В. В. Артельные начинания русского общества. (1895 г.).

²⁾ Б. Адрианов, Что представляют собою наши производительные артели. „Вестник Коопераций“, 1909 г., № 3.

³⁾ Н. Брянский, Московские производительно-трудовые артели (1915 г.).

Ряд попыток был сделан также на Урале. Наиболее значительной из них является организация Нижне-Исетской артели.

Эта артель возникла на месте такового же казенного железоделательного завода, который в виду его убыточности решено было в 1905 г. закрыть. Интересно отметить, что на этом заводе еще в 1891 г. был сделан опыт артельного ведения дела, который не дал положительных результатов. Поэтому министерство торговли высказалось первоначально против отдачи завода в руки рабочих, но в конце концов вопрос разрешился благополучно.

По уставу назначение артели заключалось в производстве личным трудом и сбыте сортового железа, чугунного литья, земледельческих машин и орудий, разных кузнечных поковок и экипажно-мебельно-столярных изделий. Стоимость всего заводского имущества, зданий и оборудования, переданных артели, определялась в сумме свыше 210.000 р. Артель открыла свои действия в начале 1907 г. в составе около 200 членов¹⁾. Прежде всего было открыто пудлингово-сварочное отделение по выделке сортового железа, затем механический, кузнечный, кирпичный, литейный и столярный цехи.

Почти одновременно организовалась рабочая артель на месте закрывшегося казенного Дедюхинского солеваренного завода. По заключенному (1908 г.) договору с казною Дедюхинская артель получала в арендное содержание на 25 лет участок земли в количестве 25 десятин с возведенными на ней зданиями, оцененными в 15.000 р. Первона-

¹⁾ Ср. К закрытию Нижнеисетского завода („Архив истории труда в России“, книга 5, ч. II, стр. 11—14).

начально в состав артели вошло 100 человек, но к 1 января 1910 г. это число увеличилось до 155 ч. На участке имелось четыре варницы, несколько рассоло-извлекательных труб, амбары и паровой двигатель. Но, как и в случае Нижне-Исетской артели, завод был сдан в жалком, полуразрушенном виде, так что оказался необходимым крупный ремонт. После энергичных строительных работ летом 1909 г. была пущена в ход первая варница, затем вторая и третья, и в течение первого же года своей деятельности артельный завод выпустил около полумиллиона пудов соли высокого качества.

Выше мы уже упоминали о так назыв. старательных артелях, которые начали возникать на Урале в 60-х—70-х годах. Впоследствии здесь стали появляться артели и более сложного типа. Так, напр., в 1910 г. по инициативе б. управляющего южно-озерной дачи в местности близ Денежкина Камня на Северном Урале была организована из старателей артель в составе 50 чел. с уставом вместо договора. Выгоды организации и известной дисциплины сказались в повышении заработка, и скоро количество членов в артели достигло уже сотни¹⁾.

В 1915 г. на Архангело-Пашийском заводе образовалась артель углекопов. В состав ее к началу января входило более 80 членов, но фактически разработка шахты началась с середины лета. Согласно договору, все члены артели отвечают друг за друга круговой порукой и обязаны принимать личное участие в работах на условиях, какие будут установлены артелью, ежедневно по восьми-часовой

¹⁾ А. Меркулов, Пермские производительные артели. „Вестник Кооперации“, 1911 г., № 3.

трехсменной очереди, исключая праздники—по усмотрению артели. Доходы распределяются между членами по количеству отработанных поденщин и выдача производится два раза в месяц. Если кто-либо из членов пожелает добровольно выйти из артели, то обязан предупредить ее об этом за две недели. В случае допущения членами поступков, противных интересам артели, такой член может быть исключен из ее состава постановлением большинства. Однако, выбывший из артели член остается ответственным по ее делам в течение трех месяцев со дня выхода. Управление делами находится в руках комиссии, состоящей из членов — учредителей (13 человек); член распорядитель и заместитель избраны были всей артелью из числа учредителей. Средний заработок за 8 часовую смену достиг 2 р. 20 к. для забойщиков, которые составляли главную массу работающих; этот заработок нужно считать очень хорошим, ибо заводоуправление своим рабочим платило по 80 к. в сутки; два плотника получали по 2 р., два кузнеца по 1 р. 50 к. в сутки и два сторожа—по 20 руб. в месяц. В летнюю пору на этом же заводе работала за последние годы артель старателей-рудокопов в составе 13 членов, добывавших при содействии наемных рабочих до 300.000 — 500.000 пудов хромистого железняка за лето ¹⁾).

Трудовые артели сохранились также на горных промыслах юга России. Так, о них упоминается при описании рудника Новороссийского общества ²⁾,

¹⁾ С. Груздев, Рабочая трудовая артель углекопов Урала. „Вестник Кооперации“, 1916 г., № 4.

²⁾ В. Мехмандаров, Заболеваемость рабочих на юге России „Вестник фабричного законодательства“. 1905 г., № 2.

относящемся к началу текущего столетия. Артель дробится на три партии: одна prepares шнуры, другая разбивает породу, грузит ее в вагонетки и подает к наклонной плоскости и, наконец, третья работает наверху на откатке. Такое разделение труда не остается постоянным; наоборот, время от времени одна часть заменяет другую. Иногда откатчики образуют самостоятельную артель. Артель составляется, особенно в начале, из людей, знающих друг друга. Она старается сама замещать выбывающих, но не без санкции ближайших заведывающих работами (штейгеров, десятников). Расчет заработка производится по числу поданных вагонеток — будет ли то руда или кварцит. Для уравнивания заработка производится перестановка артели, при чем иногда дело не обходится без мздоимства со стороны старших десятников. Грузчики составляют особую артель и получают плату по числу груженых ими вагонов.

В 1915 г. министерством торговли и промышленности был издан «Справочник об артелях трудовых», содержащий в себе, между прочим, перечень существующих организаций с извлечениями из уставов. Перечень этот не является исчерпывающим, ибо кроме уставных существовало еще значительное количество артелей, основанных на нотариальном или словесном договоре. Так, напр., в Москве из общего количества 86 артелей, зарегистрированных обследованием в 1913 г., артелей последнего типа было 30, т. е. 35%. Всего в перечне значится 507 артелей; но из них некоторые попали случайно или по недоразумению, как, напр., артели подрядчиков, управляющих домами, жилищные, коммерческие или биржевые и т. п. Всего

таких сомнительных организаций можно насчитать 21; остается, следовательно, 486. Присматриваясь к этим последним ближе, можно выделить среди них три группы артелей: кустарные (51), трудовые (212) и производительные (223).

Среди трудовых артелей первое место по численности занимают артели грузчиков и крючников—53; затем идут: посыльные и носильщики—31, строительные рабочие—25, маляры и живописцы—24, ночные сторожа и караульные—15, чертежники, техники, землемеры и т. п.—13, монтеры и водопроводчики—8, газетчики и продавцы произведений печати—7, театральные капельдинеры—6, бухгалтера и конторщики—6, парикмахеры—4, комиссионные и по поставке служащих—3, дворники и проч. домовая прислуга—3, по убою скота—3, полотеры—3, печники—2 и, наконец, по одной артели среди банщиков, водолазов, якорщиков, музыкантов, стенографов и интеллигентных тружеников.

Из производительных товариществ наиболее многочисленными являются артели лиц, занятых в транспортной промышленности—29, по обработке металлов и изготовлению различного рода орудий и машин—29, официантов, поваров и кондитеров—29, по изготовлению предметов одежды—28, обработке дерева—27, ювелирные—19, сапожные—15, переплетные и типографские—8, кожевенные и скорняжные — 8, кирпичные — 4, мраморные — 4, ткацкие—3, прочие—20.

Что касается кустарных артелей, то среди них наиболее часто встречаются сапожные артели—19, а также кузнечно-слесарные и по изготовлению различного рода орудий—9; затем идут столярные—

6, ткацкие и кружевные—3, рогожные—3, портняжки—2 и прочие—3.

По времени утверждения устава означенные артели распределяются следующим образом:

1880 г. 2	1890 г. 3	1900 г. 9	1910 г. 79
1881 „ —	1891 „ 3	1901 „ 3	1911 „ 45
1882 „ 1	1892 „ 2	1902 „ 5	1912 „ 44
1883 „ —	1893 „ 2	1903 „ 7	1913 „ 36
1884 „ —	1894 „ —	1904 „ 7	1914 „ 18
1885 „ 1	1895 „ 2	1905 „ 11	Время утверждения не- известно . 33
1886 „ 1	1896 „ 1	1906 „ 17	
1887 „ 1	1897 „ 1	1907 „ 22	
1888 „ —	1898 „ 5	1908 „ 50	
1889 „ 1	1899 „ 4	1909 „ 70	Итого. . . 486

Наиболее старыми по этому списку являются трудовые артели посыльных и продавцов произведений печати, с одной стороны, и кустарные—по изготовлению земледельческих орудий—с другой.

Первоначально война отразилась неблагоприятно на положении артельного движения. Под влиянием призыва на военную службу, сокращения спроса и т. п. в 1914 г. прервали свою деятельность 64 и в 1915 г.—35 артелей. Но в дальнейшем место распавшихся артелей было занято новыми, возникшими в связи с заказами военного ведомства. К этому же времени относится начало союзного строительства—в 1914 г. возникает Московский Артельсоюз, объединяющий 13 артелей, а в 1915 г.—Боровичско-Валдайский союз, в который вошло 28 артелей.

Революция дала сильный толчок развитию промысловой кооперации, и к 1 января 1919 г. насчитывалось уже 17 союзов с 780 артелями.

Дальнейшее развитие промысловой кооперации представляется в следующем виде:

Название промыслов.	Число артелей.			
	1 янв. 1920 г.	1 янв. 1921 г.	1 янв. 1922 г.	1 янв. 1923 г.
Обработка дерева . . .	595	1,466	3,864	5,012
„ животн. вещ.	292	771	2,343	3,501
„ волокнист. „	407	933	2,079	2,825
„ минералов . .	66	289	730	1,075
„ металлов . .	151	401	1,187	1,740
Смешанного произв. . .	44	84	} 1,752	175
Прочие	167	343		3,784
Итого	1,722	4,257	11,955	18,112

Значительное количество этих артелей объединено было в союзы, которых к 1 января 1922 г. насчитывалось 254 с 5.153 примыкающими к ним артелями и 622.612 членами. К 1 января 1923 г. число союзов увеличилось до 349, из коих 121 смешанных, т. е. имевших своими членами также сельскохозяйственные товарищества, 161 чисто промысловых и 40 лесных¹⁾.

Как видно из вышеприведенной таблицы, производительно-трудовая кооперация сделала за период революции огромные завоевания и насчитывает в настоящее время (1923 г.) уже около двадцати тысяч артелей в разных отраслях приложения народного труда. Эти успехи однако достигнуты в виду особо благоприятных условий данного периода—под-

¹⁾ „Вестник кустарной промышленности“, № 1—2 за 1922 г. и „Вестник промысловой кооперации“, № 1 за 1923 г.

держки со стороны государства путем предоставления заказов и кредита, с одной стороны, и стеснения конкуренции частно - капиталистических предприятий—с другой,—стеснение, которое доходило порою до полного запрещения самого существования последних¹⁾). Поэтому в настоящий момент трудно еще сказать, насколько эти завоевания прочны. Но тот факт, что провозглашение весной 1921 г. нового курса экономической политики, легализовавшего проявление частно - предпринимательской инициативы, не приостановило роста артельного движения и последнее продолжает энергично расширяться, составляет во всяком случае благоприятный симптом.

К сожалению, в таблице не выделены те типы организации, которые нас здесь прежде всего интересуют, т. е. производительные и трудовые артели. Трудовые артели значатся в рубрике «прочих», которых к 1 января 1923 г. насчитывалось 3.784. Производительные же помещены с кустарными артелями. Последние несомненно составляют преобладающее большинство, но все же и рабочие производительные товарищества значительно выросли в количественном отношении.

Увеличился также размах деятельности у многих из них: если раньше рабочие артели ограничивались областью мелкого производства, то теперь уже нередко среди них попадаются такие, которые имеют размер среднего или даже крупного предприятия.

¹⁾ За 8 месяцев 1923 г. Всероссийским кооперативным банком был открыт кредит промысловой кооперации на 2.452.770 золот. руб. Кроме того из фонда долгосрочного кредитования на оборудование мастерских приобретение материалов и т. п. отпущено 288.000 зол. р.

Так, напр., в настоящее время Московским союзом производительных артелей арендован у Совета народного хозяйства целый ряд фабрик и заводов, переданных в руки рабочих артелей: механический проволочно-гвоздильный завод с 55 рабочими, фабрика металлических изделий с 115, гребенная фабрика с 120, текстильно - галантерейная с 150, парфюмерная (бывш. Остроумова) с 160 рабочими и т. д.

Знаменитая Павловская артель, основанная в 1890 г. в составе 13 членов, теперь из скромной кустарной организации превратилась уже в настоящее фабричное предприятие с рядом корпусов, двигателями и разного рода машинами и станками, где занято 324 человека.

Среди трудовых артелей за время революции можно отметить возникновение новой формы в виде лесных артелей, объединяющих лиц, занятых рубкой и сплавом леса и дров. В июле 1917 г. на губернском крестьянском съезде в Архангельске была принята резолюция о необходимости организации артелей лесорубов, и вскоре после этого действительно стали возникать первые артели: в конце 1917 г. в пределах Архангельской губ. было зарегистрировано уже 32 лесорубных артели с 1955 членами. В следующем году подобные же союзы появляются в Вологодской губ., в районе реки Ветлуги и др. местах. В настоящее время (начало 1923 г.) имеется 550 лесорубных артели, насчитывающих 34.115 членов; в течение сезона 1922—23 г. ими было заготовлено 228.201 куб. саж. дров и других лесных материалов¹⁾.

¹⁾ Ф. Пехтерев, Лесная кооперация (1923 г.).

Литературные течения.

А. Гакстгаузен, А. Герцен, Н. Чернышевский, А. Корсак, Н. Флеровский, В. В(оронцов), М. Туган-Барановский, Е. Максимов-Слобожанин.

Первые литературные упоминания об артелях встречаются уже в сочинениях как русских, так и иностранных путешественников второй половины 18 века—Лепехина, Палласа и Георги, но они не идут далее простого указания на их существование. И в течение почти всей первой половины 19 столетия наша общественная мысль совершенно не останавливалась на выяснении значения этого явления для хода экономического развития или для интересов трудящегося населения. Как мало артели были известны образованному обществу, можно судить по тому, что по словам известного историка и знатока старины—М. Погодина, он только из случайного разговора с кяхтинскими купцами по дороге в Нижний узнал в 1841 г. об этом «превосходном Московском учреждении, о коем я не имел никакого понятия, хотя и живу в Москве всю свою жизнь. В Москве в гостином дворе есть две артели по сту человек в каждой для различных работ товарных; многие посылаются в города с поручениями по торговле. Всякий член артели, при вступлении, вносит за себя в артель 1500 р., кои поступают навсегда в ее капитал. Потому за всякого артельщика отвечает

вся артель своим капиталом. Если он окажется негодным, то изгоняется из артели с лишением своего капитала. Вы можете себе представить, как покоем должен быть хозяин, который берет к себе артельщика. Они получают хорошую плату по договору со старостой, принадлежащую артели. По окончании года артельщики, по усмотрению выборного старосты, получают свой дивиденд—от 700 до 1000 р. в год. У них своя расправа. Общество по необходимости поддерживается честностью и исправностью, и все довольны. Какой Солон похвалится лучшим учреждением»¹⁾).

Как видно отсюда, это были так назыв. биржевые артели, т. е. тот именно вид, который благодаря своему требованию высокого денежного взноса недоступен для широких трудящихся масс. Поэтому умиление Погодина перед ними, как учреждением, достойным Солона, представляется мало понятным. Если для пользования выгодами и преимуществами артельного объединения необходимо предварительное обладание довольно значительным капиталом (в 1500 р.), то тогда все взывать к памяти великого реформатора древности... О других же формах объединения трудящихся Погодин совсем не упоминает.

Попытка придать вопросу об артелях широкое общественное значение была сделана впервые немецким исследователем Авг. Гакстгаузенom. Совершив в 1843 г., т. е. немного позже Погодина, путешествие по России, он благодаря ли поверхностности изучения, или вследствие других каких причин, приписал нашим кустарным промыслам артельный характер и в его изображении они вышли «свобод-

¹⁾ „Москвитянин“, 1841 г. № 9.—Дорожные записки.

ными промышленными ассоциациями, напоминающими об ассоциациях сен-симонистов». «Чисто русской формой производства промышленных продуктов является ремесленная община, организованная в виде фабрики. Целые деревни и местечки или, вернее, все жители их занимаются одним и тем же ремеслом. Существуют деревни, которые производят только сапоги, другие производят только столы и стулья, третьи—горшки и т. д. Одно или несколько семейств работают фабричным способом, с разделением труда между собою, и имеют склады в больших городах и на ярмарках. Этот ряд ремесленного производства существует повсюду в стране и является чисто национальным».

В действительности, однако, кустарная промышленность, о которой говорит автор, вовсе не имела у нас артельного характера: в основе ее лежит труд членов семьи, с присоединением иногда наемных рабочих. Представляя из себя работу на дому за чужой счет, кустарная промышленность является в сущности лишь мелкой формой товарного производства, т. е. одной из ранних стадий в развитии капитализма.

В силу этих двух оснований — отсутствия кооперативного (артельного) начала и зависимости от посредника — какая бы то ни была аналогия между нашими кустарями и свободными промышленными ассоциациями социальных реформаторов Запада представляется детски наивной.

Но Гакстаузен не удовольствовался этим и пошел дальше. Если народная промышленность организована на началах ассоциации, то почему бы не организовать подобным образом и крупное производство? «Почему нельзя было бы, — спрашивает

он,— при большой покорности и естественной уступчивости простого русского народа основать, напр., среди государственных крестьян хлопчатобумажные фабрики? Мастера и руководители для фабрик из Англии и Германии все равно были необходимы, и основанные дворянами предприятия выписывали их для себя, да и теперь еще они находятся, пожалуй, на большинстве фабрик. Здания для машин и самые машины должны быть, конечно, поставлены на счет казны, при чем она могла бы для покрытия процентов устанавливать цены на пряжу, затем предоставила бы рабочим ткацкие станки, научила бы их при помощи мастеров обращаться с ними и, в заключение, передала бы ведение производства старинным русским фабричным ассоциациям-общинам. Конечно, вначале потребовались бы многократные указания, руководство и даже принуждение, но при большой уступчивости и технических способностях русских все дело скоро бы наладилось, и эти новые производства быстро бы ассимилировались с уже существующими». Подобный же образ действий он рекомендовал и по отношению к частным предприятиям. «В настоящее время большинство фабрик работает не собственными крепостными, а нанимает рабочих по вольному найму и за определенную плату. Если бы обязать фабрикантов организовать своих рабочих в общины, взять на себя полное и строгое господское попечение, построить для них общинные магазины, школы, больницы и т. п. и если бы запретить фабрикантам прогонять рабочих, напр., в случае старости, инвалидности и пр., без определенных, указанных в законе, причин, то этим можно было бы избежать многих вред-

ных последствий, напр., деморализации фабричных рабочих»¹⁾).

Несмотря на это странное соединение социально-реформаторских стремлений в духе сен-симонизма с крепостничеством и бюрократизмом (отчасти объясняемое, может быть, тем, что в учении Сен-Симона идея авторитета занимала очень видное место), взгляды немецкого путешественника произвели сильное впечатление на умы передовой интеллигенции того времени и легли в основу целого направления нашей общественной мысли, получившего впоследствии название народничества; сущность последнего заключалась именно в идеализации примитивных учреждений натурально - хозяйственного строя — общины и артели, при помощи которых Россия должна была бы, минуя капиталистическую стадию развития, сразу перейти в светлое царство будущего...

Основоположником этого направления нужно считать А. И. Герцена, блестящий публицистический талант которого помог ему сразу же получить признание в умах передовой интеллигенции.

Социалистом он стал — по его собственному признанию — еще с начала 30-х годов, когда он увлекся учением Сен-Симона; затем во время своей ссылки он познакомился с большинством и остальных социалистических систем, которые возбудили в нем горячий интерес. Однако, учения западных утопистов оставили на нем прочный след лишь своей критической и нравственно - философской стороной, положительная же часть его мало удовлетворяла.

¹⁾ Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands, 1847. (Есть русский перевод)

«Без всякого сомнения — записано в его дневнике за март 1844 г.—у сен-симонистов и фурьеристов высказаны величайшие пророчества будущего, но чего-то не достаёт. У Фурье убийственная прозаичность, жалкие мелочи и подробности, поставленные на колоссальном основании; счастье, что ученики задвинули его сочинениями своими. У сен-симонистов ученики погубили учителя. Народы будут холодны, пока проповедь пойдёт этим путем; но учения эти велики тем, что они возбуждают наконец истинно-народное слово—как евангелие». Этот критицизм с одной стороны и своеобразие условий русской жизни — с другой, толкали Герцена к построению какой-то новой системы. Думать о насаждении фаланстеров в России, как это случилось с Петрашевским, ему никогда не приходило в голову. Книга Гакстгаузена поэтому нашла в его душе подготовленную почву. Правда, в его открытие он уверовал не сразу, но вскоре после переселения за границу под влиянием наступившей там реакции мысль о том, что благодаря общине и артелям Россия может обогнать Европу по пути к социализму, окончательно укрепилась в нём. «Артель — говорится в статье о «крещёной собственности», относящейся к 1853 г.—лучшее доказательство того естественного, безотчетного сочувствия славян к социализму, о котором мы столько раз говорили. Артель вовсе не похожа на германский цех, она не ищет ни монополии, ни исключительных прав, она не для того собирается, чтобы мешать другим, она устроена для себя, а не против кого-либо. Артель—соединение вольных людей одного мастерства на общий прибыток общими силами». «Торопитесь!—читаем мы в «Полярной Звезде» № 1.—Горячее

дыхание больной, выбившейся из сил Европы веет на Русь переворотом. ...Наступающий переворот не так чужд русскому сердцу, как прежние. Слово социализм неизвестен нашему народу, но смысл его близок душе русского человека, изживающего век свой в сельской общине и в рабочей артели». В письме к Прудону летом 1855 г. Герцен устанавливает следующие основные положения относительно России и славянства. 1) Сельская община, опирающаяся на постоянный передел земли между хлебопашцами, и рабочая артель, основанная на разделе заработков, не уравнилительном, но по согласию всех—дают право заключить, что в самой природе славянского племени заложены элементы социализма. 2) Государство—ни до Петра I, ни после—никогда не было в силах искоренить эти элементы. 3) ...Без участия западных социалистических идей у славянских народов никогда не хватит пылкости, чтобы от патриархального коммунизма перейти к сознательному социализму.

«Эпоха, в которую Россия вступает теперь—говорится в статье «Еще вариация на старую тему», относящейся к 1857 г.—необыкновенно важна; вместо небольших политических реформ, для которых мы не опытом, а умом слишком стары, мы стоим лицом к лицу с огромным экономическим переворотом... Мы призваны перебрать права поземельного владения и отношений работника к орудиям работы — не есть ли это торжественное вступление в будущий возраст наш?».

И в дальнейшем Герцен не раз возвращался к излюбленной мысли, что наша невозделанная почва, наш чернозем способнее для посева зерна, собран-

ного с западных полей. «Что же тут удивительного, что, видя народ общинный, артельный, со своим понятием о праве на землю и о круговой поруке, нашлись люди, которые предположили, что этот народ ближе к осуществлению экономического, т. е. социального переворота, чем римско-феодальная, мещанско - индустриальная Европа? Сказал же Христос, что богатому Никодиму труднее совлечь с себя старого Адама, чем нищему. То, что на Западе может совершиться рядом катастрофических потрясений, то может развиться в России на основании существующего» (Колокол, 15 сентября 1861 г.), ибо на наших полях меньше мусора и всякого рода развалин, чем на западных полях.

Выдвигая артели, Герцен однако ограничивался лишь исключительно популяризацией артельной терминологии и не вдавался ни в изучение вопроса о действительном значении этого института в прошлой или современной жизни народа, ни в углубление его содержания на основании опыта Запада, плодотворность влияния которого он вполне признавал.

Это было сделано уже другими, и из них первое место принадлежит Н. Г. Чернышевскому. Вступив в редакцию журнала «Современник» в середине пятидесятых годов, когда цензурные условия стали несколько более мягкими, он поставил себе задачей познакомить широкую читающую публику с новыми социально - экономическими теориями, которые до тех пор находились под запретом.

Но не все они пользовались его симпатиями и признанием. До сих пор русская интеллигенция воспринимала новые учения пассивно и без разбора.

Чернышевскому предстояло теперь произвести им критическую оценку.

Относясь с уважением к личности Сен-Симона, Чернышевский считал его систему в корне ошибочной. Уже в рецензии на книгу Гакстгаузена мимоходом подчеркивается, что «в наше время говорить о сен-симонизме — то же самое, что говорить о какой-нибудь системе физиократов или меркантилистов; все это дела минувших дней, дела «времен очаковских и покорения Крыма». Более подробно он останавливается на этом предмете в статье о процессе Менильмонтанского семейства, помещенной в «Современнике» за 1860 г. Основными положениями сен-симонизма он считает следующие: человечество идет к учреждению всеобщей ассоциации, основанной на любви; оно идет к тому, чтобы каждый получал по своей способности, а каждая способность по своим делам, и, наконец, к организации промышленности. По мнению Чернышевского, человечество, действительно, идет к замене товариществом или союзом той вражды, которая в современной промышленной жизни принимает вид конкуренции. Но не любовь ляжет в основу такого союза, а выгода, расчет.

Что касается второго принципа, то он кажется ему явно несправедливым. В таком случае Ньютон должен был бы получить сотни миллионов, а какой-нибудь учитель арифметики в приходской школе должен оставаться нищим. «Если общество располагает такими средствами, что за достаточным удовлетворением всех законных потребностей каждого человека остается у него излишек, пусть оно распределяет этот излишек на каком ему угодно основании... но прежде всего каждый человек имеет

право на удовлетворение своих человеческих потребностей». Не удовлетворяет его и третья форма сен-симонистов — организация промышленности. Такая организация, конечно, возможна, необходима и даже неизбежна. Вопрос в том только, каким способом притти к ней и как ее поддерживать. Ученики Сен-Симона извлекли этот способ из фальшивой идеализации католицизма. Они хотели действовать авторитетом и хотели, чтобы выдуманные ими правила исполнялись не по расчету или убеждению в их основательности, а по уважению и преданности к людям, провозглашающим эти правила и повелевающим хранить их. Мало того: они думали, что люди, облеченные властью, будут стоять выше всяких правил подобно тому, как воля папы была, по их мнению, верховным законом для католиков в средние века. Для Чернышевского это представляется очевидной нелепостью.

«Мы вовсе не сочувствуем той форме стремления к общественным реформам, которая называется сен-симонизмом, — так резюмирует он свое отношение к последнему. — Это учение кажется нам галлюцинацией, сформировавшейся из ошибочной идеализации католицизма и, кроме того, носившей какой-то приторный характер изящной аристократичности, аффектирующей замашки сентиментального демократизма. Это были светские люди, хотевшие не терять своего щегольства, накидывая на себя мужичество. Они напоминают нам золотой лапоть, лежащий, как говорят, на рабочем столе одного из наших миллионеров, разыгрывающих роль русского мужичка, напоминают фантастический бархатный костюм, в котором щеголяют некоторые наши поклонники народности, имеющие с нашим

народом гораздо меньше общего, нежели всякий француз или немец. Сен-симонизм смешит наш рассудок своей фантастичностью, возмущает наше чувство своим благонамеренным иезуитизмом, своею апотеозою авторитета, своими поползновениями к артистичности. Балетная танцовщица может быть хороша на своем месте, но она стала бы противна, если бы, выделявая свои антраша, говорила нам о страданиях бедного мужика. Но, называя приторной ту форму, которую имело первое проявление мысли о преобразовании общества, мы, конечно, должны ценить историческую важность этого первого ее проявления. Оно важно, как признак того, что пришла пора обществу заниматься идеями, выразившимися на первый раз в этой неудовлетворительной форме. Скоро мы увидим, что они стали проявляться в формах более рассудительных и доходить до людей, у которых бывают уже не восторженной забавой, а делом собственной надобности, а когда станет рассудительно заботиться о своем благополучии тот класс, с которым хотели играть кукольную комедию сен-симонисты, тогда, вероятно, будет лучше ему жить на свете, чем теперь».

Гораздо выше ставит Чернышевский планы социального преобразования, принадлежащие Р. Оуэну, Ш. Фурье и Луи-Блану, и его собственные воззрения очень многим обязаны двум последним, хотя он и обосновывает их по-своему.

Первым обстоятельным выражением взглядов Чернышевского на сущность, задачи и цели ассоциации является пространная рецензия его на политическую экономию И. Горлова, помещенная в № 1 «Современника» за 1860 г. под названием «Труд и капитал». Здесь он намечает в общих чертах основы

теории кооперации, выражаясь современным языком, или — как он ее называет — теории трудающих, в противовес учению буржуазных экономистов, берущих под свою защиту интересы капитала.

Основная мысль его, развиваемая в этой статье, заключается в следующем. Успешность производства пропорциональна энергии труда, а энергия пропорциональна степени участия трудящегося в продуктах; поэтому наивыгоднейшее для производства положение дел то, когда весь продукт труда принадлежит трудящемуся. Но при современных условиях почти каждое производство для своей успешности требует размеров, превышающих рабочие силы одного семейства. Капиталист не нуждается в союзе с другими, потому что располагает силами множества людей. Трудящийся, располагая силами только своей семьи, должен вступать в товарищество с другими трудящимися, это для него легко, потому что нет ему причины враждовать против них. Таким образом, форма, находимая для производства теорией трудящихся, есть товарищество, — она одна дает такое положение дел, при котором производство может достигнуть наибольшего успеха. Мы во все не подвергаем, — говорит далее автор, — безусловному осуждению теорию Адама Смита и Рикардо. Отличие новой теории от этой устарелой заключается только в том, что новая теория, овладевая существенными выводами старой, развивает их с полнотой и последовательностью, которых не могла достигать прежняя. Прежняя теория провозглашала товарищество между народами, потому что благосостояние одного народа нужно для благосостояния другого. Новая теория проводит тот же прин-

цип товарищества для каждой группы трудящихся. Прежняя теория говорит: все производится трудом; новая же прибавляет: и потому все должно принадлежать труду. Прежняя теория говорила: непроизводительно никакое занятие, которое не увеличивает массу ценностей в обществе своими продуктами, а новая добавляет — непроизводителен никакой труд, кроме того, который дает продукты, нужные для удовлетворения потребностей общества, согласных с расчетливой экономией. Прежняя теория говорит: свобода труда; новая теория прибавляет — самостоятельность трудящегося.

Каковы же те способы, которые могут привести к осуществлению требований этой новой теории?

«Способ зависит от нравов народа и обстоятельств государственной жизни его. Англичанину кажется удобным расположение квартиры в два или три этажа, о чем и не думают другие народы. Строить его дом по одному плану с русским или французским значило бы напрасно тревожить его привычки. Можно сказать вообще только то, что каждый дом должен быть опрятен, сух и тепл». Считаясь далее с возражением, что всеми этими планами стесняется индивидуальная свобода, Чернышевский развивает свой план осуществления теории трудящихся, который «приспособлен к нравам стран, потерявших всякое сознание о прежнем общинном быте и теперь начинающим возвращаться к давно забытой идее товарищества трудящихся в производстве», прося читателей обратить внимание на то, — стесняется ли им эта свобода. Автор исходит из предположения, что для первоначального пособия основанию промышленно - земледельческих товариществ правительством назначается такая

сумма, какая сообразна с его финансовой возможностью. За эту ссуду оно получает обыкновенные проценты, и ссуда погашается постепенными взносами в казну из прибыли товариществ. «Само собою разумеется, что пособия от казны предполагаются только для ускорения дела. Теперь есть много примеров, что товарищества основывались без всякой посторонней помощи». Но если правительство ежегодно бросает десятки миллионов на покровительство сахарным заводчикам или оптовым торговцам и дает десятки миллионов займы железнодорожным компаниям, то «нельзя назвать излишней притязательностью предположение, что трудящийся класс также имеет некоторое право ожидать от государства такого содействия, которое не будет стоить ни одной копейки казне: получая проценты и постепенно возвращая выданный капитал, она тут не жертвовательница, а просто посредница между биржею и трудящимся классом». Теперь идея товарищества — дело еще новое, и для ее осуществления нужна некоторая теоретическая подготовленность. Поэтому на первый раз ведение дела поручается человеку, которого правительство признает представляющим надлежащие гарантии знания и добросовестности. Число участников в каждом товариществе полагается от 1.500 до 2.000 человек обоего пола; они принимаются в товарищество с согласия директора, который дает предпочтение семейным людям над бессемейными. Таким образом, товарищество состоит из 400 или 500 семейств, в которых будет до 500 или больше взрослых работников и столько же работниц. Как поступают они в товарищество по своему желанию, так и выходить из него каждый может, когда ему вздумается. Затем,

товарищество приобретает участок земли с необходимым для земледелия количеством угодий по расчету своих рабочих сил и обзаводится зданием с квартирами для работников. Но кому не угодно жить в этом большом здании, тот может нанимать себе квартиру, где найдет удобным. Такое здание со всеми своими принадлежностями и удобствами будет стоить такую сумму, что лица, поселившиеся в нем, получают квартиру гораздо лучше и дешевле помещений, в каких живут ныне. Цена за квартиру полагается такая, чтобы, за вычетом ремонта, капитал, затраченный на здание, давал процент, обычный в том государстве. Товарищество будет заниматься и земледелием и промыслами или фабричными делами, какие удобны в той местности. Инструменты, машины и материалы, нужные для этого, покупаются за счет товарищества. Одним словом, товарищество находится относительно своих членов в таком же положении, как фабрикант и домохозяин относительно своих работников и жильцов. Когда здание готово и все нужное для работ приобретено, начинается дело.

Выше говорилось, что каждый занимается той работой, какую знал или какую хочет выбрать. Разумеется, однакож, что товарищество и в этом случае руководится расчетом. Сапожники, портные, столяры, конечно, для него нужны, и оно найдет выгодным иметь такие мастерские. Но если бы иной член вздумал заняться производством ювелирных вещей, товарищество рассудит,—нужна ли ему такая работа; если нужна, оно заведет ювелирную мастерскую, если нет, то скажет ювелиру, что раз он хочет непременно заниматься только ювелирством, а не другим чем-нибудь, то пусть ищет себе

работы, где ему угодно, а оно не может предоставить ему мастерской такого рода. На первое время разрешение вопроса о том, что возможно или невозможно, зависит от благоразумия директора, который набирает членов. Но власть последнего не ограничена только до того времени, пока записываются поступающие члены. Как только состав товарищества определился, члены его по каждому промыслу выбирают из своего числа административный совет, согласие которого нужно во всех важных делах и вопросах, относящихся к этому промыслу; кроме того, все члены товарищества выбирают общий административный совет, который постоянно контролирует директора и выбранных им помощников и без согласия которого не делается в товариществе ничего важного.

По прошествии года члены успевают узнать друг друга и приобрести опытность в том, как ведутся дела. Власть прежнего директора, назначенного правительством, становится уже излишнею. Со второго года поэтому все управление делами товарищества переходит к нему самому; оно выбирает всех своих распорядителей, как акционерная компания выбирает директоров.

Какие же могут быть ожидаемы экономические результаты? Получая от товарищества обыкновенную плату, работники естественно едва ли будут работать хуже обыкновенного. Поэтому, вряд ли товариществу придется прибегать к исключению кого-нибудь из своих членов за леность; но если понадобится—что делать!—оно исключит его, как отпускает фабрикант слишком ленивого работника. Но ленивых работников будет в товариществе меньше, нежели на частных фабриках: имея более прямую

выгоду от усердия в работе, члены товарищества, вероятно, останутся верны общему свойству человеческой природы, по которому усердие к делу измеряется выгодностью его, и потому надобно полагать, что работа в товариществе пойдет успешнее, чем на частных фермах и фабриках, где наемные рабочие не участвуют в прибыли от своего труда.

Если у фабриканта остается значительная прибыль, за вычетом заработной платы и других издержек производства, то останется она и у товарищества. Одна часть этой прибыли пойдет на содержание церкви, школы, больницы и других общественных учреждений, находящихся при товариществе; другая — на уплату процентов по ссуде из казны и на ее погашение; третья — на запасный капитал, который будет служить страхованием товарищества от разных случайностей. За покрытием всех этих расходов должна остаться значительная сумма, которая пойдет в дивиденд всем членам товарищества, каждому по числу его рабочих дней. На чем же основано это предположение, что останется значительный дивиденд? А на том, что хозяин частного предприятия также имеет все те расходы, о которых говорилось выше: он платит проценты по своим долгам и погашает их, содержит, если он человек разумный, и церковь, и школу, и больницу, наконец, он также застраховывает свое предприятие — и за всем тем у него еще остается значительная сумма, которая и составляет его прибыль: он бросил бы свое дело, если бы эта сумма, остающаяся в его руках, не была значительна.

Нет причины полагать, чтобы работа у товарищества шла менее успешно, нежели у него; напро-

тив, можно думать, что она пойдет успешнее, поэтому и дивиденд должен быть значителен.

Этот дивиденд составляет одну сторону выгоды товарищества для его членов; он возникает из производства, другая — вытекает из посредничества товарищества в расходах его членов на потребление. Как упоминалось выше, все желающие члены пользуются в общественном здании квартирами, которые лучше и дешевле обыкновенных. Точно так же они могут брать, если захотят, всякие нужные им вещи из магазинов товарищества по оптовой цене, которая гораздо дешевле обыкновенной, розничной. Кому, например, кажется удобным покупать сахар по 20 к. за фунт, а не по 30, как он продается в маленьких лавках, тот может брать его из магазина товарищества, которое покупает сахар прямо с биржи, стало быть, имеет его 30-ю процентами дешевле, чем получает он из мелких лавок. Но, разумеется, кому угодно платить не 20, а 30 копеек, тот может покупать его, где ему угодно.

Для людей небогатых главный расход составляет пища. Кому угодно самому готовить свой обед, может готовить его, как хочет. Но кто захочет, тот может брать кушанья к себе на квартиру из общей кухни, которая отпускает их дешевле, нежели обходятся они в отдельном маленьком хозяйстве; а кому угодно, тот может обедать за общим столом, который стоит еще дешевле, нежели покупка порций из общей кухни на квартиру. «Нам кажется, — так заключает автор, — что во всем этом нет пока ровно ничего особенно ужасного или стеснительного. Живи, где хочешь, живи, как хочешь, только предлагаются тебе средства жить удобно и дешево и кроме обыкновенной платы, получать дивиденд.

Если и это стеснительно, никто не запрещает отказываться от дивиденда».

Этот план насаждения товариществ представляет в сущности не что иное, как популяризацию проекта Луи-Блана (стремившегося к учреждению производительных ассоциаций при содействии правительства, которое должно стать «банкиром бедных»),—как на это указывает сам Чернышевский в своих примечаниях к «Основаниям политической экономии» Милля (см. главу о собственности). Здесь же он разъясняет, что это обращение к правительству само по себе вовсе не является обязательным, а вызывается лишь характером нации и особыми условиями французской жизни.

«Думай Луи-Блан вести свое дело у англичан, он и не подумал бы об администрации. Но что же было ему делать, когда он хотел вести свое дело у французов?... Словом сказать, теория административного содействия — плану ли, изложенному нами, другому ли какому общественному делу, или частному предприятию — не принадлежит к самой сущности мысли говорящего о том человека, а происходит лишь из соображений местных обстоятельств и народных привычек. Кажется вам, что в данном месте общественные привычки и практическая возможность ведения дела сходны с английскими, ну что ж, вы можете находить, что административное содействие не нужно для вашего дела, а если находите вы иное, тогда нечего делать, должны вы чувствовать нужду в том, что не было бы вам нужно в других обстоятельствах».

Чернышевский разделял это общее увлечение, и кооперация представлялась ему исключительно в виде производительных товариществ, так как о дру-

гих формах ее (напр., потребительных и ссудо-сберегательных обществах и т. д.) он нигде не говорит ни слова.

При этом тип этих товариществ рисуется им различно: с одной стороны он говорит о промышленно - земледельческих товариществах, сильно приближающихся к прежним коммунам, ибо они имеют в виду обслуживать все важнейшие нужды своих членов, в других же местах его сочинений выдвигаются производительные ассоциации в современном смысле слова, т. е. состоящие из лиц одной профессии. Но во всяком случае им он придавал решающее значение.

...«Искать надлежащего благосостояния, — говорит он в примечаниях к четвертой книге Милля об экономическом прогрессе, — будет работник только тогда, когда станет хозяином; вместе с тем принцип сочетания труда и характер улучшенных производительных процессов требует производительной единицы очень значительного размера, а физиологические и другие естественные условия требуют сочетания очень многих разнородных производств в этой единице; поэтому отдельные хозяева - работники должны соединяться в товарищества. Когда так называемые утописты заговорили об ассоциации, теоретики господствующей школы провозгласили эту новую идею злодейственной нелепостью, точно так же, как сначала провозглашается нелепостью вообще всякая новая мысль. Теперь уже не то. В каждом рутинном курсе политической экономии делается значительная уступка понятиям, так называемых утопистов; самый отсталый политико-эконом должен признаваться, что экономическая история движется к развитию принципа товарищества, и

что оно в некоторых случаях уже оказалось очень полезным».

Правда, препятствий на пути много, и автор сам задается вопросом: почему же такая простая и легкая мысль (т. е. развитый им выше план) до сих пор не осуществилась и, по всей вероятности, долго не осуществится? «Это вопросы интересные. Но ими мы займемся когда-нибудь в другой раз». Осуществить свое намерение ему, однако, не пришлось, ибо скоро арест и последующая ссылка оторвали его от литературной деятельности, и вышепоставленный вопрос так и остался без ответа. Но его не трудно получить, зная общую точку зрения Чернышевского. Основная сила прогресса — наука, успехи прогресса соразмерны степени совершенства и степени распространенности знаний. Народные массы стоят еще на низкой ступени развития, но раз новая теория, открывающая глаза трудящимся на их положение и указывающая им средства избавления, уже получила свое развитие, то будущее можно считать обеспеченным. «В цивилизации, в успехах знаний — пишет он в примечаниях к Миллю — лежит непобедимая сила улучшать общественный быт», соперничество исчезнет, «когда заинтересованные в этой замене сословия приобретут самостоятельность мысли и привычку к ведению хозяйственных дел».

Остановимся теперь на вопросе о том, в каком виде представлял Чернышевский осуществление своего идеала применительно к русским условиям. Тот план, который развивался им выше, был «приспособлен к нравам стран, потерявшим всякое сознание о прежнем общинном быте». У нас этот быт существует, как факт, и благодаря ему наша страна была избавлена от язвы пролетариата.

Правда, при теперешнем своем положении общинное владение сохраняет индивидуальную обработку земли, но, по мнению автора, отсюда уже легко перейти к высшей стадии, т. е. «к общинной обработке целой мирской дачи». Им указывается даже и срок для этого постепенного перехода: «через тридцать или двадцать пять лет общинное владение будет доставлять нашим поселянам другую, еще более важную выгоду (чем возможность быть хозяином), открывая им чрезвычайно легкую возможность к составлению земледельческих товариществ для обработки земли».

Когда расширится наш внутренний рынок, улучшатся пути сообщения и явится потребность в приложении большого капитала к земле, эти товарищества окажутся очень полезными для крупных землевладельцев: являясь соперницами капиталистов при найме больших поместий, они избавят помещика от зависимости, в которую поставила бы последних монополия капиталистов, и от невыгодных условий контракта, предписываемого монополией (см. «Современник» № 3 за 1858 г.—Ответ на замечание г. Провинциала...).

Как видно отсюда, Чернышевский не обольщает себя иллюзиями насчет настоящего: развитой критический дух и присущее ему реалистическое чутье предохранили его от той несообразности, в которую впали, с одной стороны, фюрерист Петрашевский, а с другой — реакционер бар. Гакстаузен, верившие в возможность «обобществления труда»... при крепостном праве; полное развитие общинного начала относится им к будущему, хотя и не очень далекому, т. е. когда экономические, общественные и политические условия жизни изменятся к лучшему.

Вполне естественно поэтому, что в романе «Что делать?», где рассказывается о новых людях из среды умственного пролетариата и намечается программа их деятельности для ближайшего времени, местом действия является не деревня и не община, а город, где условия более благоприятны для влияния интеллигенции.

Героиня романа — Вера Павловна, проникаясь новыми идеями, устраивает швейную мастерскую на началах ассоциации и в короткое время достигает блестящих результатов.

Но устройство швейных мастерских и достигнутые ими результаты — это только начало тех преобразований и чудес, каких автор ожидает от применения принципа ассоциации. В четвертом сне Веры Павловны он рисует перед читателем заключительную стадию процесса, изображая тот фаланстер, который был создан причудливой фантазией Фурье.

Зная взгляды Чернышевского на влияние народного характера и привычек при разрешении вопроса о целесообразности того или иного плана социальных реформ, можно было бы заключить, что у нас, где, как и во Франции, административная опека всеобъемлюща, успех производительных ассоциаций должен был бы быть поставлен в зависимость от сочувствия государства этому делу. В романе его мы не находим, однако, подобной тенденции; очевидно, внутреннее чутье подсказало автору, что, несмотря на вышеуказанное сходство, между Францией и Россией имеются не менее существенные черты отличия, которые не позволяют рассчитывать у нас на поддержку со стороны государства... Поэтому успех дела оказывается у него всецело осно-

ванным на развитии самопонимания и самопомощи трудящихся. «Трудно было людям только понять, что полезно, они были в твоё время такими дикарями, такими грубыми, жестокими, безрассудными, но я учила и учила их; а когда они стали понимать, исполнять было уже не трудно», — говорит старшая сестра в четвертом сне Веры Павловны, показывая ей будущее царство.

В 1861 г. вышла книга А. Корсака—«О формах промышленности и о значении домашнего производства в Западной Европе и России». «Домашняя форма производства не есть исключительное достояние России, она была везде, в известную эпоху экономического развития, и даже по настоящее время сохранилась во многих странах Европы почти в том же виде, в каком и в России. Она всегда была свойственна некоторым отраслям промышленности, которые поэтому труднее поддавались фабричному производству». Но в ней нужно различать два вида: домашнюю промышленность и домашнюю систему производства, соответствующую нашей кустарной промышленности. Кустари работают на неопределённый рынок, зависят от посредников-капиталистов и ни в коем случае не могут считаться самостоятельными производителями. «Нельзя отрицать, что эта система, представляющая собою смесь чисто домашней промышленности и домашнего рукоделия с замкнутой фабрикацией в больших размерах, скорее соединяет в себе вредные, чем выгодные стороны обеих форм». До сих пор кустарная промышленность является господствующей в России, но всё же время для неё проходит и здесь. Правда, она существует ещё у нас в больших размерах, чем на Западе, но только потому, что для фабрик нет

еще благоприятных условий; тем не менее некоторые отрасли, основанные на этой системе, так низко упали, как не падали и на Западе (напр., льняная), другие дают уже самые ничтожные заработки. Устройство ассоциаций между кустарями могло бы существенно улучшить их положение, но примеры таких объединений — вопреки мнению Гакстгаузена — автор считает чрезвычайно редкими. Вообще дух ассоциации — говорит он — не так общ нашему сельскому населению в деле промышленности, как об этом иногда думают. Товарищества встречаются только в отхожих промыслах, в так назыв. артелях, в которых члены — не предприниматели, но простые работники, состоящие на жаловании одного предпринимателя. Роль артели ограничивается только общими расходами на содержание, которые покрываются складчиной работников из их заработной платы. В производстве же некоторые примеры ассоциации наблюдаются в немногих только случаях закупки материалов посредством складчины, а именно таких, которые трудно покупать по мелочам. Так, некоторые корзищики скупают партии леса, но это — исключение.

Несмотря на этот далеко не оптимистический взгляд на вещи, Корсак все же в общем примыкает к тому направлению, которое связано с именем Гакстгаузена и Герцена, и высказывает убеждение, что как в прошлом политика Петра при всей ее ошибочности привела к насаждению фабричного производства, так и теперь кустарная промышленность при помощи кредита и ассоциации может очиститься от проникающего ее капиталистического духа и превратиться в луй-блановские социальные мастерские.

Увлечение новой идеей было настолько сильным, что некоторые из приверженцев ее не довольствовались требованием поддержки народной промышленности со стороны государства, но шли гораздо дальше, настаивая на передаче в руки артелей казенных заводов и даже запрещении вообще наемного труда. Сюда относится, напр., В. В. Берви (Н. Флеровский), автор получившей большую известность книги «Положение рабочего класса в России», вышедшей в 1869 г. и подвергшейся вскоре после выхода запрещению.

Рисуя бедственное положение широких масс трудящегося населения как в промышленности, так и в земледелии, Берви доказывает, что при капиталистическом режиме падение крепостного права не могло принести с собою никаких изменений к лучшему. «Чем более я вникаю в дело, тем более жизнь русского рабочего народа рисовалась передо мною в мрачных красках; все оптимистические уверения, что в России рабочему живется лучше, чем в Западной Европе, что у нас нет пролетариата и т. д., разлетались в прах. У нас привыкли кричать об английском сельском пролетариате, об ужасающей бедности в больших городах. Я убеждался, что Россия страна повального пауперизма, что все выгоды, доставляемые народу общинным владением землею и самостоятельным хозяйством, вполне уничтожаются тем грязным телом и тем невежеством, в котором его держат. Безучастие к страданиям рабочих людей превосходило все, что можно было встретить в Западной Европе. На Западе не было ни одной страны, где люди были так бедны, загнаны и несчастны». Развитие промышленности не принесло с собой облегчения, ибо договором найма, который

носит только мнимо-свободный характер, все выгоды доставляются одним предпринимателям. Сравнивая два уезда Нижегородской губ. — Ардатовский с крупными чугунно - плавильными заводами и Горбатовский с мелкой кустарной промышленностью, автор приходит к заключению, что мелкая промышленность гораздо лучше обеспечивает население, чем крупная. «Неужели можно равнодушно смотреть на то, что машины — этот важнейший благодетель человеческого рода, это плодоносное орудие, которое дает рабочему возможность при несравненно меньших усилиях производить не только вдвое и втрое, но иногда в 100 раз более—эти машины делаются бичем для рабочего класса? Не только для работников, для целых местностей оказывается более выгодным производить мало и дорого, чем производить много и дешево. Современный порядок, при котором произведения фабрик и заводов принадлежат одному капиталисту, в высшей степени убыточен для рабочих. Общество должно сделать все, что от него зависит, чтобы поставить работника по отношению к капиталисту в такое положение, при котором бы он не соглашался быть наемником. Капиталист дает свой капитал, работник—свой труд; произведение есть плод общих их усилий. Работник не должен отказываться от прав своих на него ради жалкой заработной платы. В настоящее время капиталист дает свой капитал и комфортабельно остается дома, покуривая сигару; работник дает свою работу и подвергается всем тягостям и неприятностям сурового труда, — следовательно нравственный долг каждого человека делать все, что от него зависит, чтобы общее произведение капиталиста и работника отнюдь не принадлежало только одному из них и

при том тому, который принес всего менее жертв, т. е. капиталисту. Наем на фабрики и промыслы заменил собою рабство; это отношение не окончательное, а составляющее для работника только одну ступень выше крепостного труда; настанет время, когда наем будет воспрещен, как воспрещено рабство. Работник не лошадь, это не существо низшей породы, он такой же человек, как и капиталист, между ним и капиталистом должно быть равенство, а равенства до тех пор не будет, пока будет существовать наем, пока капиталист и работник будут наниматель и наемник, а не товарищи, — пока работники не будут такими же хозяевами произведений фабрики, как и капиталист».

Это положение может коренным образом измениться только тогда, когда работники станут товарищами капиталисту и когда вознаграждение последнему будет определено в заранее установленной норме, напр., 15% в год. «Но почему барыш от промышленного предприятия — продолжает автор — должен принадлежать работнику, а капиталисту — только процент с капитала? Причина ясна: капиталисты не работают, они только страхуют промышленные предприятия имеющимися в их руках действительными ценностями. Капиталист не сработал ни хлеба, который ест работник во время производства, ни фабрики, на которой он работает; он оградил только производителей этих вещей от убытка, который они понесли бы, если бы произведения фабрик не нашли сбыта или фабричный работник промотал бы вырученные за них деньги. За такое страхование он имеет полное право на страховую премию или проценты с капитала, но на барыши он не может предъявлять никаких притязаний; они произ-

ведение труда работника и несомненная его собственность, потому что все, что создано моим трудом — мое. Право капиталиста вмешиваться в управление фабрикою должно ограничиваться необходимостью обеспечить себе проценты или страховую премию. Не в десять ли раз справедливее отдавать барыши тому, кто подвергается всем тягостям сурового труда, чем тому, кто спокойно и комфортабельно сидит в своем кабинете и только дает свой капитал».

Но если предприятие не удастся, то кто же должен отвечать? «Конечно, капиталист, точно так же как он обязан в этом случае выплачивать работнику заработную плату; иначе положение работника было бы еще более жалкое и угнетенное. За что же капиталист получает проценты, если не за то, что он отвечает за убыток и страхует работнику его заработную плату?»

Здесь возникает однако серьезный вопрос, не сократится ли при таких условиях предложение капитала, а следовательно и самый об'ем промышленной деятельности, дающей занятие рабочим. Автор не останавливается на нем подробно, но считает возможным утверждать, что «о капиталистах заботиться нечего, они явятся сами собой: в этом всякий, погружившийся в сферу промышленности, может убедиться, если внимательно будет наблюдать за тем, что происходит кругом него. ... Знание и труд — вот перед чем мы преклоняемся, а капитал, бог с ним, найдется».

Исходя из этого соображения о неистребимости капитала, автор удивляется «социалистам Запада, которые старались и стараются достигнуть своей цели путем рабочих стачек, причиняют этим рабо-

чим бесчисленные страдания и разорение, держат иногда целую страну в бесполезном волнении. Не лучше ли было бы вести дело на чистоту?» Нужно устроить товарищества, в котором рабочие имели бы такое же влияние на ход дел, как и капиталисты. «Один получает проценты, работник—остальное. Заграничные работники без всякого сомнения достаточно развиты для подобного товарищества, стачки со всеми их мучительными последствиями сделались бы ненужными. Конечно, социальный вопрос этим не был бы еще разрешен; его разрешение началось бы со дня окончательного устранения капитала от производства; во всяком случае ожесточение между пролетарием и капиталом увидело бы свой конец. ...Тысячи лет строятся фабрики, покупаются по базарной цене кирпич, железо и дерево, тысячи лет ремесленники покупают по базарной цене своей материал, тысячи лет рабочие покупают по базарной цене хлеб, мясо и одежду, но еще ни разу покупатели не пытались путем революции сделать эти предметы дешевыми, потому что революцией можно только решить вопрос о власти, а не вопрос о базарной цене.

То же будет с отношением пролетариев и капиталистов, когда с воспрепещением найма кончится между ними вопрос о власти и начнется вопрос о базарной цене на капитал».

Флеровскому, повидимому, не приходило в голову соображение, что ведь договор найма вовсе не покоится на каком-либо законодательном принуждении к нему и что поэтому запрещение его отнюдь не может дать того же эффекта, как отмена рабства или крепостничества. Не замечает он также и того, что из его посылки вовсе не следует того заключения, ко-

торое им делается. Напротив, основываясь на его аргументации, без всякой натяжки можно было бы сказать совершенно другое, а именно — что так как революция может разрешить лишь вопросы силы, а не базарной (т. е. рыночной) цены, и так как высота предпринимательской прибыли и процента на капитал все время определялась спросом и предложением на рынке, то нет оснований ожидать, что принудительное объединение рабочих с капиталистом в товарищество может повести к коренному улучшению отношений между этими двумя сторонами, тем более что мнение автора, будто из-за рыночной цены не может возгореться острая борьба является очень оптимистическим. Правда, он нигде прямо не говорит о принудительном кооперировании; но так как у него идет речь о запрещении договора найма, то очевидно иного выхода, кроме обязательного вступления в товарищество, быть не может...

Будучи человеком живым и деятельным, Флеровский, повидимому, не раз делал попытки применить свою теорию о ненужности капиталиста-предпринимателя на практике, но встретился с неожиданной оппозицией снизу.

«Поговорите с работником о товариществе между капиталистом и рабочими, он всего чаще отнесется к этому критически и нередко придет к убеждению в совершенной неосуществимости подобного плана. Его воображению тотчас представится эта пестрая масса рабочих, сбегавшихся со всех концов и друг с другом незнакомых. Он вспомнит об этих пьяницах и мелких плутах, которыми каждый может вертеть, как он хочет. Он тотчас подумает о том, что бестолковое большинство может

расстроить дело или отдать интересы общества в руки какого-нибудь шарлатана».

Мысль о своеобразных особенностях нашего общественно - экономического развития очень ярко была развита затем В. В(оронцовым) в его известной книге — «Судьбы капитализма в России», вышедшей в 1882 г. Здесь доказывается, что вследствие позднего вступления России на путь международного обмена внешние рынки оказались уже захваченными другими странами и потому капиталистические формы хозяйства не имеют шансов на то победоносное развитие, какое им свойственно на Западе.

Между тем бок о бок с крупным производством и под ним существует еще и развивается мелкое, продолжается национальный процесс развития общественной формы труда, тихое, естественное течение которого было лишь слегка взволновано вмешательством крупного капитала. «Если капитализация туземного производства пойдет таким черепашьим шагом, то есть надежда повернуть весь процесс развития общественной формы труда на народный путь, на путь артели, где рабочие трудятся не для возрастания капитала, а для удовлетворения собственных потребностей, где стремлением производства делается не безграничное его расширение, а сокращение труда работающих».

Но как же обстоит дело в действительности с этим народным производством, т. е. кустарной промышленностью?

На основании анализа материалов, собранных московским земством, Воронцов приходит к заключению, что «Организация общественной формы труда в кустарном промысле совершается крайне

медленно. Обогащение отдельных промышленников ведет лишь к механическому расширению их производства, но не к дальнейшему развитию мануфактуры, вследствие чего такая концентрация производства не нарушает возможности существования рядом мелких мастерских. Еще больше: в истории кустарного промысла за последние десятилетия гораздо яснее наблюдается его декапитализация, чем сосредоточение производства в меньшем числе более крупных мастерских; и сплошь да рядом развитие промысла в местности начинается образованием крупных заведений, которые потом распадаются на более мелкие.

«В основе такого направления нашего кустарного промысла лежат, во-первых, общие международные неблагоприятные условия для развития в России капитализма и, во-вторых, не порванная еще связь рабочего населения с землею. И обратно, укрепляя последнюю, мы отнимаем у туземного русского капитализма и теперешние его устои, создаем возможность для совершения развития общественной формы труда на артельных началах... Покамест мы вовсе не замечаем технической трудности мелкому промышленнику соперничать с крупным, и интеллигенция имеет время повлиять на производителей таким образом, чтобы обобществление труда, когда придет тому время, произошло не капиталистическим путем... Весьма вероятно, что процесс обобществления труда артельным путем пойдет быстрее, чем он шел под руководством нашего капитализма: по крайней мере последний показал очень мало стремления воспользоваться выгодами улучшенных способов производства и разделения труда, а неблагоприятные условия сбыта и

дешевизна ручного труда объясняют такую инертность русского капиталиста. Артель же, помимо стремления к обогащению, побуждается к развитию производительности труда и другим мотивом— весьма естественным желанием сократить и облегчить свою работу; поэтому и при неизменном сбыте продукта она может все-таки заботиться о введении различных технических усовершенствований»...

Мнение о невозможности развития у нас капитализма и об особых шансах для мелкой кустарной промышленности вызвало затем резкую критику со стороны марксистского направления. Не разделяли представители последнего также и увлечения артелями, которое было так свойственно народничеству. Наиболее отчетливое обоснование скептическому отношению к производительным товариществам дает М. И. Туган-Барановский, у которого принципиальная враждебность к позиции народничества совмещалась однако с живым и деятельным интересом к кооперации вообще.

Сопоставляя жалкие результаты, достигнутые производительными артелями, с блестящими завоеваниями потребительской и кредитной кооперации, он приходит к заключению, что причины неудачи артелей зависят не от внешних условий, которые можно было бы так или иначе устранить, а коренятся в самом существе их социально - экономической природы. Принципиальное различие артели от всех остальных кооперативов заключается в том, что она — и только она одна — отрицает наемный труд, между тем как все остальные кооперативы без исключения имеют в своем основании наемный труд. Но это именно обстоятельство и является источником ее слабости, ибо у нее нет свободы в

выборе своего рабочего персонала и она должна довольствоваться персоналом, который представляют члены артели. Персонал же этот даже в том случае, если он состоит из лучших рабочих данного дела, неизбежно страдает весьма существенным недостатком: он состоит из людей, знакомых с операциями производства, но не с торговыми операциями. Между тем в современной хозяйственной системе самое главное — найти рынок для сбыта продукта, производство же его технических трудностей не представляет. В борьбе за существование побеждают не те предприятия, которые имеют особые преимущества по отношению к производству, а те, которые находятся в лучшем положении по отношению к сбыту.

В области производства артель имеет перед капиталистическим предприятием известные преимущества, заключающиеся в том, что члены артели работают не на хозяина, а на самих себя, и потому могут работать с большей старательностью и энергией, хотя в производствах, основанных не на применении ручного труда, а на машине, это преимущество и утрачивает значительную долю своего влияния. Но, хромая в отношении сбыта, артели должны быть признаны вообще более слабыми предприятиями, чем капиталистические. Эта основная слабость артели вытекает из ее особенности, как кооператива, существующего в интересах рабочих, выполняющих в ней производительные функции.

«В конце концов — так резюмирует свой взгляд Туган-Барановский, — мы должны признать, что производительная артель в чистом виде не играет почти никакой роли в хозяйственной системе со-

временности и не имеет шансов играть более важную роль в будущем»¹⁾.

Однако, по его мнению, жизнь создала некоторый новый тип предприятий, имеющих нечто общее с артелями, но народно-хозяйственное значение которых является несравненно более важным. Это предприятия, основанные на системе так назыв. коопартнершипа. Различие между ними заключается в следующем. В артели капитал и труд сливаются в одно неразрывное целое: каждый рабочий артели является в то же время собственником общего капитала артели. Напротив, в предприятиях по системе коопартнершипа капитал и труд формально раз'единены: капитал такого предприятия складывается из паев, которые могут принадлежать как рабочим, занятым в предприятии, так и другим лицам. Но для более тесной связи между капиталом и трудом предприятия этого рода вводят в состав правления известное число членов по выбору рабочих, а также предоставляют рабочим некоторую долю прибыли. Эта система может быть признана наиболее рациональной, так как она, с одной стороны, дает рабочим фактическое участие в руководстве и выгодах предприятия, а с другой — обеспечивает поддержание должной дисциплины (ибо директор зависит от правления, избираемого общим собранием пайщиков) и приток капитала со стороны; при этом найщиками могут быть не только частные лица, но и организации, напр., потребительные кооперативы, профессиональные союзы и т. п.

Мысль о том, что производительные артели составляют венец кооперативного движения, продол-

¹⁾ „Вестник Кооперации“, 1915 г. № 3; его же — Социальные основы кооперации (1916 г.).

жают однако находить себе сторонников. Так, по мнению Максимова - Слободянина, экономическая природа кооперации определяется прежде всего тем приматом, который имеет в ней труд, и тем подчиненным, служебным значением, которое отведено капиталу, рассматриваемому здесь лишь в качестве средства производства. Эта общая тенденция ярче всего сказывается в производительных товариществах, которые поэтому занимают высшее положение в системе кооперативного движения.

Приматом труда и центральным положением производства в кооперативах этого рода определяются в них и основы распределения, которое идет не по капиталу, а по труду, при затруднительности же трудового учета — поровну. В иных случаях, по побуждениям морального характера, распределение по труду корректируется по принципу потребностей. По тем же побуждениям может составляться неделимый и неотчуждаемый капитал артели, который является общим достоянием всего артельного движения. В такой форме он обобществляется. Орудия и средства производства в артели, в свою очередь, принадлежат всему коллективу артельщиков, — что тоже составляет одну из форм обобществления. Артель не отрицает свободного рынка, но, составляя общественную организацию, сложившуюся не только на почве экономических, но и моральных побуждений, она естественно стремится к товарообмену с другими такими же общественными организациями и предпочитает учтенный и определенный рынок. Частной собственности на то, что не составляет орудий и средств производства, производительная артель не отрицает, но в свободном развитии своем, при заложенном в ней

стремлении приспособляться к условиям жизни и уровню своих членов, она в иных случаях не останавливается и перед дальнейшими ограничениями личной собственности.

Таким образом, экономическая природа производительной кооперации, если и не может быть названа прямо социалистической, то во всяком случае должна быть призвана социалистичной. Преследуя цели производства и организации труда, этот вид кооперации стремится к улучшению на новых основаниях экономического благосостояния своих членов, и при том посредством самостоятельной и самоуправляющейся, чуждой принуждения и приниженной духом равноправия организации, т. е. при посредстве такого строя управления, который удовлетворяет важнейшим требованиям справедливости. Производительная артель создает в миниатюре идеальные формы общественного бытия, могущие обеспечить материальное и духовное благополучие личности и возможность ее дальнейшего развития¹⁾.

1) М. Слободжанин, Народноправство и трудовое начало в исторических формах бытовых артелей (1917 г.). Его же, Самодеятельное и природа артельного движения (1918 г.).

Русское законодательство об артелях.

В России закон впервые заговорил об артелях в Уставе о цехах, утвержденном 12 ноября 1799 г., и постановления его, вошедшие затем в Устав торговый, в течение долгого времени регулировали внешнее положение и внутреннюю жизнь артелей. Это регулирование было в законе проведено, однако, только в самых общих чертах, все же остальное предоставлялось на усмотрение администрации.

Только 1 июня 1902 г. было издано специальное Положение об артельных товариществах, содержащее в себе уже более детальные постановления. Согласно этому закону, трудовую артелью признается товарищество, образовавшееся для производства определенных работ или промыслов, а также для отправления служб и должностей личным трудом участников за общий их счет и с круговой их порукой. Артели могли образовываться на основании договоров (но в таком случае они не пользовались правами юридического лица) и на основании нормального устава, который был утвержден в 1904 г. Для их возникновения требовалось разрешение губернатора, который имел также право и закрытия их. Число учредителей устанавливалось в 5 человек (в возрасте не моложе 17 лет). Порядок участия членов артели в ее работах своим личным тру-

дом определяется или уставом или общим собранием членов. Прибыль должна распределяться поровну между членами пропорционально их труду. В случае недостаточности имущества артели на удовлетворение причитающихся с нее сумм, все ее члены отвечают за круговой порукой всем личным их имуществом неограниченно или в пределах, указанных уставом¹⁾.

Закон 20 марта 1917 г. о кооперативных товариществах и их союзах, не создавая для производительных и трудовых артелей особых норм, подчинил их общему положению, согласно которому учреждение кооперативного товарищества могло происходить на основании договора или устава, причем правами юридического лица пользуются все уставные кооперативы со дня внесения их в реестр и те из договорных, которые регистрируют свои договоры. Регистрация возлагалась на окружные суды, которые могли отказать в ней только в случае несогласия устава с законами. Содержание устава предоставлялось на усмотрение учредителей (числом не менее 7), но обязательно должно было содержаться указание на фирму товарищества, его цели, срок, условия вступления и выхода членов, порядок образования капиталов, а также распределение прибылей или убытков, состав органов управления и порядок ликвидации. Явочный порядок устанавливался также для образования союзов кооперативных товариществ.

После октябрьской революции, когда началась национализация частной промышленности, многие

¹⁾ Третье полное собрание законов, № 21550.

владельцы предприятий стали пользоваться кооперативной фирмой, чтобы удержать свои мастерские.

Для борьбы с этим явлением, породившим массу лже-кооперативных артелей, декрет 24 сентября 1919 г. предписывал срочно произвести перерегистрацию всех промысловых товариществ, возникших после 1 января 1918 г. Вместе с этим он вводил ряд ограничений, запрещая участие в промышленной кооперации лицам, которые в промежуток последних 20 лет были: 1) председателями или членами правлений акционерных обществ, 2) владельцами какого-либо предприятия, занимавшего свыше 20 рабочих и служащих, 3) владельцами свыше 50 десятин земли или дома, оцененного в 1916 г. для взимания налога свыше чем в 10.000 р., 4) чиновниками в должности первых пяти классов, а по военной службе выше чина подполковника.

Декретом 7 сентября 1920 г. устанавливалась обязанность для кустарей и их объединений (артелей) принимать к исполнению все заказы государственных органов. Изделия, изготовляемые из принадлежащего государству сырья, должны сдаваться тем органам, которые его выдали. Изделия из своего сырья также подлежали сдаче, кроме изготовленных по отдельным заказам из материалов заказчика для его личной потребности — или Народному комиссариату продовольствия или органу губернской кустарной промышленности. В виде исключения допускалась продажа самими кустарями и их объединениями, но без посредников - перепродавцов, на местном рынке изделий своего производства, необходимых для повседневного обихода.

Трудовых артелей, живущих продажей рабочей силы, эти новые правила в общем мало касались. Исключение составляют так назыв. биржевые артели: первоначально они были объединены в Петроградское и Московское товарищества ответственного труда, работавшие под контролем Высшего Совета Народного Хозяйства, на основании особого устава (декрет 20 февр. 1919 г.), но затем и эти товарищества (декрет 13 декабря 1920 г.) подверглись ликвидации, при чем все члены их должны были быть взяты на учет Биржами Труда для назначения по их специальности в порядке трудовой повинности.

27 января 1920 г. был издан декрет об объединении всех видов кооперации с едиными потребительскими обществами. Кооперативы первой степени, т. е. в данном случае артели продолжали существовать самостоятельно, но все их объединения (союзы) сливались с органами потребительской кооперации, превращаясь в их секции. Только в виде исключения семь наиболее крупных промысловых союзов, работающих на военное ведомство, продолжали самостоятельное существование на основании постановления Совета Труда и Оборона от 6 сент. 1920 г.

С переходом к новому курсу экономической политики положение промысловой кооперации подверглось коренному изменению, и постановление Совета Народных Комиссаров от 17 мая 1921 г. признает необходимым вернуться, с небольшими изменениями, к тем основным положениям, которые значатся в законе 20 марта 1917 г.

Декрет 7 июля 1921 г. о промысловой кооперации предписывает всем властям оказывать содействие кустарям в деле их кооперирования и с этой

целью отдавать предпочтение кооперативным организациям перед частными лицами при выдаче заказов, авансировать их денежными средствами, сырьем и материалами при выполнении государственных заданий и оказывать преимущество при подыскании и предоставлении помещений. Для образования артелей и их союзов восстанавливается явочный порядок, если район их деятельности не выходит за пределы губернии. Для учреждения же областных и всероссийских объединений необходимо предварительное разрешение президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Промысловой кооперации предоставляется право самой производить в денежной и натуральной форме сбыт всех изделий и все отношения к государству поставлены на почву договорных отношений. Хотя в декрете говорится прямо лишь о кустарях, но все постановления его относятся и к промышленным рабочим, объединяющимся в артели.

Стоя на точке зрения обязательного трудового начала, декрет допускает наемный труд лишь для работ вспомогательных и требующих специальных познаний в размере не свыше 20% общего состава членов товарищества. Но в исключительных случаях с разрешения органов Совета Народного Хозяйства наемный труд допускается и в основном производстве. Запрещается также одному лицу состоять одновременно членом двух промысловых кооперативов в объединении одного и того же производства.

Для борьбы с лжекооперативными организациями, желающими использовать артельную форму для избежания различных накладных расходов, обязательных для частных предприятий, 26 сентября

1922 г. был издан декрет об охране труда и обеспечении прав лиц, работающих в промысловых кооперативных организациях. Согласно этому декрету применение наемного труда в скрытой форме под видом труда членов артели влечет за собой помимо уголовной ответственности по суду ликвидацию данной организации, а также обязанность уплатить всем работавшим вознаграждение по тарифным ставкам, сверхурочные, если таковые происходили, и все взносы и пени за время уклонения от социального страхования.

Вместе с тем настоящим артелям вменяется в обязанность соблюдать как в отношении членов, так и лиц наемного труда, непосредственно занятых в производстве, все постановления об охране труда, т. е. о санитарном состоянии мастерских, запрещении ночного труда женщин и подростков и т. п. Но члены артели получают свое вознаграждение не по тарифным ставкам, а по фактическому заработку артели, не подлежат обязательному социальному страхованию и длина рабочего дня для них устанавливается подлежащими органами кооператива.

Наконец, декретом 25 ноября 1921 г. восстановлена была деятельность ликвидированных в период военного коммунизма артелей ответственного труда. При допущении частной промышленности и торговли и при переводе государственных предприятий на хозяйственный расчет явилась потребность в возрождении и этих артелей, которые поставляли нужных специалистов, несущих материальную ответственность за целостность товаров, денежных касс и т. п. Согласно этому декрету наименьший состав товариществ определялся в 50 человек, а основной капитал, хранимый обязательно в Гос-

банке, должен расходоваться только на покрытие претензий и в случае его уменьшения подлежит пополнению. В дополнение к ответственности товарищества, которое отвечает за убытки всем своим имуществом, декрет устанавливает, в случае недостаточности последнего, имущественную ответственность всех членов товарищества за круговой друг за друга порукой. За то, что товарищество несет ответственность за работу своих членов, оно взыскивает с нанимателей особое вознаграждение, гарантию, в размере, определяемом договором; обычно эта гарантия устанавливается в процентном отношении к заработку членов т-ва и уплачивается не им на руки, а непосредственно в артельную кассу. Замена профессионального личного труда членов т-ва наемным трудом, как правило, не допускается; но в исключительных случаях ему предоставляется принимать по особым договорам ответственность за работников, и не состоящих членами артели¹⁾.

1) Л. Поволоцкий, Русское кооперативное законодательство (1923 г.).

Приложение № 1

Образец договора, ежегодно заключавшегося трудовыми артелями на уральских горных заводах.

1) „Артель обязуется содержать полный состав людей, необходимых для управления доменными печами; 2) содержать сторожей для охраны зданий и машин; 3) припасы получать из заводских запасов по условленной цене; 4) содержание всех машин и поправку их, равно и других заводских сооружений (железных дорог, ворот и др.) принимает на свой счет, кроме капитальных исправлений; 5) инструменты, существующие в наличности, артель получает от завода, в случае же недостатка покупает на свой счет; 6) артель получает по истечении каждого месяца плату: за чугун свиночный и употребляемый на отливку по 25,8 коп. сер. и за бороздник 21,6 к. сер.; 7) артель обязуется вести счета и расчеты по шнуровым книгам, которые должны быть всегда открыты для заводоуправления. Из заработка артели поверенный ее на основании рабочего журнала удовлетворяет рабочих платой в установленном размере, а остальные хранятся, как запасный капитал, который делится по окончании всех расчетов пропорционально назначенным платам за вычетом 2% в кассу горнозаводского товарищества; 8) артель обязуется выплавлять чугун под руководством управления завода и вообще исполнять все его требования; 9) мастер обязывается наблюдать, чтобы все работы производились своевременно и надлежащим образом; каждый рабочий исправным выполнением своих обязанностей должен в этом помогать мастеру; 10) каждый рабочий, член артели, обязывается служить делу честно и добросовестно, быть почтительным, вести себя добросовестно, совестливо исполнять и в свое время оканчивать работу и вообще всеми средствами содействовать пользам завода; в случае каких-нибудь несправедливых и незаконных требований со стороны служащих по заводу обязывается сообщать, через доверенного мастера или лично, для должного разбирательства управителю завода; 11) за каждый день неявки на работу рабочий подвергается взысканию 2 суточного жалования; в случае повторной же неявки до 3 раз в месяц виновный может быть исключен из артели; кто явится на работу в нетрезвом виде, тот подвергается тем же взысканиям; вообще за всякое небрежное исполнение своих обязанностей, смотря по важности проступка, виновный подвергается взысканию от 1 до 7 суточного содержания; 12) за неправильное расходование руды, флюсов, угля полагается исключение виновного из артели и штраф

артели от 3 до 10 руб., за неправильную сдачу чугуна—исключение виновного из артели и штраф артели от 5 до 20 р., за отливку вещи для себя и для продажи—исключение виновного из артели и штраф артели от 5 до 25 р.; 13) взыскание штрафов производится по усмотрению управителя или он, по своему усмотрению, передает дело на решение приказа горнозаводского т-ва; 14) исключение из артели может быть производимо по приговору $\frac{2}{3}$ членов или по предложению управителя, с утверждения горного начальника; 15) все затруднения, не определенные настоящим условием, вырешаются горным начальником, решения которого считаются окончательными".

Приложение № 2.

Образцовый Устав Производительно-Трудовой Артели.

I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ.

1. Производительно-Трудовая Артель под наименованием... имеет целью улучшение материального положения своих членов путем организации совместного их труда по...

2. Артель пользуется всеми правами юридического лица. Для осуществления своих целей Артель может устраивать склады для хранения материалов, необходимых для собственного производства и работ, а также и продуктов своего производства, магазины для продажи предметов своего производства и открывать в пределах района своей деятельности отделения; учреждать вместе с другими артелями союзы производительно-трудовых артелей, а равно вступать членом в существующие союзы производительно-трудовых и иных кооперативных объединений; вступать во всякого рода договоры и имущественные сделки и, вообще, производить всякого рода действия, направленные к развитию Артели.

3. Правление Артели находится в..... Район деятельности Артели.....

4. Артель имеет печать с обозначением своего наименования.

5. По принятым на себя обязательствам, а также за убытки, причиненные по артельным работам, Артель отвечает всем своим имуществом и капиталами.

II. СОСТАВ АРТЕЛИ, ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ЕЕ ЧЛЕНОВ.

6. Членами Артели могут быть лица обоего пола в возрасте от 18 лет, принимающие участие личным трудом в работах Артели. При вступлении в Артель каждый член ее выдает обязательство в том, что принимает на себя ответственность по делам Артели в пределах, установленных сим уставом, и будет подчиняться требованиям и постановлениям Общего Собрания. Вступающий в Артель отвечает и по тем обязательствам, кои возникли до вступления его в члены.

7. Прием в члены Артели производится Общим Собранием по заслушании отзыва о кандидате со стороны Правления и наличных в собрании членов Артели. Кандидат в члены Артели, Правлению мало известный, должен предварительно принять участие в работах Артели в течение . . . На все время предварительной работы кандидат становится участником материальных выгод артельного труда наравне с членами Артели.

8. Каждый член Артели имеет право выйти из нее, подав о том письменное заявление. Днем выхода считается . . . Днем выбытия умершего считается . . .

9. По постановлению Общего Собрания, закрытою баллотировкою могут быть исключены из Артели те члены, которые не выполняют своих обязательств перед Артелью, которые действуют противно уставу и законным требованиям Артели и, вообще, в ущерб Артели. Днем выбытия исключенного члена считается . . . Права участвовать в Общих Собраниях или занимать какие-либо должности в Артели исключенный лишается со дня получения им извещения о последовавшем его исключении. Исключенный член Артели вновь может быть принят в Артель закрытой баллотировкой большинством $\frac{2}{3}$ присутствующих на Общем Собрании членов.

10. Каждый член Артели несет дополнительную ответственность по всем обязательствам и убыткам Артели в размере членского взноса, т. е. в размере . . . рублей.

Выбывшие или исключенные члены Артели в течение . . . , считая со дня выбытия, отвечают наравне с членами по обязательствам Артели, возникшим до выбытия их.

11. По истечении . . . после утверждения Общим Собранием отчета за тот операционный год, в течение которого член выбыл, ему или его законным представителям возвращаются сделанные членские взносы, за вычетом падающих на его долю убытков, или же с причислением причитающихся ему дополнительных отчислений из чистого дохода.

В случае прекращения деятельности Артели до истечения срока ответственности выбывших членов, последние сохраняют за собою при ликвидации имущественные права и несут ответственность наравне с членами Артели.

III. КАПИТАЛЫ АРТЕЛИ.

12. Артель имеет капиталы: оборотный и запасный и может образовывать специальные капиталы.

13. Оборотный капитал Артели составляется из членских взносов, из сумм, пожертвованных Артели, а также из различных отчислений по постановлению Общего Собрания.

Членский взнос равен . . . рублям. Уплата членского взноса может быть рассрочена по постановлению Общего Собрания. Права по членскому взносу не могут быть передаваемы.

Оборотный капитал расходуется на нужды, вызываемые производством, работами и сбытом Артели, и служит обеспечением по обязательствам Артели. Для усиления оборотного капитала, а также обеспечения ответственности членов Артели, согласно § 10, Артель

может установить для своих членов обязательные вклады в Артель. Последние, по выходе члена из Артели, возвращаются ему с соблюдением правил, изложенных в § 11.

14. Запасный капитал Артели образуется из отчислений из чистого дохода Артели в размере не ниже 2% и прочих случайных поступлений, которые могут оказаться в ее распоряжении.

Запасный капитал служит для покрытия возможных убытков.

Порядок хранения и расходования запасного капитала определяется Общим Собранием. По достижении запасным капиталом суммы, равной . . . оборотного капитала, дальнейшее его пополнение зависит от усмотрения Общего Собрания. При уменьшении запасного капитала от покрытия убытков Артели, из чистого дохода последующих лет в первую очередь пополняется запасный капитал до его предшествовавшего размера.

15. Общим Собранием могут быть также образованы на основании § 12 капиталы со специальным назначением: вспомогательный, библиотечный и т. п. Порядок образования и расходования этих капиталов определяется Общим Собранием.

IV. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРТЕЛИ.

16. Артель может принимать на себя исполнение работ и заказов от отдельных лиц, организаций и учреждений.

17. Распределение работ между членами Артели производится Правлением.

Правила и порядок производства работ устанавливаются Общим Собранием и за соблюдение их ответственно Правление.

Работы выполняются личным трудом членов Артели; для различных вспомогательных работ, которые требуют особых специальных познаний и не могут быть исполняемы самими членами, Артель имеет право приглашать на службу посторонних лиц, с тем, чтобы общее число их не превышало 20% состава членов Артели.

Примечание: В исключительных случаях наемный труд может быть допущен и в основном производстве Артели с разрешения органов В.С.Н.Х., ведающих промысловую кооперацию, в указываемых ими размерах.

Ученики могут быть принимаемы в Артель в возрасте от 16-ти до 18-ти лет с соблюдением всех постановлений о труде подростков.

V. УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ АРТЕЛИ.

18. Управление делами Артели принадлежит: а) Общему Собранию и б) Правлению.

А. Общее Собрание.

19. Общее Собрание состоит из всех членов Артели.

20. Ведению Общего Собрания подлежит:

а) Прием и исключение членов Артели;

б) Определение условий внесения членского взноса;

- в) Избрание членов Правления и Ревизионной Комиссии;
- г) Утверждение инструкций для Правления и Ревизионной Комиссии, определение размера вознаграждения Правлению и удаление членов Правления и Ревизионной Комиссии до окончания срока их полномочий, разрешение жалоб на Правление;
- д) Разрешение вопросов о праве пользования недвижимым имуществом;
- е) Определение размера основного заработка членов;
- ж) Рассмотрение и утверждение смет и отчетов, представляемых Правлением, распределение чистого дохода и убытков;
- з) Рассмотрение вопросов об изменении и дополнении устава и о закрытии Артели;
- и) Разрешение вообще всех дел, относящихся к деятельности Артели, превышающих полномочия Правления.

21. Общее Собрание созывается Правлением ежегодно не позже 30 апреля для рассмотрения отчета и не позже 1 декабря для утверждения плана деятельности и сметы на будущий год. Кроме того, Общее Собрание созывается по мере надобности по постановлению Правления или по требованию Ревизионной Комиссии или $\frac{1}{10}$ части членов Артели. Если Общее Собрание не будет создано в течение двух недель со времени заявления о том требования со стороны Ревизионной Комиссии, или установленного меньшинства, то оно созывается Ревизионной Комиссией в течение последующих двух недель.

22. Члены Артели должны быть извещаемы повестками по крайней мере за неделю о дне и месте Общего Собрания, а также об этом должно быть вывешено в Правлении объявление с указанием вопросов, подлежащих обсуждению Собрания.

23. Общее Собрание считается состоявшимся при наличии не менее $\frac{1}{2}$ всех членов. Для разрешения вопросов о прекращении деятельности Артели, исключении членов Артели, принятии обратно исключенных членов, удалении членов Правления и Ревизионной Комиссии, а также об изменении и дополнении устава требуется присутствие не менее $\frac{2}{3}$ всех членов.

Если в день, назначенный для Общего Собрания, не соберется указанное в этом § число членов, то не позже 2-х недель назначается вторичное Собрание, которое признается состоявшимся при всяком числе явившихся.

24. Общее Собрание избирает из своей среды Председателя и Секретаря.

25. В Общем Собрании каждый член Артели пользуется правом одного голоса, причем это право не может быть передаваемо. В Общих Собраниях, по приглашению Правления, могут участвовать с правом совещательного голоса и лица, не состоящие членами Артели.

26. В Общем Собрании для постановления об изменении устава, о прекращении деятельности Артели, об исключении из Артели, принятии обратно исключенных членов и об устранении должностных лиц требуется большинство $\frac{2}{3}$ присутствующих на Собрании членов Артели. Остальные дела и вопросы решаются простым большинством голосов.

27. Постановлениям Общего Собрания ведутся протоколы, подписываемые Председателем Собрания, Секретарем и не менее как тремя присутствующими членами Артели.

Б. П р а в л е н и е.

28. Правление есть исполнительный орган Артели. Оно ведет все дела Артели и представляет Артель без особой на то доверенности во всех ее делах, обязательствах и сношениях с учреждениями и лицами. Правление состоит не менее как из 3-х членов Артели, избираемых закрытой баллотирской на один год. К ним избираются тем же порядком не менее 2-х кандидатов для временного замещения отсутствующих или выбывающих членов Правления. В состав Правления и Ревизионной Комиссии не могут входить в одно и то же время лица, состоящие между собой в родстве и свойстве до второй степени включительно. Правление избирает из своей среды Председателя, его заместителя и распределяет между собой обязанности.

29. В частности на Правление возлагается:

- а) Покупка материалов и орудий производства;
- б) Прием заказов;
- в) Оценка готовых изделий;
- г) Приобретение, согласно постановления Общего Собрания, от имени Артели имущества и наем мастерских, магазинов, складов и других помещений;
- д) Наем рабочих и служащих для выполнения работ, указанных в § 17;
- е) Продажа изделий Артели, как за наличные деньги, так и в кредит, в пределах, установленных Общим Собранием;
- ж) Заключение договоров от имени Артели, в том числе и займов для нужд Артели, установленных Общим Собранием;
- з) Прием всякого рода платежей, выдача заработка, производство расходов по смете, утвержденной Общим Собранием, хранение денежных сумм и всего имущества Артели;
- и) Ведение книг и делопроизводства Артели;
- к) Составление годового отчета и сметы на предстоящий год;
- л) Наблюдение за исправным выполнением работ членами Артели и наложение на них взысканий в пределах, установленных Общим Собранием;
- м) Исполнение постановлений Общего Собрания и, вообще, распоряжение всеми делами Артели в пределах сего устава и утвержденной Общим Собранием инструкции.

30. Правление собирается по мере надобности, но не реже одного раза в . . . О времени и месте заседания должно быть вывешено в Правлении объявление. Заседания Правления признаются состоявшимися, если в них присутствуют три члена Правления, в том числе Председатель или его заместитель. Дела решаются простым большинством голосов. В случае равенства голосов вопрос считается нерешенным и переносится на рассмотрение ближайшего Общего Собрания. Постановления Правления вносятся в особую книгу и подписываются присутствующими членами.

31. Общее Собрание закрытой баллотировкой может назначить членам Правления постоянное вознаграждение или вознаграждение за заседания.

32. Жалобы на Правление приносятся Общему Собранию. В случаях обнаружения злоупотреблений со стороны члена Правления, Правление может временно отстранить ответственного за то члена Правления, приняв в то же время меры к безотлагательному созыву Общего Собрания, которому и предлагается на разрешение вопрос об устранении члена Правления.

Члены Правления за все убытки, причиненные Артели их незаконными действиями, отвечают совокупно перед Артелью всем своим имуществом. Независимо от сего они подвергаются за преступные действия и упущения уголовной ответственности.

По делам, порученным Общим Собранием исключительно одному из членов Правления, остальные члены Правления не несут ответственности, если они не имели возможности предотвратить причинение вреда.

33. Чеки, обязательства, доверенности, договоры и всякого рода акты подписываются Председателем или заместителем и одним из членов Правления. Для получения из почтовых учреждений денежных сумм, посылок и корреспонденции достаточно подписи одного члена Правления.

34. Для контроля деятельности Правления Артели Общее Собрание закрытой баллотировкой избирает Ревизионную Комиссию сроком на один год в составе не менее 3-х лиц, не состоящих членами Правления.

На Ревизионную Комиссию возлагается проверка отчетов и смет и представление по ним заключений Общему Собранию, а также фактическая ревизия всего имущества Артели и всех отраслей деятельности ее, для чего ей предоставляется требовать от Правления сообщения всех необходимых сведений.

VI. СЧЕТОВОДСТВО И ОТЧЕТНОСТЬ.

35. В Артели обязательно ведутся книги, в которые заносятся:

а) Общий приход и расход Артели, остаток денег и другого имущества Артели;

б) Состояние счетов Артели с каждым отдельным лицом и

в) Именной список членов Артели с показанием производящих им выдач и принадлежащих им сумм.

36. Отчетный год Артели считается с 1-го января по 31-е декабря включительно. Первый отчетный год Артели считается со дня открытия ее действий по 31-е декабря того же года.

37. В случае несоставления Правлением годового отчета в указанный уставом срок, Ревизионная Комиссия может поручить составление отчета под своим наблюдением другим лицам за счет Правления.

38. Утвержденный Общим Собранием отчет хранится при делах Артели и представляется в течение двух недель со дня утверждения Общим Собранием в копиях в установленные законом правительственные учреждения.

VII. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИБЫЛИ И УБЫТКОВ.

39. По производстве из чистого дохода отчислений в запасный капитал, согласно § 14 сего устава, по постановлению Общего Собрания остаток может быть обращен частью или полностью на увеличение оборотного капитала Артели, на образование специальных капиталов, на удовлетворение прочих общих нужд Артели или на распределение между членами Артели, соразмерно участия каждого в работах Артели своим личным трудом, а равно и на другие дозволенные законом цели.

40. Оказавшийся по оборотам Артели убыток покрывается из запасного и оборотного капиталов, а за недостаточностью их — чистым доходом следующего за отчетным года. Если же убыток этим путем не покрывается, то Общее Собрание должно разверстать недостающую сумму между всеми членами Артели поровну и назначить срок, не дальше конца следующего года, для уплаты каждым своей доли. В случае неуплаты кем-либо из членов Артели причитающейся с него доли, Правление взыскивает с него эту сумму, как просроченный долг. То, что не могло быть взыскано с одного, разверстывается по тому же расчету и взыскивается Правлением с остальных членов Артели.

VIII. ПРЕКРАЩЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРТЕЛИ.

41. Деятельность Артели прекращается по постановлению Общего Собрания.

42. Если число членов Артели окажется менее 5-ти, то Правление обязано немедленно созвать Общее Собрание, которое постановляет прекратить деятельность Артели, если до того времени Артель не пополнится новыми членами.

43. Постановление Общего Собрания о ликвидации Артели сообщается надлежащим учреждениям и публикуется в установленных законом органах.

44. Ликвидация дел Артели производится членами Правления, если по постановлению Общего Собрания она не возложена на членов Артели, не входящих в состав Правления. Число ликвидаторов должно быть не менее 3-х. Ликвидаторы подчиняются общим правилам, установленным для членов Правления, и на тех же основаниях несут ответственность за причинение убытков Артели, а равно подлежат контролю Ревизионной Комиссии.

Ликвидаторы исполняют обязательства Артели и взыскивают по ее требованиям и распродают принадлежащее Артели имущество. Вступать в новые обязательства ликвидаторы могут только в том случае, если на это им предоставлено право Общим Собранием.

Если имущество Артели окажется недостаточным для покрытия всех ее обязательств, то ликвидаторы взыскивают с членов доплату согласно § 10.

45. Возврат членских взносов может быть произведен не ранее погашения долгов Артели, во всяком случае не ранее истечения одного года со дня опубликования о назначении ликвидации. Сумма, необходимая для удовлетворения по спорным долгам Артели и по долгам, по которым срок еще не наступил, отчисляется ликвидаторами.

За нарушение этой статьи ликвидаторы отвечают как перед членами Артели, так и перед ее кредиторами. Такая же ответственность возлагается на членов Ревизионной Комиссии, если, по обнаружении нарушения, ими не было заявлено о том в письменной форме.

46. По уплате долгов Артели и по возвращении членских взносов, ликвидаторы дают оставшемуся имуществу назначение, указанное постановлением ликвидационного Общего Собрания.

47. По окончании ликвидации ликвидаторы составляют о своих действиях отчет, который с заключением Ревизионной Комиссии представляется ликвидационному Общему Собранию для утверждения. По утверждении отчета об окончании ликвидации сообщается надлежащему учреждению для соответственной отметки в реестре кооперативных товариществ и для опубликования. Книги, дела и документы передаются ликвидаторами в надлежащее учреждение, которое хранит их в течение установленного срока и в это время допускает бывших участников Артели и ее кредиторов к обозрению их, а равно выдает копии, выписки и справки.

48. В случаях, непредусмотренных настоящим уставом, Артель руководствуется законами, установленными для промысловой кооперации, а равно и общими законоположениями как ныне действующими, так и теми, которые будут изданы впоследствии.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Введение.	
1. П. Плокбой и Дж. Беллерс	6
2. Р. Оуэн и Ш. Фурье	23
3. Ф. Бюше	34
4. Луи-Блан.	56
5. О. Отт	73
6. Христианские социалисты	82
7. Ф. Лассаль	92
8. Карл Маркс	100
9. А. Годен	110
10. Ив Гюйо	117
11. Современное состояние производительной кооперации на Западе	127
12. Гильдейские социалисты	146
13. Главнейшие этапы развития и современное состояние артельного движения в России	162
14. Литературные течения: А. Гакстаузен, А. Герцен, Н. Чернышевский, А. Корсак, Н. Флеровский, В. В., М. Туган-Барановский, Е. Максимов-Слобожанин.	206
15. Русское законодательство об артелях.	244
16. Приложение: Образцы договора и устава артели	251

